

Героиня романа Натали жертвует всем ради любви, но способен ли ее избранник оценить этот порыв?.. Ведь влюбленные живут по своим законам. И подчас совершают ошибки, зная, что за них придется платить. Противостоять любви никто не может, а если и пытается, то обрекает себя на тяжкие муки.

Франсуаза САГАН
НЕМНОГО СОЛНЦА В ХОЛОДНОЙ ВОДЕ

Моей сестре
И я вижу ее, и теряю ее, и скорблю, И скорбь моя подобна солнцу в холодной воде.

Поль Элюар

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПАРИЖ

Глава первая

Теперь это случалось с ним чуть не каждый день. Если только накануне он не напивался до того, что утром вставал с постели, словно в зыбком тумане, шел под душ, бессознательно, машинально одевался, и сама усталость освобождала его тогда от бремени собственного «я». Но чаще бывало другое, мучительное: он просыпался на рассвете и сердце колотилось от страха, от того, что он уже не мог называть иначе, чем страх перед жизнью, и он ждал: вот-вот речитативом заговорят в его мозгу тревоги, неудачи, голгофа начавшегося дня. Сердце колотилось; он пытался заснуть, пробовал забыться. Тщетно. Тогда он садился на постели, хватал не глядя стоявшую под рукой бутылку минеральной воды, отпивал глоток безвкусной, тепловатой, мерзкой жидкости – такой же мерзкой, какую представлялась ему собственная жизнь в последние три месяца. «Да что же это со мной? Что?» – спрашивал он себя с отчаянием и яростью, так как был самолюбив. И хотя ему нередко приходилось наблюдать у других, искренне уважаемых им людей нервную депрессию, подобная слабость казалась ему оскорбительной, как пощечина. С юных лет он не слишком задумывался над самим собой, для него вполне достаточно было внешней стороны жизни, а когда он вдруг заглянул в себя и увидел, каким болезненным, немощным, раздражительным существом он стал, то почувствовал суеверный ужас. Неужели этот тридцатипятилетний мужчина, который

чуть свет садится на кровати и без всякой видимой причины нервно вздрагивает, неужели это и есть он? Неужели к этому привели его три десятилетия беззаботной жизни, полной веселья, смеха и лишь изредка омрачаемой любовными горестями? Он уткнулся головой в подушку, прижался к ней щекой, словно подушка обязана была дарить блаженный сон. Но глаз он так и не сомкнул. То ему становилось холодно и он кутался в одеяло, то он задыхался от жары и сбрасывал все с себя, но так и не мог укротить внутренней дрожи, чего-то схожего с тоской и безысходным отчаянием.

Конечно, ничто не мешало ему повернуться к Элоизе и заняться любовью. Но он не мог. Три месяца он не прикасался к ней, три месяца об этом и речи не было. Красавица Элоиза!.. Любопытно, как она с этим мирится... Будто чувствует в нем что-то болезненное, странное, будто жалеет его. И мысль об этой жалости угнетала больше, чем ее гнев или возможная измена. Чего бы он не дал, чтобы захотеть ее, чтобы броситься к ней, уйти в это всегда новое тепло женского тела, неистовствовать, забыться – только уже не сном. Но как раз этого он и не мог. А несколько робких попыток, на которые она отважилась, окончательно отвратили его от Элоизы. Он, который так любил любовь и мог отдаваться ей при любых обстоятельствах, даже самых странных и нелепых, оказывался бессильным в постели рядом с женщиной, нравившейся ему, женщиной красивой и к тому же действительно им любимой.

Впрочем, он преувеличивал. Как-то раз, три недели назад, после знаменитой вечеринки у Жана, он овладел ею. Но теперь это уже забылось. Он слишком много выпил в тот вечер – на что были свои причины, – ему смутно помнилась лишь грубая схватка на широкой постели и приятная мысль при пробуждении, что очко выиграно. Слово краткий миг наслаждения мог быть реваншем за тягостные ночи без сна, за неловкие оправдания и напускную развязность. Конечно, не бог весть что. Жизнь, которая прежде была так щедра к нему – по крайней мере он так считал, и это было одной из причин его успехов, – вдруг отступила от него, как отступает море в часы отлива, оставив одинокой скалу, к которой оно так долго ластилось. Представив себя в образе одинокого старика утеса, он даже рассмеялся коротким, горьким смешком. Но ведь действительно, думалось ему, жизнь покидала его, словно кровь, вытекающая из тайной раны. Время уже не шло, а исчезало куда-то. Сколько бы он ни твердил себе, сколько ни убеждал себя, что еще и сейчас у него есть много завидного: выигранный внешний вид, интересная профессия, успехи в разных областях, – все эти утешения казались ему столь же пустыми, столь же никчемными, как слова церковных акафистов... Мертвые, мертвые слова.

Вдобавок вечеринка у Жана обнаружила, сколько отвратительной физиологичности было в его переживаниях. Он на минуту вышел из гостиной и отправился в ванную комнату вымыть руки и причесаться. Тут у него выскользнуло из рук мыло и упало на пол, под умывальник; он нагнулся, хотел поднять. Мыло лежало под водопроводной трубой, розовый брусочек как будто прятался там; и вдруг эта розовость показалась ему непристойной, он протянул было руку, чтобы взять его, и не смог. Слово то было маленькое ночное животное, притаившееся во мраке и готовое поползти по его руке. Жиль застыл на месте от ужаса. А когда распрямился, весь в поту, и увидел себя в зеркале, в глубине его сознания вдруг проснулось какое-то отрешенное любопытство, и чувство страха встало на свое место. Он вновь присел на корточки и, глубоко вздохнув, как пловец перед прыжком с трамплина, схватил розовый обмылок. Но тотчас же швырнул его в раковину, как отшвыривают уснувшую змею, которую приняли за сухой сучок; целую минуту после этого он плескал себе в лицо холодной водой. Вот тогда-то и пришла мысль, что виной всему надо считать не печаль, не переутомление, не «нынешние времена», а нечто совсем другое. Вот тогда-то он и признал, что «это» в самом деле случилось: он болен.

Но что же теперь делать? Найдется ли на свете более одинокое существо, чем человек, принявший решение жить весело, счастливо с благодушным цинизмом, человек, пришедший к такому решению самым естественным путем – инстинктивно – и вдруг оставшийся с пустыми руками, да еще в Париже, в одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году нашей эры? Обратиться к психиатру представлялось ему унижительным, и он решительно отверг эту мысль

– из гордости, которую он склонен был считать одним из лучших свойств своей природы. Значит, оставалось только одно – молчать. И продолжать это существование. Вернее, попытаться продолжать. Кроме того, сохраняя прежнюю слепую веру в жизнь с ее счастливыми случайностями, он надеялся, что все это ненадолго. Время – единственный властитель, которого он признавал, унесло его любовные утехи, его радости, горести, даже некоторые взгляды, и не было оснований сомневаться, что оно справится и с «этой штукой». Но «эта штука» была чем-то безликим, безымянным, он не знал, что это, в сущности, такое. А ведь, может быть, время имеет власть только над тем, что ты сам осознал.

Глава вторая

Он работал в международном отделе газеты и в этот день все утро провел в редакции. В мире происходили кровавые, невыносимые события, пробуждавшие у его собратьев щекочущее чувство ужаса, и это раздражало его. Не так давно, всего три месяца назад, он охотно ахал бы с ними, выражал бы свое негодование, а теперь не мог. Ему было даже чуть досадно оттого, что этими событиями, происходившими на Среднем Востоке, или в США, или еще где-то, как бы пытались отвлечь его внимание от подлинной драмы – его собственной.

Планета Земля вращалась в хаосе – у кого теперь могло возникнуть желание или нашлось бы время поинтересоваться его жалкими проблемами? Но разве мало часов потратил он сам, выслушивая мрачные исповеди и признания неудачников? Разве мало он совершил пресловутых подвигов спасения? И что же? Вокруг ходят люди с блестящими от возбуждения глазами, и только он один вдруг растерялся, точно заблудившийся пес, стал таким же эгоистом, как иные старики, таким же никчемным, как они. Внезапно у него возникло желание подняться этажом выше, к Жану, и поговорить с ним. Ему казалось, что из всех его знакомых только Жан способен отвлечься от своих забот и посочувствовать ему.

В тридцать пять лет Жиль Лантье все еще был красив. «Все еще» – потому что в двадцать он отличался редкостной красотой, которую, впрочем, никогда не сознавал, хотя и весело пользовался ею, пленяя и женщин и мужчин (последних-бескорыстно). Теперь, пятнадцать лет спустя, он похудел, приобрел более мужественный облик, но в его походке, в движениях осталось что-то от победоносной юности. У Жана, который в прежние времена просто обожал его, хотя никогда ему этого не говорил, да и себе самому в этом не признавался, дрогнуло сердце, когда вошел Жиль. Эта худоба, эти синие глаза, эти черные, слишком длинные волосы, эта нервозность... Право, он становился все более и более нервным, и другу следовало бы им заняться. Но он все не мог решиться: Жиль так долго был для него символом счастья и беззаботности, что он не решался заговорить об этом, как не решаешься посягнуть на давно и прочно сложившийся образ... Что, если он рассыплется прахом... и Жану, который с незапамятных времен был круглым, лысым, задерганным жизнью, придется убедиться, что на свете не существует прирожденных счастливцев? Жан уже утратил немало иллюзий, но вот с этой иллюзией, быть может ввиду ее наивности, ему особенно жалко было расстаться. Он пододвинул стул, и Жиль осторожно опустился на сиденье, так как в комнате негде было повернуться из-за папок с мате-риалами, громоздившихся на письменных столах, на полу, на ка-мине. Жан протянул ему сигарету. Из окна открывался вид на серые и голубые крыши, на царство водосточных желобов, труб и телевизионных антенн, еще недавно восхищавшее Жюля. Но теперь он даже не посмотрел в ту сторону.

– Ну как? – сказал Жан. – Как тебе нравится, а?

– Ты это об убийстве? Да, можно сказать, ловко состряпали!

И Жиль замолчал, опустив глаза. Прошла минута, Жан, желая оттянуть объяснение, приводил в порядок папки на столе и при этом насвистывал, как будто целая минута молчания была естественной при их встречах. Наконец он решился – природная доброта возобладала надо всем остальным, он вспомнил, как был внимателен и ласков с ним Жиль в те дни, когда от него, Жана, ушла жена, и вдруг почувствовал себя последним эгоистом. Вот уже два месяца с

Жилем творится что-то неладное – Жан это чувствовал, но все два месяца избегал

разговоров по душам. Нечего сказать, хорош друг! Но теперь, когда Жиль предоставлял ему право, вернее, откровенно вынуждал его начать атаку, он не мог удержаться от маленькой инсценировки. Все мы таковы после тридцати: любое событие, затрагивает ли оно весь мир или только мир наших чувств, требует некоторой театрализации, для того чтобы оно пошло нам на пользу или дошло до нас. И вот Жан раздавил в пепельнице недокуренную сигарету, сел и скрестил на груди руки. Пристально посмотрев Жилю в лицо, он откашлялся и сказал:

– Ну как?

– Что как? – отозвался Жиль. Ему хотелось уйти, но он уже знал, что не уйдет, что он сам вынудил Жана начать расспросы и, хуже того: у него даже стало легче на душе.

– Ну как? Не клянутся дела?

– Не клянутся.

– Уже месяца два? Верно?

– Три месяца.

Жан определил срок наугад, просто хотел показать, что душевное состояние Жилия не осталось незамеченным и если он до сих пор об этом не заговаривал, то лишь из деликатности. Но Жиль тотчас подумал: «Строит из себя пронизательного человека, хитрюга, а сам на целый месяц ошибся...» Но вслух сказал:

– Да, уже три месяца мне скверно.

– Конкретные причины? – спросил Жан и резким движением поднес зажигалку к сигарете.

В эту минуту Жиль возненавидел его: «Хоть бы оставил этот тон полицейского чиновника, эдакого многоопытного субъекта, которого не разжалобишь. Хоть бы не ломал комедию». Но вместе с тем ему хотелось выговориться – непреодолимая, теплая волна подхватила его и повлекла к откровенности.

– Причин – никаких.

– Вот это уже серьезнее, – бросил Жан.

– Ну, все зависит... – возразил Жиль.

Неприятный его тон сразу вывел Жана из роли бесстрастного психиатра; он встал, обогнул стол и, положив руку на плечо Жилия, ласково забормотал: «Ну ничего, ничего, старик», и от этого у Жилия, к великому его ужасу, на глазах выступили слезы. Решительно он никуда не годится. Он протянул руку, взял со стола шариковую ручку и, нажимая на головку, принялся сосредоточенно выдвигать и убирать стержень.

– Что же у тебя не ладится, старик? – спросил Жан. – Может, ты болен?

– Нет, не болен. Просто мне ничего на свете не хочется, вот и все. Кажется, модная болезнь, да?

Он даже попытался ухмыльнуться. Но, в сущности, ему отнюдь не было легче оттого, что его душевное состояние оказалось явлением распространенным и официально признанным во врачебном мире. Скорее, было даже обидно. Раз уж на то пошло, он предпочел бы считаться «редким случаем».

– Так вот, – с усилием заговорил он. – Мне больше вообще ничего не хочется. Не хочется работать, не хочется любить, не хочется двигаться – только бы лежать в постели целыми днями одному, укрывшись с головой одеялом. Я...

– А ты пробовал?

– Конечно. Хватало ненадолго. К девяти часам вечера меня уже тянуло покончить с собой. Простыни и подушки казались мне грязными, мой собственный запах – омерзительным, обычные мои сигареты – просто гадостью. Это, по-твоему, в порядке вещей?

Жан буркнул что-то невнятное: эти подробности, указывавшие на психический надлом, коробили его больше, чем любые непристойные подробности, и он в последний раз попытался найти логическое объяснение.

– А как с Элоизой?

– Что с Элоизой? Терпит меня. Как тебе известно, нам с ней, в общем-то, не о чем разговаривать. Но она меня действительно любит. А я, знаешь ли, выдохся. И не только с ней, а вообще. Ну, почти что. Если даже что-то и получается, мне скучно. Так что...

– Ну, это не страшно. Наладится.

И Жан попробовал было засмеяться, свести все дело к уязвленному самолюбию ослабевшего петушка.

– Тебе надо посоветоваться с хорошим врачом, принимать витамины, подышать чистым воздухом – и через две недели опять начнешь за курочками гоняться.

Жиль вскинул на него глаза. Он даже зашелся от злости.

– Да не своди ты все к этому. Мне на это наплевать, пони-маешь? Наплевать! Мне ничего не хочется, понимаешь? Не только женщин. Мне жить не хочется. Существуют для таких случаев витамины?

Наступило молчание.

– Выпьешь виски? – спросил Жан.

Открыв ящик стола, он извлек бутылку шотландского виски и протянул ее Жилью; тот машинально отпил глоток и, вздрогнув, замотал головой.

– Мне теперь и спиртное не помогает. Разве что надраться до полусмерти и заснуть. Алкоголь меня больше не возбуждает. И уж, во всяком случае, не в нем же искать выход, верно?

Жан взял у него бутылку и отпил большой глоток.

– Пойдем, – сказал он. – Пошатаемся немного. Они вышли. Париж был восхитителен до слез в горле своей ранней весенней голубизной. И улицы были все те же, прежние, и те же были на них бистро, тот же ресторан «Шлюп», куда они обычно ходили всей братией отмечать какое-нибудь событие, и тот же бар, куда Жиль бегал тайком звонить по телефону Марии в те времена, когда любил ее. Боже мой, вспомнить только, как его тогда трясло в душной телефонной будке и как он читал и перечитывал, не понимая, надписи на стенке, а телефон все звонил и звонил, и никто не брал трубку! Как он мучился, как старался напускать на себя развязность, когда, положив трубку, заказывал хозяйке стаканчик у стойки, выпивал его залпом, как щемило у него сердце, щемило от тоски, от бешенства, но он жил тогда! И хотя он был поработан в ту страшную пору, хотя его топтали ногами, это была почти завидная участь по сравнению с теперешним его прозябанием'. Пусть его ранили, но, по крайней мере, хоть ясно было, в чем причина этой боли.

– А что, если поехать куда-нибудь? – сказал Жан. – Взять недели на две командировку для репортажа.

– Неохота, – ответил Жиль. – Как подумаю о самолетах, о расписаниях, о незнакомых гостиницах, о людях, у которых надо брать интервью... Нет, я не в силах... Да еще с чемоданом возиться... Ох, нет!

Жан искоса поглядел на него и на мгновение подумал, уж не ломает ли его друг комедию. Жиль, случалось, любил поиграть, тем более что все обычно попадались на эту удочку. Но сейчас на его лице был написан такой искренний страх, такое неподдельное отвращение, что Жан поверил.

– А то давай проведем вечер с девочками, как в доброе старое время. Как будто мы с тобой деревенские парни, решившие погулять в столице... Нет, это чепуха... А как твоя книга? Твой репортаж об Америке?

– Уже штук пятьдесят таких книг написано, и куда лучше моей. Неужели ты думаешь, что я способен написать хотя бы две интересные строчки, когда меня ничто не интересует?

Мысль о книге окончательно доконала его. Действительно, он намеревался написать книгу очерков о США, так как хорошо знал эту страну, действительно мечтал написать – даже составил план. Но теперь – и это была истинная правда – он не мог бы написать ни единой строчки или развить какую-либо мысль. Да что же, в конце концов, с ним такое? За что он наказан? И кем? Он всегда относился по-братски к своим друзьям, а с женщинами был даже нежен. Он никогда и никому сознательно не причинял зла. Почему же в тридцать пять лет жизнь, как отравленный бумеранг, ударила его?

– Я сейчас скажу, что с тобой, – загудел возле него голос Жана, успокаивающий, невыносимый голос. – Ты переутомился, у тебя...

– Не смей говорить, что со мной, – заорал вдруг Жиль на всю улицу, – не смей говорить, потому что ты не знаешь! Потому что я сам, слышишь, я сам этого не знаю! А главное, –

окончательно теряя терпение, добавил: – Отвяжись ты от меня!

Прохожие смотрели на них; Жиль вдруг покраснел, схватил Жана за лацканы пиджака, хотел было что-то добавить, но круто повернулся и, не попрощавшись, быстро зашагал к набережной.

Глава третья

Элоиза ждала его. Элоиза всегда его ждала. Она работала манекенщицей в крупном доме моделей, не очень преуспевала в жизни и с восторгом поселилась у Жилья два года назад, в тот вечер, когда его особенно мучили воспоминания о Марии и он уже больше не мог выносить одиночества. Элоиза была то брюнеткой, то блондинкой, то рыжеволосой, меняя цвет волос каждые три месяца по соображениям фотогеничности, чего Жиль никак не мог взять в толк. Глаза у нее были очень красивые, ярко-синие, прекрасная фигура и неизменно хорошее настроение. Долгое время они в известном плане превосходно ладили друг с другом, но теперь Жиль с тоской думал, как провести с ней вечер, что ей сказать. Конечно, он мог бы уйти из дому один – под предлогом, что его пригласили на ужин, она бы не обиделась, но его совсем не соблазняла еще одна встреча с Парижем, с улицей, с ночным мраком, ему хотелось забиться в угол и побыть одному.

Он жил на улице Дофина в трехкомнатной квартире, которую так и не обставил как следует. Вначале он с энтузиазмом прибивал полки, делал проводку для стереофонической радиолы, выбирал место для книжного шкафа, для телевизора – словом, с увлечением обзаводился всякими модными новшествами, которые, как принято считать, делают человеческую жизнь приятной и обогащают ее. А теперь он с досадой смотрел на все эти вещи и не в силах был даже взять с полки книгу – это он-то, целыми днями пичкавший себя литературой! Когда он вошел, Элоиза смотрела телевизор, не выпуская из рук газеты, чтобы не пропустить какой-нибудь сногшибательной передачи, а увидев Жилья, вскочила и с веселой улыбкой тотчас подбежала поцеловать его – эта поспешность показалась ему неестественной и смешной, слишком в духе «твоя маленькая женушка». Он направился к бару – вернее, к столику на колесиках, служившему баром, – и налил себе виски, хотя пить ему совсем не хотелось. Потом уселся в такое же кресло, как Элоиза, и тоже уставился с заинтересованным видом на экран телевизора. Оторвавшись на миг от захватывающего зрелища, Элоиза повернулась к нему.

– Удачный был день?

– Очень. А у тебя?

– Тоже.

И она, казалось с облегчением, снова воззрилась на экран. Там какие-то молодые люди пытались составить слово из деревянных букв, которые дикторша с милой улыбкой разбросала перед ними Жиль закурил сигарету, закрыл глаза.

– По-моему, это «аптека», – сказала Элоиза.

– Прости?

– Мне кажется, что слово, которое им надо составить, – «аптека».

– Вполне возможно, – согласился Жиль.

И он снова закрыл глаза. Потом попробовал сделать еще глоток. Но виски уже успело согреться. Жиль поставил стакан на пол, затянутый бобриком.

– Звонил Никола, спрашивал, не хотим ли мы поужинать сегодня с ним в клубе. Как ты думаешь?

– Там видно будет, – ответил Жиль. – Ведь я только что вернулся.

– Но если тебе не хочется выходить, у нас в холодильнике есть телятина. Можно ужинать и смотреть детектив по телевизору.

«Отлично, – подумал он. – Богатый выбор: либо ужинать с Никола, который в сотый раз будет объяснять, что, если бы наше кино не было так продажно, он, Никола, давно бы создал шедевр. Либо сидеть дома и смотреть по телевизору глупейшую передачу, закусывая холодной телятиной. Ужас!» Но ведь прежде он выходил по вечерам, у него были друзья, он

развлекался, встречался с новыми людьми, и каждая ночь была праздником!.. Где же его приятели? Он хорошо знал, где его приятели, – достаточно протянуть руку к телефону. Им просто надоело безрезультатно звонить ему в течение трех месяцев – вот и все. Сколько он ни перебирал в памяти имен, гадая, кого бы ему хотелось сейчас увидеть, таких людей не нашлось. Только этот подонок Никола все еще цепляется за него. Причина ясна: нечем платить за выпивку. Зазвонил телефон, но Жиль не пошевелился. Было время, когда он сразу хватал телефонную трубку, уверенный, что его призывает любовь, приключение или какая-нибудь удача. Теперь же к телефону подходила Элоиза. Она крикнула из спальни:

– Это тебя, Жан звонит.

Жиль замялся. Что сказать?

Потом вспомнил, что днем грубо обошелся с Жаном, а грубость всегда выглядит некрасиво и глупо. В конце концов, ведь он сам полез к Жану со своими неприятностями, а потом бросил его посреди улицы. Он снял трубку.

– Это ты, Жиль? Ну что у тебя?

– Все в порядке, – ответил Жиль.

Голос Жана был теплый, встревоженный – голос настоящего друга. Жиль растрогался.

– Прости, что так вышло сегодня, – сказал он, – я, видишь ли...

– Завтра поговорим о серьезных вещах. Ты что делаешь вечером?

– Да наверно, я... наверно, мы сегодня останемся дома и будем есть холодную телятину.

Это был настоящий, едва прикрытый призыв о помощи, за которым последовало короткое молчание. Затем Жан ласково произнес:

– Знаешь, нечего тебе дома сидеть. Сегодня в «Бобино» премьера. Если хочешь, у меня есть билеты, я могу...

– Нет, спасибо, – ответил Жиль. – Не хочется вылезать из дому. Давай лучше завтра устроим грандиозный кутеж.

Он вовсе и не думал ни о каком кутеже, и Жан это знал. Но в театр уже было поздно: Жану пришлось бы ехать переодеваться, снова выходить из дому, и этот явно надуманный проект кутежа его устраивал. Он согласился, на всякий случай сказал с не принятой между ними нежностью: «До завтра, старик!» – и повесил трубку. Жиль почувствовал себя еще более одиноким. Он вернулся в гостиную, сел в кресло. Элоиза по-прежнему как замороженная не сводила глаз с экрана. Жиль вдруг взорвался:

– Неужели ты в состоянии смотреть это!

Элоиза не выразила ни малейшего удивления, только повернула к нему кроткое, смиренное лицо.

– Я думала, так лучше, ты тогда можешь не говорить со мной. От изумления он опешил, не зная, что отвечать. И в то же время ее слова прозвучали так униженно, что он ощутил хорошо знакомый ему глухой ужас: кто-то страдает из-за него. И он понял, что его разгадали.

– Почему ты так говоришь? – Она пожала плечами.

– Да так. Мне кажется... у меня такое впечатление, что тебе хочется побыть одному, хочется, чтобы к тебе не приставали. Вот я и смотрю телевизор...

Она глядела на него с мольбой, она хотела, чтобы он сказал:

«Да нет же, нет, лучше уж ты приставай, говори со мной, ты мне нужна», – и на миг у него возникло желание сказать это, чтобы доставить ей удовольствие. Но это была бы ложь, еще одна ложь – какое он имел право так говорить?

– Я не очень хорошо себя чувствую в последние дни, – произнес он слабым голосом. – Не сердись на меня. Сам не знаю, что со мной.

– Я не сержусь, – ответила она. – Я ведь знаю, что это такое. В двадцать два года со мной было то же самое – нервная депрессия. Я все время плакала. Мама безумно за меня боялась.

Ну вот, этого следовало ожидать! Сравнения! С Элоизой всегда все уже было.

– И как же это кончилось?

Вопрос был задан злобным, насмешливым тоном. В самом деле, разве можно сравнивать его болезнь с недугами Элоизы? Это же просто оскорбительно.

– Само прошло – ни с того ни с сего. Месяц я принимала какие-то таблетки – я позабыла, как

они называются. И в один прекрасный день мне вдруг стало лучше...

Она даже не улыбнулась. Жиль посмотрел на нее чуть ли не с ненавистью.

– Жаль, что ты забыла, как называются эти таблетки. Может, спросишь у мамы по телефону?

Элоиза встала и, подойдя к нему, обхватила ладонями его голову. Он пристально смотрел на ее красивое спокойное лицо, на ее губы, столько раз целованные им, на синие, полные сочувствия глаза.

– Жиль! .. Жиль! .. Я знаю, что я не очень умная, и вряд ли могу помочь тебе. Но я тебя люблю. Жиль, дорогой мой!..

И она заплакала, уткнувшись в его пиджак. Ему стало и жаль ее, и в то же время чудовищно скучно.

– Не плачь, – говорил он, – не плачь, пожалуйста. Все уладится... Я совсем развинулся, завтра пойду к доктору.

И так как она продолжала тихонько всхлипывать, как напуганный ребенок, он дал ей слово, что завтра же обязательно пойдет к доктору, весело съел свою порцию холодной телятины и попытался немного поболтать с Элоизой. Потом, когда они легли в постель, он ласково поцеловал Элоизу в щеку и повернулся на бок, молясь в душе, чтобы больше никогда не наступал рассвет.

Глава четвертая

Доктор оказался человеком умным, что отнюдь не облегчало положения. Он простучал легкие Жилия, послушал сердце, задал со скучающим видом обычные вопросы, явно не придавая им ни малейшего значения. Теперь Жиль сидел напротив врача в глубоком кресле стиля Людовика XIII и пристально смотрел на него в смутной надежде, что эта уверенность, этот безапелляционный тон не прикрывают полного бессилия врача исцелить пациента. «В конце концов врачи научились вырабатывать такое вот решительное выражение лица, так же как адвокаты напускают на себя уверенность, так же как у меня, вероятно, бывает иной раз выражение глубокого интереса и понимания, подобающее журналисту». И все же надежда теплилась в его душе. А вдруг и в самом деле существует такая маленькая пиллюлька, излечивающая от отвращения к жизни? Почему бы такой и не быть? Может, у него. Жилия Лантье, просто чуточку недостает в организме кальция, или железа, или еще какой-нибудь штуковины и только поэтому он несчастен? Ведь бывает же, в конце концов, и так! Человек выдумывает невесть что насчет своей воли, свободы, мозга, и вдруг оказывается, что он связан по рукам и по ногам просто потому, что ему недостает витамина В. Так-то. Именно это и надо себе внушить. Убедить себя в этом. Человеческий организм – весьма сложная фабрика и...

– Словом, вы чувствуете себя плохо, – сказал доктор. – Не скрою от вас, что я мало чем могу вам помочь.

– Как так?

Жиль почувствовал себя униженным и обозлился. Ведь он уже психологически отдался во власть этого врача, доверился ему, и вдруг через час этот шарлатан преспокойно заявляет, что на него рассчитывать не приходится. Да ведь он врач, это же, в конце концов, его ремесло. Он обязан что-нибудь сделать. Что, если бы в гараже механики вдруг перестали разбираться в машинах или...

– Физически вы вполне здоровы. Во всяком случае, по внешним показателям. Если хотите, можно сделать анализы. Можно прописать вам лекарство для поднятия тонуса. Одну капсулу перед едой по пять раз в день...

Он говорил почти насмешливо, и Жиль возненавидел его. Он шел к чадолюбивому отцу, а ему подсунули ученого скептика.

– Раз вы считаете, что это поможет, я готов принимать любое лекарство, хоть по десять раз в день, – сухо сказал он.

Доктор засмеялся.

– Только какое? Вы страдаете общей вялостью, которую мы называем депрессией. Она

затрагивает и умственную деятельность, и половую сферу, и все прочее, как вы говорили. Если желаете, могу направить вас к психиатру. Иногда бывает толк. Иногда нет. Есть у нас доктор Жиро, он очень хорошо разбирается...

Жиль взмахом руки отмел это предложение.

– Могу посоветовать вам отправиться в путешествие, отдохнуть хорошенько или, наоборот, изнурять себя. Признаться, я плохой специалист в этой области и не решусь утверждать то, чего не знаю. Могу посоветовать только одно: выждать.

Тут он позвал ассистентку и, словно делая подарок Жилю, продиктовал ей рецепт на безобидное и вместе с тем сложное по составу лекарство. Жиль смотрел на него: ведь у этого человека хорошее, умное и усталое лицо. Подписав рецепт, доктор протянул его Жилю.

– Давайте все-таки попробуем. По крайней мере жену свою успокойте, если вы женаты.

Жиль встал, но не решался уйти. Ему хотелось спросить: «Ну и что же мне теперь делать?» Он так редко ходил к врачам, что был ошеломлен равнодушием эскулапа, к которому обратился за помощью.

– Благодарю вас, – сказал он наконец, – я знаю, что вы очень заняты, и только по просьбе Жана...

– Мы с Жаном большие приятели, – сказал доктор. – Во всяком случае, друг мой, таких больных, как вы, я вижу человек пятнадцать в неделю. В конце концов все у них налаживается. Знамение времени, как говорится.

Он похлопал Жилю по спине и выставил за дверь. Итак, в пять часов вечера Жиль оказался на тротуаре, взбешенный и, главное, ошеломленный, словно ему объявили, что он скоро умрет. Жан сказал ему: «Сходи к этому доктору, он по крайней мере не будет морочить тебе голову». Но разве не имеет права врач, занимающийся исцелением недугов, морочить людям голову? Жиль отдавал себе отчет, что он предпочел бы иметь дело с ка-ким-нибудь лжепророком или с дураком, пичкающим пациентов лекарствами. Он пал так низко, что предпочел бы, чтобы его обманывали в открытую, ввали в лицо, лишь бы это его подбодрило. Вот до чего он дошел. И при этой мысли он стал себе еще противнее.

Что делать? Можно, разумеется, вернуться в редакцию, хотя у него – в кои-то веки – имелась основательная причина «прогулять»: «Я был у врача». Что за ребяческие повадки, что за мания вечно оправдываться, врать, видеть в других взрослых людях классных надзирателей, которых ничего не стоит надуть, – да, это настроение, ставшее привычным, угнетало его все больше и больше. А его работа, работа, которой он прежде так увлекался! Теперь он не в силах выполнять ее, пусть даже плохо. Все делает сейчас за него Жан. И это в конце концов станет известно в редакции. Его выкинут из газеты, которую он полюбил и где с таким трудом сумел создать себе положение, и он вновь станет жалким борзописцем в какой-нибудь бульварной газетенке. И поделом ему. Он кончит жизнь среди ненасытных подонков, которыми кишат редакции подобных «органов печати», будет беспробудно пьянствовать, а вечерами оплакивать свою судьбу в ночных кабаках. Вот и все.

Ну что ж, раз опускаться на дно, так уж опускаться сразу. Жильда, наверно, сейчас дома, Жильда что-нибудь придумает. Жильда всегда дома и всегда готова доставить удовольствие другим или себе самой, либо то и другое вместе. Жильда уже много лет была содержанкой весьма покладистого бразильца, которого пленил ее цинизм; она почти не выходила из своей квартиры в Пасси, в бельэтаже; жила в чаду чувственных удовольствий, как другие – в чаду опиума. В сорок восемь лет у нее было все еще великолепное тело, что-то львиное в чертах увядающего лица и дикие вспышки гнева. Жан говорил, что это одна из последних героинь Барде д'Орвилли, и Жиль мог бы с этим согласиться, не будь он таким знатоком женщин: иной раз за торжествующе – грубой личиной Жильды угадывалось нехитрое, чуть книжное комедианство. Но, во всяком случае, она была славная баба и очень его любила. Он позвал такси, потому что вот уже два месяца водить машину по улицам Парижа стало для него невыносимой пыткой, и дал шоферу адрес Жильды.

На этот раз она в виде исключения была одна и приняла его в домашнем пестром платье, что ей очень шло. Жилю она встретила потоком нежных укоров. Он присел на край кровати и приготовился слушать ее болтовню. Ей, оказывается, ужасно его не доставало. Она недавно

вернулась с Багамских островов. Она терпеть не может жаркие страны – почти так же, как северные. Теперь у нее новый любовник, девятнадцатилетний юнец, она с ним разводит сантименты. Но его сестра тоже ей нравится. Виски или сухого мартини? Прежде он пил сухое мартини. Во времена их романа. Сколько же дней он продолжался? Жильда едва не полюбила его. Да-да, по-настоящему. Минут через десять она остановилась и кинула на Жилия строгий взгляд.

– Ты что там замышляешь?

И оба прыснули со смеху. Они уже давно ввели в обиход это выражение: «Ты что там замышляешь?» Раздражение Жилия прошло, он успокоился, вытянул ноги поудобнее и окинул благосклонным, отчужденным взглядом бывшего жильца причудливо обставленную комнату.

– Я сейчас у доктора был, – сказал он.

– Ты? Что с тобой стряслось? А ты и правда похудел. Уж не подцепил ли...

Она не договорила, и Жиль не без иронии подумал, что слово, не произнесенное Жильдой, было, пожалуй, единственным, которое она стыдилась выговорить вслух.

– Успокойся, рака у меня нет. Ничего у меня нет. Только хандра.

– Ну и хорошо, – обрадовалась она. – А то я уж испугалась. И давно это у тебя?

– Да месяца три. Не знаю в точности.

– Вот что, – сказала она назидательным тоном, – вовсе у тебя не хандра. У тебя депрессия. Вспомни, в каком я была состоянии в шестьдесят втором году...

По-видимому, этой болезнью, во-первых, страдали все подряд, а во-вторых, с жаром стремились о ней поведать, и это было досадно. Жилю пришлось выслушать рассказ Жильды о том, как у нее была нервная депрессия, которая в одно прекрасное утро прошла сама собой – кажется, на острове Капри, и Жиль все пытался понять, было ли тут что-нибудь общее с тем, что испытывает он, Жиль Лантье. Ничего общего.

– Я знаю, что ты думаешь, – вдруг сказала она. – Ты думаешь, что у тебя все по-другому. Но ты ошибаешься. Все так же, как у меня. В один прекрасный день ты проснешься утром веселый, как зяблик, такой же, как прежде... или пустишь себе пулю в лоб. Ты, конечно, умнее меня, но какая сейчас тебе польза от твоего ума?

Она говорила ласково, положив руку ему на колено, наклонившись к нему, и он удивлялся, что его несколько не влечет к этому прекрасному телу. Прежде у него всегда вспыхивало желание при встречах с ней. Он было потянулся к глубокому вырезу ее платья, но она перехватила его руку.

– Нет, – сказала она. – Я же вижу, тебе ничуть не хочется.

Тогда он положил голову ей на плечо и вытянулся рядом – он лежал одетый – не двигаясь. Она молча поглаживала его по голове. Он ничего не видел, уткнувшись носом в складки ее шелкового платья, ему трудно было дышать, подташнивало, но он не в силах был пошевелиться. Жильда вдруг встряхнула его – он пробормотал что-то невнятное.

– Слушай, Жиль, сейчас приедет Арно. Мне надо одеться, он хотел поехать со мной в какой-то омерзительный ночной кабак. Но ты можешь остаться здесь. Если хочешь, я пришлю тебе Веронику. Это индианка, великолепная, необыкновенно зажигательная женщина. Хоть развлечешься немного. Ты что, все еще с Элоизой?

Она произнесла последние слова презрительным тоном, каким говорят женщины, желая показать, что они не одобряют затянувшихся связей своих бывших любовников. Жиль кивнул.

– Значит, да?

Ему хотелось только одного – не двигаться. Так страшно было вновь ринуться в парижскую сутолоку, искать такси в семь часов вечера, выдерживать натиск куда-то спешащей толпы.

– Хорошо, я останусь.

Он с неподдельным удовольствием смотрел, как она подправляет грим, переодевается, звонит по телефону. Он даже пожал руку юному Арно, типичному котику. Не без снисходительности.

Ожидая в тихой квартире обещанного появления незнакомки, он даже почувствовал себя героем детективного романа, и это забавляло его. После ухода Жильды он устроился на диване в гостиной, накинув на себя мужской халат, который кто-то очень кстати здесь

оставил, закурил сигарету, взял иллюстрированный журнал, поставил возле себя на ковре стакан с виски; потом ему пришлось встать, чтобы найти пепельницу; потом встать, чтобы приглушить проигрыватель, запущенный Жильдой слишком громко для тихой музыки; потом пришлось встать, чтобы отворить окно, потому что он задыхался от жары; потом пришлось встать, чтобы закрыть окно, потому что он продрог; потом пришлось встать, чтобы взять сигареты, забытые им в спальне Жильды; потом пришлось встать, чтобы положить кусочек льда в согревшееся виски; потом пришлось встать, чтобы переменить пластинку, прокрученную уже три раза подряд; потом пришлось встать, так как зазвонил телефон; потом пришлось встать за новым журналом. И когда, по истечении часа, у входной двери раздался звонок, раздражение Жилия против самого себя достигло апогея и он не встал, чтобы отворить.

Глава пятая

Он шел по улицам, направляясь домой, но не прямо, а делая один крюк за другим, потому что не мог ни остановиться, ни повернуть назад. В голове стояла какая-то гудящая пустота, ему казалось, что все на него оглядываются, все видят, каким он стал безобразным, жалким, и он сам себя таким ощущал; то ему чудилось, будто он топчется на месте, то он вдруг обнаруживал, что пересек широкую площадь и даже не заметил этого. Почему-то он оказался в Тюильри, и тут ему вспомнилось, как Дрие ла Рошель в свое время тоже пришел сюда якобы для прогулки, для своей последней прогулки, – Жилью стало смешно: у него никогда не хватит мужества, да и нет желания покончить с собой. Даже этого у него нет. К его отчаянию подходит любой эпитет, но только не «мужественное» или «романтическое». По правде говоря, его бы вполне устроило, если бы у него возникло желание покончить с собой. Вообще его устроила бы любая крайность.

«А может, у меня все-таки этим дело и кончится? – думал он, словно желая успокоить себя. – Если и дальше так пойдет, мне, конечно, не выдержать. Должен же я буду что-то сделать, ведь я...» Он думал об этом «я» со смешанным чувством надежды и страха, словно о каком-то постороннем человеке, который мог действовать вместо него. Но только позднее, так как сейчас в нем не было того «я», которое способно застрелиться, сунув пистолет себе в рот, или броситься вон туда, вниз, в темно-зеленые воды Сены, – он не мог представить себе, ни как он умрет, ни как будет жить. Сейчас ему ничего не довести до конца. Он мог только дышать, существовать, мучиться.

Вдруг его пробрала дрожь, и он решил пойти в клуб и выпить. Конечно, это не блестящий выход, но он просто не может больше шагать вот так, пряча заочневшие руки в карманы плаща, и быть все время под током, чувствуя каждый нерв, ведущий от ладоней к плечам, к сердцу, к легким. Да, надо выпить вдрызг, а домой его кто-нибудь привезет. По крайней мере тогда он уснет. И Элоиза укроет его одеялом.

Он вошел в клуб, поздоровался с барменом, дал дружеского тумака Жоэлю, обменялся шуточками с Пьером, помахал рукой Андре, Билю, Зоэ – словом, проделал все, что положено, и, несмотря на многочисленные приглашения, сел один у стойки бара. Он выпил шотландского виски, затем повторил, но пил его будто воду. Тут появился Тома, явно пьяный, блаженно улыбающийся, и сел рядом с Жилем. В редакции они были тайными врагами вот уже четыре года – с тех пор как произошла эта темная история из-за некой девицы и из-за некоего репортажа, Жиль сейчас уже не помнил подробностей. Знал только, что они поссорились. Тома, маленький, щуплый, с остреньким личиком, говорил пронзительным фальцетом, раздражавшим Жилия.

– А-а, вот он, наш красавец Жиль! – воскликнул он,дохнув ему в лицо таким густым винным перегаром, что Жиль невольно отшатнулся. Для достойного завершения вечера не хватало только этой встречи. – Ты что шарахаешься? Не нравлюсь я тебе? Скажи, не нравлюсь?..

Пьер издали делал знаки. В тот вечер он дежурил по клубу и потому хотел предупредить Жилия, что Тома вдребезги пьян, хотя это и так было очевидно. Тома все не отставал:

– Ну, красавец? Что ж ты не отвечаешь?

И вдруг резким движением – не то нарочно, не то нечаянно – опрокинул свой стакан прямо на рубашку Жилия. Стакан упал на пол и разбился. Все притихли.

В эту минуту что-то оборвалось в груди Жилия. Все исчезло – жажда счастья, уважение к людям, самообладание, все вдруг затрепетало, рухнуло в порыве злобы, и Жиль вдруг увидел как бы со стороны, что он бьет Тома; бедняга свалился от первого же удара, а Жиль стоял возле него на коленях и бил его кулаком по остренькому личику, бил по своей жизни, по своему разочарованию в жизни, бил самого себя. Чьи-то сильные руки схватили его за плечи, оттащили, а он все продолжал драться, почти рыдая, и буйствовал до тех пор, пока до него не донеслись слова: «Пес бешеный» – и кто-то не дал ему в зубы. Тогда он перестал вырываться, и все умолкли. Жиль увидел вокруг себя с десятков недоуменных, возмущенных лиц, увидел, как маленький Тома встает на четвереньки, и почувствовал на губах соленый вкус крови и слез. Он вышел, пятась к двери, и никто не сказал ему ни слова. Даже Пьер, с которым он пьянствовал всю свою молодость. Как раз Пьер-то и ударил его, сообразил Жиль, и правильно сделал. Это ведь его обязанность, в конце концов. Каждый должен зарабатывать себе на жизнь.

В квартире слышались голоса, и он в удивлении остановился у дверей. Было около полуночи. Он вытащил из кармана носовой платок и вытер кровь, запекшуюся в уголках губ: ему вовсе не хотелось появиться в образе Франкенштейна. В былые времена он не преминул бы разыграть эту роль, но теперь маленькие комедии, прежде забавлявшие его, потеряли для него свой смысл. В гостиной сидел Жан вместе со своей приятельницей Мартой, ласковой и глупой толстухой, а Элоиза стояла у окна. Она вздрогнула, когда он вошел. Жан повернулся к нему с притворно-спокойным видом, а Марта воскликнула:

– Боже мой!.. Жиль, что с вами случилось?..

«Настоящий семейный совет, – подумал он. – Добрые души, искренние друзья тревожатся вместе с верной подругой... И вдобавок какая удача-герой возвращается раненым». Элоиза тут же помчалась в ванную за ватой. Жиль рухнул в кресло и улыбнулся.

– Я подрался – глупо, как всегда, когда люди дерутся. И знаешь с кем, Жан? С Тома.

– С Тома? Только уж не говори, пожалуйста, что это он так тебя отделал.

И Жан засмеялся с благодушным и недоверчивым видом знатока – недаром он каждый понедельник ходил на бокс.

– Нет, – ответил Жиль. – Это Пьер ударил, когда разнимал нас.

И вдруг ужаснулся, вспомнив об этой жалкой ссоре, о своем ожесточении, о том, что он с упоением бил человека. «Мало того, что я самому себе противен. Если я стану противен еще и другим...» Он поднял руку.

– Не надо больше об этом. Завтра в редакции меня будут называть скотом, а послезавтра все позабудется. Чему я обязан удовольствием вас видеть?

Вопрос этот он задал Марте, но она не ответила, только приветливо улыбнулась. Должно быть, Жан сказал ей: «С Жилем что-то неладно», – и она с любопытством смотрела на человека, у которого что-то неладно – состояние, явно непостижимое для нее.

Элоиза уже прибежала – собранная, сосредоточенная: женщины обожают изображать сестру милосердия – и первым делом запрокинула Жилю голову.

– Сиди смирно. Немножко пощиплет – и все.

«А теперь воображает себя заботливой мамашей: „Мой мальчуган напроказил“. Что их так тянет устраивать нелепейшие комедии? Только что разыграли чисто мужской скетч на тему: „Карликов не бьют“, а теперь: „Возвращение Жилия Лантье к домашнему очагу и заговор его близких для его же блага“. Жан в роли резонера журит подравшегося приятеля: „Ай-ай-ай, нехорошо!“ Элоиза разыгрывает домовитую хозяйку. Марта ничего не изображает, потому что глупа как пробка. А иначе она подлетела бы с флакончиком спирта и протянула бы его Элоизе».

Рассеченную губу действительно сильно щипало. Жиль заворчал.

– Ну? – спросил Жан. – Что тебе сказал Даниель?

– Даниель?

– Ну да – доктор.

– А разве ты не разговаривал с ним по телефону? Жиль сказал это наугад, сердитым тоном, намекая на всегдашнее отношение к нему своего друга – отношение отеческое, покровительственное, даже чересчур, и, увидев, как Жан покраснел, догадался, что попал в точку. Итак, Жан действительно тревожился, и это вдруг испугало его, наполнило чувством поистине животного страха: а что, если это все кончится психиатрической больницей?

– Верно, – подтвердил Жан с благочестивой кротостью человека, не желающего лгать, когда лгать уже ни к чему, – верно, я звонил ему.

– Ты, значит, тревожился?

– Немного. Но он меня, кстати сказать, успокоил.

– Так хорошо успокоил, что ты в полночь пришел навестить меня?

Жан внезапно вспылал:

– Я пришел, потому что Элоиза знала, что ты в четыре часа отправился к доктору и вдруг куда-то пропал, и она безумно беспокоилась. Я пришел составить ей компанию и подбодрить. Поговорил по телефону с Даниелем: по его мнению, у тебя нервное переутомление, угнетенное состояние, как у девяти десятых жителей Парижа. Но это еще не основание для того, чтобы люди из-за тебя беспокоились, мучались, пока ты дерешься в барах с Тома или с кем-нибудь еще там.

Наступило молчание. Потом Жиль улыбнулся.

– Извини, папочка. А что еще говорил тебе твой приятель?

– Тебе надо переменить обстановку.

– Вот как? Газета преподнесет мне бесплатный билет, и я отправлюсь в туристическую поездку на Багамские острова, верно? Ты потолкуешь на этот счет с шефом?

Он почувствовал, что говорит глупо, зло и совсем не остроумно, но не мог остановиться.

– На Багамских островах как будто бы очень красиво, – светским тоном вставила Марта, но Жан бросил на нее такой свирепый взгляд, что Жиль с огромным трудом подавил желание расхохотаться.

Он кусал губы и, несмотря на боль, все же чувствовал, что из горла рвется смех, неудержимый, как и его недавняя злоба. Он изо всех сил боролся с собой, попытался сделать глубокий вдох, но фраза, брошенная Мартой, не выходила у него из головы и казалась ему невероятно смешной. Он кашлянул, закрыл глаза и вдруг расхохотался.

Он хохотал и хохотал, еле переводя дыхание. «Багамские острова, Багамские острова, – бормотал он между приступами смеха, как бы извиняясь. – Багамские острова... Багамские острова». А когда он открывал глаза, то видел перед собой три озабоченных лица и принимался хохотать еще громче. Ранка на губе раскрылась, он чувствовал, как по подбородку тоненькой струйкой течет кровь, и смутно сознавал, что в таком виде – окровавленный, хохочущий до слез, до рыданий, дергающийся от смеха в этом кресле, обитом рубчатым вельветом, – он похож на сумасшедшего. Все вдруг стало нелепым, диким, смехотворным. А сегодняшний день... О боже, как провести вечер... В чужом халате возлежал на диване, как паша в ожидании одалиски, которой так и не отворил дверь... Ах, если бы он только мог рассказать об этом Жану... Но приступы смеха не проходили-он не мог остановиться, не мог произнести ни слова... Он стонал от смеха. Он псих, вся жизнь психованная. А почему эти трое не хохочут?

– Перестань! – твердил Жан. – Перестань!

«Сейчас он даст мне пощечину, наверняка даст, считает, что в подобных случаях так нужно. Все считают, что на каждый случай в жизни есть свое правило. Если человек слишком громко смеется, его бьют по щекам, если он слишком горько плачет, ему дают снотворное или посылают на Багамские острова».

Но Жан не дал ему пощечины. Он отворил окно, женщины укрылись в спальне, и приступ дикого хохота постепенно прошел. Жиль даже – не знал, почему он так смеялся. Не знал он также, почему теперь по его лицу текут теплые, тихие, неиссякаемые слезы и почему Жан протягивает ему платок, выдернув его из верхнего кармашка пиджака, светло-синий платок в гранатовую клетку, а рука у него так и дрожит.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛИМОЖ.

Глава первая

Он лежал на траве и смотрел, как вдали над холмом восходит солнце. Со дня своего приезда сюда он просыпался слишком рано, да и спал плохо, потому что деревенская тишина и покой раздражали его не менее, чем шумная суতোлка Парижа. Его сестра, у которой он теперь жил, знала это и втайне обижалась. У нее не было детей, и к младшему своему брату Жилью она относилась как к сыну. И то, что ей не удалось за две недели, по ее выражению, «поставить его на ноги», казалось ей прямым оскорблением Лимузену, чистому воздуху родного края и вообще их семейству. Ей, разумеется, случалось встречать в газетах рассуждения о нервной депрессии, но она считала, что это скорее капризы, чем болезнь. Вот уже сорок лет, как Одилия с завидным беспристрастием делила время между своими родными, своим мужем и своим хозяйством и, будучи лишенной воображения в такой же мере, как и доброй, просто не в состоянии была поверить, что отдых, сочные бифштексы и прогулки не могут излечить от любого недуга. А между тем Жиль все худел, молчал и даже иногда убегал из комнаты, когда она, например, заводила разговор с Флораном, своим мужем, о последних событиях. Если же она включала телевизор, превосходный, недавно купленный телевизор, принимающий две программы, Жиль запирался у себя в комнате и выходил только на следующее утро. Он и всегда-то был взбалмошным путаником, но теперь, видно, и вовсе свихнулся в своем Париже. Бедняжка

Жиль!.. Когда она гладила его по го-лове, он – удивительное дело!-не вырывался, позволял ей ласкать себя, даже садился на скамеечку у ее ног и молча сидел, пока она занималась вязанием, словно у него становилось легче на душе от ее присутствия. Она болтала о всякой всячине, смутно догадываясь, что это его не интересует, зато успокаивает, как успокаивают все вековечные темы: смена времен года, виды на урожай, соседи.

Он решил уехать сразу же после мучительного дня, пережитого в Париже, а так как денег у него не было, одни долги и, кроме того, любой незнакомый человек вызывал в нем страх, он решил укрыться у Одилии в обветшалом доме, который оставили им родители и куда она после их смерти переехала со своим мужем Флораном, нотариусом, человеком, по-детски кротким и беспомощным в делах, существовавшим только на арендную плату и кое-какую ренту и жившим в отрыве от событий дня. Жиль знал, что у сестры ему будет смертельно скучно, но по крайней мере здесь он сможет убежать от самого себя, от тех нелепых припадков, которые, как он чувствовал, будут повторяться все чаще, если он останется в Париже. Во всяком случае, если он начнет тут кататься по земле, то свидетелями окажутся только овцы на лугах Лимузена, а это все же менее неприятно, чем рыдать на глазах у друзей и собственной любовницы. Кроме того, побыть в обществе родной сестры, другими словами, единственного человека, связанного с тобою естественными, кровными узами, казалось ему просто благословением небес. Всякая нарочитость, все показное вызывали в нем ужас. Теперь ему не в чем было себя упрекнуть – перед кем бы то ни было.

Парижскую квартиру он оставил Элоизе, в газете его замещал Жан – он дал им обоим твердое обещание вернуться через месяц вполне здоровым. Но вот он здесь уже две недели и близок к отчаянию. Природа тут великолепна – он это видел, но не чувствовал; родительский дом, безусловно, ему мил, но утешения он тут не нашел: каждое дерево, каждая стена, каждый закоулок как будто говорили ему: «Прежде ты был здесь счастлив, ты был тогда хорошим», а теперь он бочком пробирается по аллеям сада или по коридорам дома, словно вор. Обворованный вор, у которого украли все, даже детство.

Солнце поднялось и залило светом зеленый луг. Жиль зарылся лицом в росистую траву, повернул голову вправо, влево, не спеша вдыхая запах земли, пытаясь воскресить то блаженное ощущение счастья, которое раньше приходило само собою. Но даже такие

простые радости не приходят по заказу, и он сам себе был противен, будто ломал комедию, притворялся, что любит природу, – вот так же мужчине, прежде пылавшему страстью к женщине, неприятно оказаться с ней в постели, когда эта страсть угаснет, повторять те же слова и жесты, хотя сердце замкнулось и молчит. Он встал, с досадой обнаружил, что пуловер у него вымок, и направился к дому.

Это был старый серый дом с голубой крышей, с двумя маленькими смешными коньками, типичный лимузенский дом, с террасой на переднем плане и с холмом позади – дом, где в любое время года и в любой час пахло цветущей липой и летними сумерками. По крайней мере так казалось Жилю, даже теперь в этот ранний час, когда он, поевиваясь от утреннего холодка, вошел в кухню. Одилия уже встала и, накинув халат, варила кофе. Жиль поцеловал ее. Она что-то пробормотала о воспалении легких, которое ничего не стоит схватить, валяясь ранним утром в росистой траве. И все же ему было хорошо возле нее, приятно было вдыхать запах кофе и ее одеколона, запах дров, тлевших в камине; ему хотелось бы быть на месте большого рыжего кота, который лежал на сундуке и сейчас, потянувшись, соблаговолил наконец проснуться. «Боже мой, боже мой, вот она, настоящая жизнь, простая и спокойная!» Как жаль, что он способен лишь на несколько минут включиться в эту милую рутину – тотчас же жизнь с ее неотвязными тревогами набрасывается на него, будто свора гончих, которые дали затравленному оленю трехминутную передышку, лишь бы длилась безумная гонка. В эту минуту в кухню вошел Флоран, тоже в халате. Он был низенький и такой же толстый, как его жена, но с голубыми, огромными, как два озера, глазами, словно по ошибке попавшими на его румяное лицо. У него была забавная привычка комментировать жестами все, что говорилось вокруг: если разговор заходил о войне, он загораживал лицо согнутой в локте рукой, а если говорили о любви, прикладывал палец к губам. Поэтому, увидев Жилю, он высоко поднял руку и поздоровался с ним так громко, словно их разделяло расстояние в сотню шагов.

– Ну как? Хорошо спал, дорогой? Приятные видел сны?

И он бросил на него заговорщический взгляд. Он упорно отказывался верить в болезнь своего шурина и объяснял его состояние каким-то неудачным романом. Отпирательства Жилю несколько не помогали. В глазах кроткого нотариуса Жиль был и оставался соблазнителем, которого на сей раз заарканила какая-то дрянь. И, видя Жилю простертым в шезлонге, он бросал ему в утешение какую-нибудь игривую фразу: «Одну потерял, десять новых найдешь», и при этом судорожно растопыривал пальцы обеих рук. Такие шутки вызывали у Жилю безумное желание расхохотаться и одновременно злость, и он не отвечал. Но поразмыслив, он испытывал некоторое удовольствие и даже радовался, что Флоран так плохо понимает его состояние. В конце концов, это могла быть и правдой. Вся эта путаница как-то смягчала дело. Так к человеку, заболевшему инфекционной желтухой, приходит приятель и, видя на подушке желтое как лимон лицо, выражает беспокойство по поводу того, что больной начинает лысеть.

– Который час? – весело осведомился Флоран. – Восемь часов? День-то, день-то какой прекрасный!..

Жиль, вздрогнув, повернулся к окну. В самом деле, какой прекрасный день его ждет! Надо будет свозить сестру в соседнюю деревню за покупками, а себе купить газеты, журналы, сигареты; вернувшись, он устроится на террасе и будет читать до обеда, а потом пойдет прогуляться по лесу, возвратившись, выпьет перед ужином с Флораном виски и рано, очень рано отправится спать, чтобы сестра, которая уже с восьми часов вечера не находит себе места, могла наконец включить телевизор. Сам не зная почему. Жиль проявлял к телевизору слишком подчеркнутое отвращение. На минуту ему стало совестно: по какому праву он лишает сестру удовольствия? Неужели посидеть у телевизора такой уж смертный грех? Ей ведь не очень-то весело живется, Он наклонился к Одилии.

– Сегодня вечером я буду вместе с вами смотреть телевизор.

– Ой нет! – возразила она. – Только не сегодня. Мы все вместе едем к Руаргам. Я же говорила тебе на днях.

– Ну, значит, я в одиночестве буду наслаждаться телевизором, – шутливо сказал он.

– Да ты с ума сошел! – воскликнула Одилия. – Ты тоже поедешь! Мадам Руарг очень просила. Она тебя знает с пяти лет...

– Я к тебе приехал не для того, чтобы ходить по гостям! – в ужасе закричал Жиль. – Я приехал сюда отдыхать. Не поеду к Руаргам – и все.

– Нет, поедешь, невежа! Сердца у тебя нет, хулиган! – Оба орала во весь голос, словно вдруг ожили неистовые ссоры их юных дней, а перепуганный Флоран, забавно жестикулируя, тщетно пытался их успокоить, то отчаянно размахивая обеими руками, словно сбившийся с такта дирижер, то назидательно поднимая палец, как проповедник в экстазе. Все было напрасно. Буря гремела целых пять минут, и чего при этом только не было помянуто: и покойная мать, и распутная жизнь Жилия, и обязанность соблюдать приличия, и непроходимая глупость Одилии – последнее замечание исходило от Жилия. Тут Одилия разразилась рыданиями. Флоран заключил ее в объятия, погрозив Жилию кулаком и сделав в его сторону смешной боксерский выпад, и тогда Жиль, ошеломленный, побежденный, тоже обнял Одилию и поклялся, что поедет с ней куда угодно. За это его наградили признанием, что он «все-таки славный мальчик». И в восемь часов вечера все трое сели в старенький «ситроэн» Флорана, который он вел так своеобразно, что все тридцать километров, отделявших дом супругов от

Лиможа, Жилию было уже не до душевных тревог – он всерьез опасался за свою жизнь.

Глава вторая

В Лиможе еще сохранилось несколько голубых гостиных, встречающихся все реже и реже, и гостиная господ Руарг была одним из последних экземпляров. Много лет назад обитателями Лиможа владело повальное увлечение голубым бархатом, и некоторые семьи (обычно по причинам финансового характера или во имя верности прошлому) не меняли обстановку. Лишь только Жиль вошел в гостиную Руаргов, на него нахлынули воспоминания детства – сотни вечерних чаев, сотни часов, когда, сидя на мягком пуфе, он поджидал родителей, сотни фантазий в блекло-голубых тонах. Но не успел он оглянуться, как его уже обнимала и прижимала к груди седовласая и розовощекая старушка, хозяйка дома.

– Жиль, миленький мой Жиль!.. Лет двадцать вас не видела... Но вы не думайте, мы с мужем читаем ваши статьи, следим за вашими выступлениями... Конечно, мы не во всем согласны с вами, потому что оба мы всегда были немножко консерваторами, – добавила она, словно признавалась в невинном чудачестве, – но читаем вас с интересом... Вы к нам надолго? Одилия говорила, что у вас как будто малокровие... Очень приятно увидеться с вами... Пойдемте, я вас всем представлю.

Ошарашенный, оглушенный, Жиль покорно предоставил старушке обнимать, ощупывать, превозносить его. В гостиной было много народу, все разговаривали стоя, кроме трех стариков, восседавших на стульях, и Жилем овладела паника. Он бросал испепеляющие взгляды на сестру, но она, в полном восторге, неслась по гостиной на всех парусах, лишь время от времени останавливаясь перед какими-то незнакомыми людьми и радостно бросаясь им на шею. «Сколько же времени я здесь не был? – думал Жиль. – Боже мой, со смерти отца – значит, уже пятнадцать лет. Но зачем я здесь?» Он двинулся вслед за хозяйкой дома, поцеловал руку десятку дам, обменялся рукопожатием с дюжиной гостей и всякий раз пытался улыбаться, но на самом-то деле едва различал эти незнакомые лица, хотя многие женщины были миловидны и изящно одеты. В конце концов он пристроился возле какого-то сидевшего в кресле старичка, который прежде всего сообщил, что он один из старых друзей его покойного отца, а затем осведомился, что Жиль думает о политическом положении страны, и тут же сам принялся растолковывать это положение. Слегка наклонившись к старичку, Жиль делал вид, будто слушает, но тут мадам Руарг потянула его за рукав.

– Эдмон, – воскликнула она, – перестаньте мучить нашего молодого друга! Жиль, я хочу вас представить мадам Сильвенер. Натали, знакомьтесь: Жиль Лантье.

Жиль обернулся и оказался лицом к лицу с высокой красивой женщиной, улыбавшейся ему.

Она была рыжеволосая, со смелым взглядом зеленых глаз, с дерзким и вместе с тем добрым выражением лица. Она улыбнулась, произнесла низким голосом: «Здравствуйте» – и тотчас отошла. Заинтригованный, Жиль проводил ее взглядом. Всем своим обликом она, словно вспышка яркого пламени, до странности не подходила к голубому выцветшему бархату этой старомодной гостиной.

– Это вопрос престижа...-опять забубнил неутомимый старичок. – Ах, вы любуетесь прекрасной мадам Сильвенер? Королева нашего города!.. Ах, будь я в ваших годах!.. Что же касается нашей внешней политики, то такая страна, как Франция...

Ужин тянулся бесконечно. Жиль, сидевший напротив прекрасной мадам Сильвенер, на другом конце стола, время от времени ловил обращенный к нему спокойный, задумчивый взгляд, так не вязавшийся с ее манерой держаться. Она много говорила, вокруг нее было много смеха, и Жиль посматривал на нее с легкой иронией. Должно быть, она действительно чувствовала себя королевой Лимузена и хотела понравиться приезжему парижанину, к тому же журналисту. В прежнее время для него была бы развлечением двухнедельная связь с женой провинциального судейского чиновника, и уж каким красочным рассказом в духе Бальзака он угостил бы своих друзей, возвратясь в столицу. Но теперь у него не было ни малейшей охоты к любовным приключениям. Он смотрел на свои руки, лежавшие на скатерти, худые, бессильные руки, и ему хотелось лишь одного – поскорее уйти.

Как только встали из-за стола, он, точно ребенок, уцепился за Одилию, и она заметила, что у него осунулось лицо, дрожат руки, а глаза смотрят на нее с мольбой. Впервые она по-настоящему испугалась за него. Она извинилась перед мадам Руарг, потащила за собой подвыпившего Флорана, и они сбежали не прощаясь, «по-английски», насколько это возможно в провинциальной гостиной. Съездившись в машине, Жиль дрожал от озноба и грыз ногти. Нет, клялся он в душе всеми богами, нет, в другой раз он не поддастся, никуда он больше не поедет.

Что касается Натали Сильвенер, то она с первого взгляда полюбила его.

Глава третья

Жиль Лантье удил рыбу. Вернее, снисходительно смотрел, как Флоран пускается на любые уловки в надежде, что рыба польстится на его мерзких червяков, но рыба оказалась хитрее. Было около полудня, солнце припекало, рыболовы сняли свитеры, и в первый раз за долгое время Жиль испытывал почти что блаженство. Вода была удивительно прозрачная, и, лежа на животе, Жиль рассматривал круглые разноцветные гальки на дне речки, следил за волшебным хороводом рыб, которые бросались к крючку Флорана и, ловко сорвав наживку, радостно уплывали, тогда как рыболов «подсекал» впустую и выкрикивал ругательства.

– Крючки у тебя слишком толстые, – заметил Жиль.

– Такие надо для пескарей! – рассердился Флоран. – Нечего насмешничать, попробуй-ка сам поуди.

– Нет уж, спасибо, – лениво отозвался Жиль, – мне и так хорошо. Постой, кто это?

Он испуганно поднялся: по тропинке шла какая-то женщина, направляясь прямо к ним. Жиль поискал взглядом, где бы укрыться. Но у берега раскинулась ровная, гладкая лужайка. Волосы женщины сверкали на солнце, и Жиль тотчас ее узнал.

– Это Натали Сильвенер! – воскликнул Флоран и густо по-краснел.

– Ты что, влюблен в нее? – пошутил Жиль, но, встретив разъяренный взгляд зятя, тут же прикусил язык.

Натали Сильвенер подошла уже совсем близко, она была просто очаровательна – стройная, улыбающаяся, с прищуренными от яркого солнца глазами, еще более зелеными, чем тогда, вечером.

– Меня послала за вами Одилия. Я в прошлый раз обещала заехать к ней и сдержала слово. Ну как, клюет?

Рыболовы встали, и Флоран с несчастным видом указал на свое ведро, где покоилась единственная рыбка-самоубийца. Мадам Сильвенер расхохоталась и, повернувшись к Жиллю,

спросила:

– А вы? Вы только смотрите?

Он засмеялся вместо ответа. Она присела прямо на землю возле рыболовов. На ней была коричневая кожаная юбка, коричневый пуловер, туфли на низком каблучке-она казалась гораздо моложе, чем в прошлый раз. И менее «роковой женщиной». «Ей лет тридцать пять», – определил на глазок Жиль. Теперь она куда меньше пугала его – вернее, уже не казалась ему чужой.

– Ну, покажите-ка свои таланты, – сказала она Флорану, и тут повторилась та же сцена.

Они с ужасом увидели, как поплавок нырнул, Флоран подсек, и – увы! – на конце лески болтался голый крючок. Жиль захохотал, а Флоран бросил удилице на землю и с напускной яростью стал топтать его ногами.

– Хватит! Возвращаюсь домой! – воскликнул он. – Пойду приготовлю для вас, если хотите, коктейль «порто-флип».

– «Порто-флип»? – изумился Жиль. – Такое еще существует? Жиль и мадам Сильвенер немного посмеялись, глядя вслед Флорану, который неуклюже лез в гору со своими двумя удочками, складной скамеечкой и ведерком, а когда он исчез из виду и они остались одни, оба смутились. Жиль сорвал былинку, над-кусил ее. Он чувствовал на себе пристальный взгляд этой женщины, и у него мелькнула смутная мысль, что стоит ему протянуть руку... Чем она ответит – поцелует или пощечиной, – он не знал. Но что-то произойдет, в этом он был уверен. Только он уже отвык от неопределенных положений – в Париже все было наверняка, в открытую, само шло ему навстречу. Он откашлялся, поднял глаза. Она смотрела на него раздумчиво, как и позавчера, на том проклятом ужине.

– Вы с моей сестрой большие приятельницы?

– Нет. По правде сказать, она изумилась, когда я приехала. И замолчала. «Прекрасно, – подумал Жиль, – значит, ответом был бы поцелуй. В провинции тоже времени не теряют». Но что-то в этой женщине сдерживало его цинизм.

– Почему же вы приехали?

– Хотела увидеть вас, – спокойно ответила она. – Вы мне сразу тогда понравились. Вот и захотелось еще раз на вас посмотреть.

– Это очень мило с вашей стороны. Веселые и спокойные интонации ее голоса определенно смущали Жилья. Он был обескуражен.

– Когда вы так скоро уехали в тот вечер, все принялись сплетничать о вас: о вашем образе жизни, о вашем нервном заболевании. . . Это было весьма занятно. Фрейд, да еще в провинции, – это действительно занятно.

– И вы приехали проверить – верны ли симптомы? Теперь он был просто в бешенстве. Подумайте: о нем болтают как о больном, и она без обиняков говорит ему об этом.

– Я ведь сказала вам, что приехала увидеть вас. Мне дела нет до ваших недугов. Пойдемте пить «порто-флип».

Она легко вскочила на ноги, а он остался лежать и вдруг почувствовал досаду, что все оборвалось. Он смотрел на нее из-под опущенных ресниц, смотрел с сердитым и обиженным выражением, которое, как он знал, очень шло ему, и вдруг она быстро опустилась возле него на колени, взяла его голову в руки и, наклонившись совсем близко к его лицу, улыбнулась загадочной улыбкой.

– До чего же худой! – проговорила она.

Они пристально смотрели друг на друга. «Если она поцелует меня, – думал Жиль, – все кончено! Ни за что не встречусь с ней больше. А жаль, очень жаль». Эти дурацкие мысли разом пронеслись у него в голове, и сердце вдруг заколотилось. Но она уже вскочила и отряхивала юбку, не глядя на него. Жиль поднялся и пошел вслед за нею. На полдороге он остановился на мгновение, и она обернулась к нему.

– Послушайте, вы, может, немножко сумасшедшая? Лицо ее вдруг приняло строгое выражение, и она сразу постарела на десять лет. Она покачала головой.

– Нисколько.

И уже до самого дома они не перекинулись ни словом. «Порто-флип» был достаточно

охлажден, Одилия суетилась, раскрасневшись от волнения – ведь Натали Сильвенер была местной знаменитостью, – а Флоран ради гостя надел чистую куртку. Гостя посидела еще с полчаса, была утонченно любезна, разговорчива, а потом Жиль проводил ее до машины. Она сказала, что завтра днем заедет за ним, раз ему так хочется побывать на выставке Матисса в городском музее. До вечера Жиль пребывал в угрюмом и злобном настроении и лег спать еще раньше, чем обычно. «Да что это на меня нашло? Зачем я взвалил на себя эту обузу? Все кончится деревенским борделем в окрестностях Лиможа, и я наверняка окажусь не на высоте. А завтра еще два часа изнывать от скуки в музее. Уж не рехнулся ли я?» Проснулся он очень рано, сердце у него заколотилось от ужаса, когда он вспомнил, что ему предстоит, и он горько пожалел, что нарушилась устоявшаяся, уютная скука, обычно заполнявшая его дни. Но в доме не было телефона, и невозможно было предупредить Натали Сильвенер. Пришлось ее ждать.

Глава четвертая

– Ну что? – сказал он. – Довольны?

Он откинулся на спину, весь в поту, задыхающийся, униженный. И тем более чувствовал свое унижение, что упрекнул ее несправедливо, – ведь он сам завлек ее в эту постель. Они пили чай в придорожной харчевне, и Жиль, сунув хозяину денег, получил эту жалкую комнатенку. Натали, однако, и глазом не моргнула, когда он объявил ей об этом, ни единым словом не возразила, но ничего и не сделала для того, чтобы помочь ему. А теперь лежала рядом с ним, нагая, спокойная и как будто даже равнодушная.

– Чем же мне быть довольной? У вас такой злобный вид... Она улыбнулась. Он воскликнул раздраженно:

– Для мужчины, согласитесь, это не очень приятно.

– И для женщины тоже, – спокойно сказала она. – Но ведь ты заранее знал, что это будет именно так, да и я, впрочем, знала. Ты нарочно снял эту комнату. Тебе нравятся неудачи. Правда?

Да, это была правда. Он положил голову на ее обнаженное плечо и закрыл глаза. Он вдруг почувствовал себя опустошенным и умиротворенным, словно после безумия любовных ласк. Комната с ее пестрыми занавесками и ужасным сундуком была ни с чем не сообразна – вне времени, вне смысла, как и он сам, как и создавшееся положение.

– Почему же ты согласилась? – растерянно спросил он. – Если знала...

– Думаю, мне еще на многое придется соглашаться ради тебя, – сказала она.

Наступило молчание, а потом она тихонько сказала: «Расскажи», и он принялся рассказывать. Обо всем: Париж, Элоиза, приятели, работа, последние месяцы. Ему казалось, что понадобятся годы, чтобы все рассказать... чтобы очертить это «ничто». Натали слушала не прерывая, лишь время от времени закуривала две сигареты и одну протягивала ему. Было уже около семи, но она будто и не думает об этом. Она не касалась его, не гладила по голове, не перебирала волосы – лежала неподвижно, и плечо у нее, наверно, уже онемело.

Наконец он умолк, чувствуя себя чуть-чуть неловко, приподнялся на локте и посмотрел на нее. Она внимательно разглядывала его, не шевелясь, лицо у нее было серьезное, сосредоточенное, и вдруг она улыбнулась. «Добрая женщина, – подумал Жиль, – невероятно добрая женщина». И при мысли об этой светлой доброте, обращенной на него, при мысли о том, что кто-то по-настоящему им интересуется, у него на глазах выступили слезы. Он наклонился и, чтобы скрыть их, коснулся тихим поцелуем ее улыбающихся губ, ее щек, ее опущенных век. В конце концов, не таким уж он оказался бессильным. Пальцы Натали вцепились ему в плечи.

Впоследствии, много позже, он вспоминал, что именно при мысли о доброте Натали тогда, в первый раз, он и сумел овладеть ею. И он, для которого эротика никогда не связывалась с добротой, он, которого скорее способны были возбудить слова: «Это настоящая девка», позже, много позже, слишком, кстати сказать, поздно, настораживался, когда при нем кто-то небрежно произносил: «Это добрая девчонка». А сейчас он, улыбаясь, смотрел на Натали и –

впрочем, не без некоторого самодовольства, – извинялся за то, что ласки его были грубы. Она одевалась, стоя в изножии кровати, и вдруг, повернув голову, прервала его:

– Не могу сказать, чтобы это было восхитительно, но ты ведь чувствуешь себя лучше, правда? Освободился от заклятия?

Он даже подскочил. Обидеться или нет?

– Ты что же, всегда считаешь себя обязанной говорить такого рода истины?

– Нет, – ответила она, – впервые говорю.

Он рассмеялся и тоже встал. Была уже половина восьмого, она, вероятно, запаздывала.

– Ты едешь сегодня на званый обед?

– Нет, я обедаю дома, Франсуа, должно быть, беспокоится.

– Кто это – Франсуа?

– Мой муж.

И только тут он с изумлением подумал: «А ведь мне и в голову не приходило, что она замужем». Он ничего не знает о ее жизни, о ее прошлом и настоящем. Одилия на днях начала было вводить его в курс светских сплетен насчет Натали – он все пропустил мимо ушей. Ему стало неловко.

– Я ничего о тебе не знаю, – пробормотал он.

– А час назад и я о тебе ничего не знала. Да и теперь знаю не очень много.

Она улыбнулась ему, и он застыл, замороженный этой улыбкой. Нет-нет, именно теперь, сию же минуту, он должен дать обратный ход, если это надо. А это надо: он не способен любить кого бы то ни было, равно как не способен любить себя. Он может причинить ей только страдания. Достаточно какой-нибудь грубоватой шутки, и она почувствует презрение к нему. Но ему уже неприятно было об этом думать, в то же время его пугала ее смелая, искренняя, исполненная обещаний улыбка. Он пробормотал:

– Знаешь, я ведь...

– Знаю, – спокойно сказала она. – Но я уже люблю тебя.

На секунду в нем вспыхнуло чувство возмущения, даже негодования. Простите, так не ведут любовную игру: нельзя же сдаваться со всеми своими кораблями первому встречному! Нет, она сумасшедшая! Да какой интерес обольщать ее, раз она сама признала себя обольщенной? Как он может надеяться полюбить ее, если с первой же минуты она не оставила сомнений в своем чувстве? Она все испортила! Повела игру против правил. И в то же время его восхищала щедрость ее природы, ее безрассудство.

– Откуда же ты можешь знать? – сказал он все тем же легкомысленным и ласковым тоном и, глядя на нее, вдруг подумал, что она очень красива и просто создана для любви и что она, возможно, смеется над ним. Она же не отрываясь глядела на него и вдруг проговорила со смехом:

– Ты боишься, что я сказала правду, и вместе с тем боишься, что это неправда, – верно?

Он кивнул, втайне радуясь, что она его разгадала.

– Ну так вот: я сказала правду. Ты читал когда-нибудь русские романы? Внезапно, после двух встреч, герой говорит героине: «Я люблю вас». И это правда, и это ведет повествование прямо к трагическому концу.

– А какой трагический конец ты предвидишь для нас с тобой в Лиможе?

– Не знаю. Но так же, как героям русских романов, мне это безразлично. Поторапливайся.

Он вышел вместе с нею, несколько умиротворенный: с начитанной женщиной спокойнее – она смутно знает, что ее ждет и что ждет ее партнера. Закатное солнце вытягивало косые тени, розовый свет заливал стога сена, и Жиль не без удовольствия смотрел на тонкий профиль своей новой любовницы. В конце концов, она была красива, красивы были и луга, и рощи, а он, Жиль, хоть и не блестяще, но все же показал себя мужчиной, и она сказала, что любит его. Для неврастеника не так уж плохо. Он засмеялся, и она обернулась к нему.

– Ты чему смеешься?

– Да так. Я доволен.

Она вдруг остановила машину, крепко взяла его за лацканы куртки и встряхнула, причем все произошло так быстро, что он был ошеломлен.

– Скажи еще раз. Повтори. Скажи, что ты доволен. Она проговорила это совсем по-новому – с требовательными, властными, чувственными интонациями, и у него внезапно вспыхнуло желание. Он сжал ее запястья и, целуя ей руки, повторил изменившимся голосом: «Я доволен, доволен, доволен». Она разжала пальцы и молча повела машину дальше. Почти до самого дома они не разговаривали, и, когда Жиль вышел у ворот, они не назначили свидания. Но вечером, лежа на кровати в своей спальне, Жиль все вспоминал эту странную остановку на краю дороги и, улыбаясь, думал, что это было здорово похоже на страсть.

Глава пятая

Несколько дней Жиль не получал от нее вестей и ничуть не удивлялся. Он, вероятно, был для мадам Сильвенер случайным эпизодом, к тому же эпизодом не слишком приятным, о любви же она говорила просто из приличия, из нелепого буржуазного приличия, а может, у нее просто такая мания. Но все же он был несколько разочарован, и это усилило его обычную хандру. Он почти не разговаривал со своими, брился через день и пытался читать книги, избегая, однако, русских писателей.

На пятый день, после двенадцати, когда лил ужасный дождь и Жиль, небритый, лежал скрючившись на диване в гостиной, она вдруг вошла и села возле него. Она пристально смотрела на него, он видел ее широко раскрытые зеленые глаза, слышал запах дождя, исходивший от ее шерстяного платья. Наконец она заговорила напряженным, срывающимся голосом, и Жиль тотчас почувствовал огромное облегчение.

– Ты не мог позвонить мне по телефону? Или приехать?

– У меня нет ни телефона, ни машины, – весело ответил он и попробовал взять ее за руку. Она сухо отдернула руку.

– Я ждала пять дней, – прошептала она. – Пять дней ждала растрепанного, небритого человека, который к тому же занимается разгадыванием кроссвордов.

Она была вне себя от гнева, и это обрадовало Жилья гораздо больше, чем он мог ожидать. Любопытно, что он, может быть, впервые не поздравлял себя с ловким маневром, а просто думал о том, как он ошибся в оценке характера Натали. Он попробовал объясниться:

– Я не был уверен, что тебе хочется меня видеть.

– Но ведь я сказала, что люблю тебя, – ответила она хмуро. – Сказала я или нет?

И, вскочив, она двинулась к двери так быстро, что он чуть было не упустил ее. Она уже была в прихожей, уже надевала плащ, когда он догнал ее. Каждую минуту могла войти Одилия или кухарка, но все-таки он обнял ее. Шум дождя, барабанившего по стеклам, эта разгневанная женщина, ее неожиданное появление, запах дров, сложенных под лестницей, тишина в доме – все это немного опьяняло его. Он тихо целовал ее, а она упорно не поднимала головы, но вдруг вскинула ее и сама бросилась ему на шею. Он повел ее к себе в комнату, почти не скрываясь, с той дерзкой удачливой смелостью, которую порождает желание, и они по-настоящему стали любовниками, какими могут быть лишь люди, созданные для любви и опытные в любви. Так Жиль вновь обрел вкус к наслаждению.

Уже смеркалось. Жиль слышал, как внизу сестра отдает какие-то распоряжения громче, чем обычно; и, вдруг поняв причину этого, повернулся к Натали и стал беззвучно хохотать. Она лениво открыла глаза и тотчас вновь смежила веки. Он спросил:

– Ты где оставила машину?

– У крыльца. Почему ты спрашиваешь? Ах, боже мой, я совсем забыла о твоей сестре и Флоране. Я хотела выругать тебя и тотчас уехать. Что они теперь подумают?

Она говорила усталым, спокойным голосом, каким говорят после любви, и Жиль удивлялся, как мог он почти четыре месяца жить, не слыша такого голоса. Он улыбнулся.

– А по-твоему, что они подумают? Она не ответила, повернулась.

– Я знала, – сказала она. – Знала, что у нас с тобой так будет. Знала, лишь только увидела тебя. Странно...

– Лучше, чем странно, – сказал он. – Пойдем выпьем «порто-флип».

– Как мы спустимся к ним? Без всяких объяснений?

– Это единственный способ, – сказал Жиль. – Никогда не нужно ничего объяснять. Одевайся. Он говорил властным, решительным тоном, какого у него уже давно не было, и сам осознал эту перемену, заметив веселый и несколько иронический взгляд, который бросила на него Натали, еще лежавшая под одеялом; он наклонился, поцеловал ее в плечо.

– Да,-сказал он, – мы существа слабые, и нас внезапно захватывает нечто, не поддающееся контролю. Спасибо тебе, Натали.

Они вошли в маленькую гостиную с той беспечностью, какая обычно появляется у любовников старше тридцати лет после счастливого и решающего свидания. Зато Флоран и Одилия смущенно вскочили и покраснели. Флоран, всплеснув руками, воскликнул: «Какой сюрприз!» Одилия же похвалила Натали за то, что у нее достало мужества приехать в такой ужасный дождь, тогда как у нее, Одилии, неостанет мужества даже высунуть нос на улицу. Это, разумеется, должно было означать, что ни хозяин, ни хозяйка дома не заметили автомобиля, уже два часа стоявшего перед их крыльцом. После такого проявления светского такта и крайней слабости зрения Одилия, к большому удовольствию брата, заговорила о том, что в такую погоду совершенно необходимо чего-нибудь выпить, чтобы согреться, – тут она опять покраснела, а Флоран ринулся за бутылкой портвейна. Натали сидела на диване, уронив на колени, словно неодушевленный предмет, узкие кисти рук, улыбалась, отвечала на вопросы, иногда бросала быстрый взгляд на Жилья, который стоял, опершись на каминную полку, и с видом некоторого превосходства забавлялся этой провинциальной комедией.

– Такая погода, наверно, помешает Касиньякам устроить бал на открытом воздухе, – сокрушалась Одилия.

– Вы к нам собираетесь?-спросила Натали.

– Я боялась, что Жиль не захочет,-опрометчиво ответила Одилия, – но теперь...

На мгновение она умолкла, оцепенев от ужаса, а Флоран, протягивавший ей бокал, застыл, свирепо вращая глазами. Жиль чуть было не расхохотался, но успел отвернуться.

– ...но теперь он выглядит немного лучше,-промямлила Одилия, – и, может быть, согласится поехать с нами...

Она с мольбой взглянула на брата, и он кивнул, желая ее успокоить. У

Натали глаза были полны слез – должно быть, она тоже с трудом сдерживала душивший ее смех. «Боже мой, – вдруг подумал Жиль,-как я должен быть благодарен этой женщине! Так давно я не испытывал этого состояния блаженной усталости, которая следует за любовью и вызывает то слезы, то безудержный смех».

– Ну конечно, я поеду, – весело отозвался он. – Но танцевать я буду только с вами двумя.

И он так нежно улыбнулся Натали, что у нее затрепетали ресницы и она отвернулась.

– Ну, мне пора, – сказала она.-Значит, завтра вечером мы увидимся у Касиньяков?

Жиль помог ей надеть плащ. Он захлопнул за ней дверцу машины и просунул голову в окно.

– А завтра днем?

– Не могу, – ответила она с отчаянием. –Завтра у меня собрание дам-членов Красного Креста.

Он засмеялся:

– Ах, верно: ты ведь супруга важного чиновника.

– Не смейся, – вдруг сказала она низким, дрогнувшим голосом,-не смейся. Ты не должен смеяться.

И она уехала, а Жиль продолжал стоять озадаченный и раздумывал над ее словами.

Весь вечер сестра хлопотала вокруг него, не зная, чем ему еще угодить, и это его смешило. Женщинам нравится видеть своих братьев, а то и сыновей в роли удачливых ловчих, в особенности если их собственная женская жизнь, как у Одилии, прошла без тени романтики. Это как бы реванш за свою неосознанную неудачливость.

Глава шестая

Погода смилостивилась над Касиньяками, и пикник, устроенный ими в саду, был в полном разгаре, когда приехали Жиль и Одилия с Флораном. Стоял июнь, на широкой зеленой

площадке перед домом было чудесно, не жарко, а тепло, и яркие туалеты женщин, смех мужчин, запах цветущих каштанов создавали у Жилья впечатление чего-то довоенного, нереального. В отношениях между этими провинциалами чувствовалась какая-то непосредственность и простота, что-то мягкое было в самой атмосфере праздника, и обожаемый Жилем Париж представлялся ему от-сюда кошмаром. Одилия шла с братом под руку, раскланиваясь направо и налево, знакомила Жилья с гостями, рассчитывая в конце концов обнаружить в толпе хозяйку дома. Вдруг Жиль почувствовал, что рука ее напряглась, и Одилия остановилась перед высоким, довольно красивым мужчиной... среди типичных жителей юго-западного уголка Франции он выделялся английской чопорностью.

– Франсуа, вы знакомы с моим братом? Познакомьтесь, Жиль, – мсье Сильвенер.

– Очень рад, но мы уже встречались: вместе были на ужине у Руаргов, – ответил удивленный Сильвенер.

– Ну, конечно, – сказал Жиль, хотя он совершенно этого не помнил. Он думал: «Так вот он, муж! Что ж, недурен собой. И по слухам, весьма богат. Но, должно быть, не слишком покладистый господин. И не слишком веселый. Интересно, говорит она ему на ухо такие вещи, как мне? Конечно же, нет». И, обмениваясь рукопожатием с Сильвенером, он вдруг почувствовал желание держать Натали в объятиях, как позавчера.

– Вы живете в Париже? – спросил Сильвенер.

– Да уже десять лет. Вы часто туда наведываетесь?

– Стараюсь как можно реже. Жена, разумеется, обожает ваш Париж, но у меня он вызывает раздражение.

Одилия, видимо успокоившись, что соперники не вызвали друг друга на дуэль, с довольным видом переключалась к другой группе гостей. Жиль с удовольствием присоединился бы к ней: какие-то уцелевшие в душе принципы не то морали, не то эстетики не позволяли ему любезничать с мужьями или друзьями своих любовниц. Но Сильвенер стоял один, и Жилью было неловко бросить его. Он тщетно искал глазами Натали, продолжая беседовать с Сильвенером о трудностях уличного движения в Париже, о стоимости номеров в гостиницах, об адском шуме больших городов. Внезапно ему стало невмоготу, и он мысленно решил: «Уеду сейчас же домой. Хватит с меня этой вечеринки. Натали могла бы все-таки разыскать меня...» Он уже подбирал вежливую фразу, чтобы удрать от Сильвенера, как вдруг подошла Натали. На ней было прекрасно сшитое зеленое платье, такого же оттенка, как ее глаза, она смотрела на Жилья, улыбающаяся, чуть побледневшая, и он тотчас решил остаться.

– Вы, полагаю, уже знакомы, – сказал Сильвенер.

– Мы встречались у Руаргов, – повторил Жиль его слова, склоняясь перед Натали; он был доволен своим ответом, так как сказал правду и притом без всякого намека: Жиль ненавидел этот прием насторожившихся любовников. Натали улыбнулась.

– Совершенно верно. Мсье Лантье, мать хозяина дома ходить не может – прикована к креслу, но она заметила вас и просила привести вас к ней. Пойдемте?

Жиль последовал за ней, смутно различая лица гостей, мимо которых проходил, кланялся тем, кого как будто узнавал, и улыбался, представляя себе, какую физиономию соорудил бы, например, Жан, если бы увидел его тут. Итак, они с Натали прошли через террасу и направились в тенистый сад, где в беседке из ржавых металлических прутьев, обвитых зеленью, возвышалось, словно трон, кресло на колесах старой хозяйки дома. И вдруг Натали, как испуганный конь, бросилась в сторону, увлекая за собой Жилья, и стала за деревом. Тотчас волосы ее коснулись его щеки, она прижалась к нему всем телом, и эта сумасбродная неосторожность так взволновала Жилья, что он вспыхнул, сердце заколотилось, и он, не сдерживаясь, принялся осыпать ее страстными поцелуями, словно был безумно в нее влюблен.

– Перестань, – шептала она, – перестань, Жиль... По аллее шли люди, и он едва успел наклониться, якобы завязывая развязавшийся шнурок, в то время как Натали рассеянным движением поправляла волосы. Она обменялась веселым приветствием с проходившими мимо гостями, представила им Жилья. Затем он, с все еще бьющимся сердцем, подошел к ручке старшей мадам Касиньяк, и она похвалила его статьи, которых явно не читала. А потом

они с Натали, как положено, неторопливым шагом вернулись к дому. Уже вечерело, внук мадам Касиньяк запустил старенькую радиолу, и под звуки «шейка» самые молодые из гостей принялись мерно покачиваться из стороны в сторону и вихлять бедрами, а ими насмешливо и умиленно любовались более или менее подагрические старички. Жиль злился на себя за свою несдержанность.

– А знаешь, муж у тебя совсем недурен, – сказал он одобрительно-насмешливым тоном. Натали посмотрела на него.

– Не говори мне о нем. Не будем о нем говорить.

– Я просто пытаюсь быть объективным, – тем же шутовским тоном продолжал Жиль.

– А я не прошу тебя быть объективным, – сухо сказала Натали и отошла.

Он закурил сигарету, хихикнул и вдруг стал противен самому себе. Что он из себя корчит? С чего ему вздумалось разыгрывать роль пресыщенного парижанина, циничного и развязного журналиста на отдыхе? Неужели нельзя обойтись без донжуанских штампов? Он прислонился к дереву. Нет, надо уехать, исчезнуть» предоставить этой женщине жить своей жизнью. Слишком она хороша для него, слишком цельная натура для несчастного дегенерата, лгуна и комедианта, каким он стал. Надо ей все это объявить-сейчас же, немедленно.

Но, когда он отыскал Натали, она оказалась не одна. Его несчастная жертва находилась в окружении трех мужчин, из которых один был очень красив; все трое были явно влюблены в нее, все громко смеялись. Жиль пригласил ее на танец, но красивый незнакомец деликатно остановил его:

– Неужели вы похитите Натали у ее мушкетеров? Ведь мы тройка ее мушкетеров. Разрешите представиться: меня зовут Пьер Лакур, а вот эти двое-Жан Нобль и Пьер Гранде. Выпейте с нами чего-нибудь и расскажите нам о Париже.

Глаза Пьера Лакура светились лукавством и спокойной уверенностью, так же как у обоих его приятелей, так же как у самой Натали, и Жиль почувствовал себя смешным. Молодой красавец Лакур – несомненно, ее любовник или был ее любовником, и потому сейчас он так снисходительно рассматривал щуплого, фатоватого парижанина. А он-то боялся причинить ей страдания, испытывал угрызения совести. Он улыбнулся и взял стакан виски с соседнего столика.

– Сейчас Натали жестоко раскритиковала книгу, о которой я дал в печати хороший отзыв,-сказал тот, что назвался Лакуром.-Должен вам признаться, что я преподаю литературу в Лиможе и время от времени, набравшись смелости, печатаюсь в местной газете.

– Значит, мы с вами коллеги, – вежливо сказал Жиль. Он до смерти разозлился на себя: какой же он дурак! Как он мог подумать, что женщина, которая сама бросилась ему на шею и отдалась ему при первом же свидании, женщина, обладающая такими большими познаниями в науке страсти, вдруг влюбилась в него? Как мог он это вообразить? Она просто нимфоманка да еще с претензией на интеллигентность. Он был взбешен и сам этому удивлялся. Давно уже он не приходил в такую ярость.

– Разрешите все же пригласить вас на этот танец, – сказал он. – По-видимому, фокстроты здесь танцуют редко, а я уже не в том возрасте, когда занимаются акробатикой...

Натали улыбнулась, положила руку ему на плечо, и они вышли на круглую паркетную площадку, выложенную прямо на земле. Они сделали несколько па молча, потом Натали вскинула голову.

– Ты больше не будешь?

– Чего не буду?

– Говорить о Франсуа.

Жиль совсем забыл об их столкновении. Если бы дело было только в этом! .. Он любезно улыбнулся.

– Нет, больше не буду. А знаешь, твой мушкетер номер один – просто красавец. Ну тот... преподаватель литературы... И, по-видимому, обожает тебя.

И, услышав ответ, сбился с такта.

– Надеюсь, что обожает. Это ведь мой брат. А хорош, правда? – Через минуту она

прошептала: – Не прижимай меня к себе, Жиль. На нас смотрят. Жиль, ты счастлив?
– Да, – ответил он.
И в эту минуту он говорил правду.

Глава седьмая

Утром Жиль получил телеграмму от Жана с просьбой срочно позвонить по телефону. И вот теперь он задыхался от полуденной жары в маленьком почтовом отделении Беллака, встревоженный я вместе с тем обрадованный предстоящим разговором, который как бы свидетельствовал о том, что он в своей области еще имеет какой-то вес. Пришлось пройти через трех обрадовавшихся ему секретарш, пока не вызвали Жана, и наконец откуда-то издалека, словно с другой планеты, донесся его голос:

– Алло, Жиль? Как дела – лучше себя чувствуешь? Да? Ну, я так и знал... Рад, очень рад, дружище...

«Идиот несчастный, – незаслуженно обругал его про себя Жиль, – ничего ты не знал! Ты и представить себе не мог, что произойдет. Не говори мне, как моя сестрица, что ты надеялся на чистый воздух Лимузена. Мне стало лучше, потому что здесь нашлась женщина, которая полюбила меня, и я принимаю ее любовь. Не мог же ты это предвидеть!»

Но, думая о своем, он все же отвечал отрывистыми спокой-ными фразами, словно тяжело раненный человек, жизнь которого наконец спасена и который понимает, как он напугал друзей.

– ...слушай, – продолжал Жан.-Лену насмерть разругался с шефом. Предполагается передать международный отдел тебе. Клянусь, это правда!.. И я тут, представь, ни при чем... Ну, что ты на это скажешь?

Он явно ликовал, и Жиль напрасно старался разделить его радость. Наплевать ему было на все эти перемещения. Должность, которую ему раньше так хотелось занять, теперь стала для него ничего не значащим пустяком.

– Это, конечно, будет не раньше октября. Я без церемоний сказал шефу, что ты смылся куда-то. О депрессии, разумеется, ни слова – сам понимаешь, сейчас это произвело бы невыгодное впечатление. Возвращайся как можно скорее, хотя бы на несколько дней... пусть шеф посмотрит на тебя... а то, знаешь, наши милые дружки...

«Так значит, моя депрессия произвела бы неприятное впечатление? – иронически думал Жиль. – Порядочный человек, выходит, не имеет права заболеть?.. Хороший журналист непременно должен быть счастливецом, весельчаком, даже распутником... Кем угодно, только не неврастеником. Честное слово, кончится тем, что в один прекрасный день меланхоликов начнут угощать цианистым калием... То-то будет отравителям работы...»

– Ну, рад? – раздался ласковый голос Жана, должно быть, чрезвычайно довольного своей сердечностью. – Когда приедешь?

– Завтрашним поездом,-не очень уверенно ответил Жиль. – Самолета нет, ты же знаешь. Приеду завтра экспрессом, в одиннадцать вечера.

– Выезжай-ка лучше сегодня.

Жиль вдруг возмутился:

– Что за пожар? Если шеф действительно решил назначить меня, так неужели он не может подождать денек?

Наступило молчание, затем Жан коротко и разочарованно произнес:

– Я думал, для тебя это пожар, вот и все. Приеду на вокзал к поезду, встречать тебя. До свидания, старик.

Он повесил трубку. Жиль вытер мокрый лоб: в кабине сгущалась невыносимая духота. В три часа дня у него было назначено свидание с Натали. Неужели он только из-за этого задерживается? А ведь он знал, что, когда у них в редакции освобождается важная должность, действительно начинается пожар. Должно быть, основательная там сейчас суматоха. А он из-за женщины может упустить случай. Надо сейчас же позвонить Жану и сказать: «Выезжаю сегодня же». Он нерешительно топтался перед телефонисткой. И вдруг

увидел в окно, как на ветру колышется пшеница, зеленеет трава, представил себе Натали, ее жаркие ласки, меткие слова и быстро вышел. Флоран ждал его у дверей, сидя за рулем своей машины.

– Ну что? Хорошие новости или плохие?

У него был искренне встревоженный вид, и Жиль, который обычно его не замечал, на минуту почувствовал настоящую симпатию к этому простодушному существу с большими голубыми глазами. Он улыбнулся Флорану – можно сказать, улыбнулся мужественно, так как в эту минуту Флоран ехал почти «впритирку» к большому грузовику.

– Мне предлагают в газете довольно высокую должность.

– Ну вот, все разом и уладится, – воскликнул Флоран, – все уладится! Я всегда говорил: жизнь – это как волны в море. Одна несет вверх, другая вниз...

И он изобразил руками движение волн, чуть не вывернув при этом машину в кювет. Быть может, Флоран был прав, но Жиль не решился сказать в ответ, что лично он страшится и счастливых и несчастливых волн, страшится и ответственности, ожидающей его на новом месте, и любви Натали, и будничности, и одиночества.

Глава восьмая

– Так ты, значит, завтра уезжаешь? – повторила Натали. Она лежала одетая на кровати Жилия и о чем-то думала. Как только она приехала, он все рассказал ей, в общем довольный, что может предстать перед ней в роли честолюбца и триумфатора, куда более лестной, чем роль незадачливого неврастеника. Увлечшись, он даже с некоторым пафосом заговорил о важности новой работы, о моральной ответственности перед читателями, о страстном интересе, который всегда вызывает у них внешняя политика, – словом, он проявил такой энтузиазм, какой ему следовало бы выказать при разговоре с Жаном по телефону. Ему даже пришла в голову несколько ироническая мысль, что он старается ослепить свою любовницу, чтобы заглушить голос совести, укорявший его за то, что он не оправдал надежд своего друга. Однако Натали совсем не была ослеплена. Скорее – оглушена.

– Я уезжаю на неделю, – сообщил он. – На неделю или на две. И потом вернусь. Работать начну с октября.

– Как школьники, – рассеянно бросила она.

По мере того как Жиль рассказывал о предстоящей работе, он все больше начинал верить, что предложение это заманчивое, и в конце концов даже рассердился на себя и на Натали за то, что из-за сегодняшнего свидания рискует потерять такую должность. Но вслух он все же не осмелился это сказать. Она сама заговорила об этом.

– Если все так важно, почему ты не выехал сегодня?

– У нас же было назначено свидание. И хотя он сказал святую правду, ему почудилась в собственных словах какая-то фальшь. Она пристально посмотрела на него.

– А может быть, ты просто подумал, что неудобно бросить женщину, ограничившись короткой запиской, даже если ты знаком с нею только две недели.

Говорила она спокойно, а Жиль поймал себя на том, что отрицательно качает головой и, пожалуй, даже краснеет, как будто он солгал. А что, если она в конце концов права и он больше никогда не вернется? Его захватит Париж, лето, приятели, море, путешествия, и, возможно, Натали останется для него лишь воспоминанием о двухнедельном романе в начале лимузенского лета.

Внезапно он увидел себя глазами этой женщины – свободным, смелым, вновь легкомысленным и уверенным в себе, каким был всю жизнь. Глубокая нежность овладела им, и он сам не знал, чем она вызвана: благодарностью ли за то, что она возродила его прежний, веселый, почти уже забытый им образ, или это говорила в нем жалость к ней, предчувствие, что он не вернется. Он наклонился к ней.

– А если я не вернусь, что ты сделаешь?

– Приеду за тобой, – миролюбиво сказала она. – Обними меня.

Он обнял ее и сразу позабыл и Париж, и политику. Он цинично подумал, что ему будет

недоставать такой любовницы, но тут же забыл и об этом и долго лежал неподвижно, положив голову ей на плечо, испуганный мыслью, что должен расстаться с нею хотя бы ненадолго. Она молча гладила его по голове, перебирала ему волосы, на затылке. Заходящее солнце заливало комнату светом, и Жиль понял, что никогда не забудет этого мгновения. Что бы ни произошло в дальнейшем.

– Я отвезу тебя на вокзал, – сказала она. – Только не в Лимож, а во Вьерзон. И приеду за тобой, когда ты вернешься.

В ее голосе прозвучало какое-то странное спокойствие, похожее на спокойствие отчаяния.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПАРИЖ.

Глава первая

Об Элоизе он вспомнил лишь на перроне вокзала, увидев, что она бежит ему навстречу. Сзади шел Жан, несколько загадочный и добродушный. Жилю, ошеломленному своей забывчивостью, пришлось обменяться долгим поцелуем с этой чужой для него женщиной. «А ведь она существует, – думал он, – живет у меня, это ужасно... Ну что бы Жану напомнить мне!..» Эта мысль рассмешила его. Как будто всякий раз, когда ты возвращаешься из отпуска, добрый друг обязан напоминать, что у тебя есть любовница и живет она в твоём доме... Сейчас духи Элоизы, прикосновение ее губ были ему просто неприятны. Он вспомнил последний поцелуй Натали во Вьерзоне, три часа назад, вспомнил их исступленное, самозабвенное прощание, и внезапно им овладел суеверный страх. А что, если она попала в аварию, когда возвращалась по этой беспрестанно петляющей дороге, ведь глаза у нее были полны слез, – он увидел это в последнюю минуту. Ему и с-мому трудно было справиться с волнением, и он целых пять минут сидел в купе, застыв в тупой неподвижности, пока наконец не встряхнулся и не отправился твердым шагом в вагон-бар. В таком состоянии сам он не мог бы вести машину, а ведь Натали всегда отчаянно гонит. Конечно, водит машину она мастерски, но так гонит... Нет, он становится просто идиотом. Тихонько отстранившись от Элоизы, Жиль похлопал Жана по плечу и попытался улыбнуться. Вокзал был черным от копоти, шум стоял оглушительный. Только очутившись в машине Жана, он вновь обрел свой любимый Париж, ленивый и голубой. Париж летних ночей. И при мысли о том, сколько счастья он познал за десять лет в Париже, сердце его сжалось, словно все эти радости навсегда были утрачены для него. Ему стало страшно, он вновь почувствовал себя растерянным, подавленным. Чего бы он сейчас не дал, чтобы очутиться на зеленой лужайке в Лимузене и лежать в тени рядом с Натали.

– Значит, рад, что вернулся? – говорил Жан.

– Очень. А у тебя как дела?

Он пытался принять беззаботный вид.

– Хорошо, что Жан предупредил меня, – весело щебетала сзади Элоиза, – нельзя сказать, чтобы ты забрасывал меня письмами...

– Мне хотелось избавить Элоизу от необходимости брать такси, чтобы встретить тебя, – сказал Жан, – и я заехал за ней. Она была потрясена, узнав, что ты приезжаешь...

Жан тоже был весел, но его веселость казалась несколько натянутой.

Он искоса посмотрел на Жилю, как смотрят на приятеля, когда тот нашкодил.

– Я пытался тебе звонить, – солгал Жиль, повернувшись к Элоизе, – но мне ни разу не ответили.

– Ничего удивительного, я ведь целыми днями снималась. И знаешь, для какого журнала? Для «Вог»! – Она ликовала.

«Ну что ж, тем лучше, – цинично подумал Жиль, – по крайней мере хоть это устроится». А сам уже весь был во власти одной-единственной мысли: позвонить Натали или попросить

Жана позвонить ей. Он условился с Натали, что вызовет ее только завтра, – ведь сейчас уже одиннадцать вечера, значит, он рискует нарваться на супруга, но Жиль никак не мог отделаться от этой дурацкой неотвязной мысли об аварии. Конечно, он вовсе не влюблен в Натали – просто ему хочется для собственного спокойствия знать, что она жива и невредима. Но как он может звонить из дому при Элоизе – она ни на шаг от него не отойдет, и при Жане не может – тот будет рассказывать ему о делах в редакции...

– Ты гораздо лучше выглядишь, – сказал Жан, – даже слегка загорел. И это очень кстати: я сказал шефу, что ты уехал на Лазурный берег с восходящей итальянской кинозвездой.

– И я должна все это терпеть! – засмеялась Элоиза, а Жиль от смущения втиснулся в подушки сиденья.

Он тут же представил себе Натали в виде восходящей итальянской кинозвезды, и чувство неудержимой гордости наполнило его: Натали была прекраснее любой итальянской кинозвезды, и она обладала тем, чем не обладают итальянские кинозвезды.

Квартира не изменилась, разве что стала более дамской. Жиль едва не вспылал при виде огромного плюшевого медведя, подаренного Элоизе каким-то фотографом, но сдержался и поспешил отвернуться. Наплевать ему на все это! Он чувствовал себя посторонним в собственном доме. Он уселся в кресло, надеясь, что Жан и Элоиза последуют его примеру и ему удастся незаметно проскользнуть в спальню, где стоит телефон. Но Элоиза, женщина аккуратная, уже втащила его чемодан в спальню и с шумом открыла стенной шкаф. Он сидел в полном отчаянии, почти не слушая Жана; в конце концов тот заметил рассеянность друга и, замолчав, вопросительно взглянул на него. Жиль поднялся.

– Прости, старик, я на секунду. Обещал сразу позвонить сестре, ты ведь знаешь, какая она у нас беспокойная...

Он запнулся. Вежливо улыбнувшись, Жан кротко кивнул. В порыве внезапной нежности к старому приятелю Жиль невольно улыбнулся ему в ответ, мимоходом потрепал его по волосам и прошел в спальню. Там он с непринужденным видом взял телефон, сел на кровать и стал листать справочник. Нужно было набрать десяток цифр, чтобы позвонить Натали.

– А не поздно сейчас звонить? – заметила Элоиза, вешая на плечики его синюю куртку.

– Это сестре, – лаконично ответил он.

Он набрал номер. Если подойдет муж, можно повесить трубку. Послышались долгие гудки, потом, совсем близко – слегка сонный голос Натали. Он только сейчас заметил, что рука, державшая трубку, стала влажной.

– Алло! – сказал он. – Это я. Я хотел сообщить тебе, что доехал благополучно. Хотел узнать, благополучно ли ты добралась до дому.

Он говорил очень быстро, безразличным тоном. Наступила тишина, потом раздался взволнованный, чуть хрипловатый голос Натали.

– Видимо, это ошибка, – сказала она. И секунду спустя добавила почти нежно: – Нет, вы меня ничуть не побеспокоили, месье, – и повесила трубку.

Жиль на секунду застыл, потом, вспомнив об Элоизе, сказал в молчавший аппарат: «Целую вас обоих», и тоже повесил трубку. Он был весь в испарине.

Значит, муж дома, рядом. И она не могла ничего сказать. Но как она быстро нашлась!.. И как забавно и трогательно прозвучало это: «Вы меня ничуть не побеспокоили, месье». Значит, все в порядке, она жива и невредима, и она его любит. Странно все-таки, что у него иногда так расходятся нервы... Он вернулся в гостиную легким, свободным, почти деловым шагом, думая о Натали не больше, чем об Элоизе, и совершенно успокоившись на ее счет. И ни на секунду у него не возникло мысли, что, если он успокоился, значит, нуждался в том, чтобы его успокоили.

– Вот все и снова как раньше, – произнес в темноте голос Элоизы. – Я знала, мы будем вместе очень долго.

Жиль, не отвечая, повернулся на другой бок, он злился на себя самого.

Они с Жаном слишком много выпили сегодня, все трое слишком много выпили – и за его возвращение, и за его великие успехи. Когда около трех часов ночи Жан ушел, Жилью совсем не хотелось спать, ему было весело, он был полон победоносной уверенности в себе –

одним словом, был пьян и вот переспал с Элоизой, почти машинально, вновь обретая свою мужскую силу, как он переспал бы с любой другой женщиной, оказавшейся в его постели. Короче говоря, он обманул Натали, что не слишком его беспокоило, так как она никогда об этом не узнает; хуже было то, что он обманул самого себя, потому что даже во хмелю удовольствие, полученное им, было какое-то нервное, вымученное, и, наконец, он обманул Элоизу, которая увидела в этом доказательство его любви. Нужно все ей объяснить, нужно сказать ей о Натали, сказать именно сейчас, когда по его вине она снова поверила в то, что его еще влечет к ней. Внезапно он зажег свет, нашел сигарету, холодно отметил про себя, что Элоиза очаровательна, когда волосы у нее вот так рассыпаны по подушке, и стал обдумывать, как начать свою речь. У него болела голова, он чувствовал себя разбитым, ему хотелось пить.

– А странно все-таки, – мечтательно произнесла Элоиза. – Устроилось все разом. Я буду постоянной моделью в «Вог» благодаря этому американскому фотографу; ты получил место, о котором мечтал, и ты совсем здоров. Ну кто бы мог предположить это месяц назад! Знаешь, ты меня напугал. Очень напугал. Очень, очень, очень.

Как всегда, после любви она начинала лепетать по-детски. Прежде это умиляло Жилья, а потом стало надоедать. Теперь же он лишь острее почувствовал угрызения совести.

– Не так все просто, – сказал он хрипло. – Я ведь еще не совсем в порядке. Как только уладится вопрос с работой, я поеду опять к сестре.

– А мне все лето придется участвовать в показе моделей, – сказала она. – Но между двумя сеансами я могу к тебе приехать. Теперь есть самолет на Лимож.

«Только этого еще не хватало», – подумал Жиль. В дело вмешивался технический прогресс. Нет, надо сейчас же ей все сказать. Но он всегда испытывал почти маниакальный ужас при одной мысли о разрыве с женщиной... Нет, только не сегодня, только не сегодня. Впервые после приезда он внимательно по-смотрел на Элоизу, увидел, как доверчив ее взгляд, как прекрасно ее тело, такое знакомое, и тут же почувствовал, как не нужна ему теперь эта нежность, эта красота, и внезапно ему стало так жаль ее, жаль себя, жаль Натали, так жаль любовь, всякую любовь, обреченную угаснуть рано или поздно в рыданиях и сожалениях; он поспешил уткнуться в подушку, чтобы Элоиза не увидела его слез. Она наклонилась к нему: – Тебе грустно? Но ведь все устроилось. Он не ответил и выключил свет. Вытянувшись и закинув руки за голову, он вновь увидел перед собой лужайку на берегу реки, приближающуюся Натали; он вдыхал запах травы, нагретой солнцем, видел ветви тополей, тихонько качавшиеся над ним, и загадочное обещание в светлых глазах Натали.

Глава вторая

Фермон, главный редактор газеты, был высокий, сухой, нескладный и весьма трудолюбивый человек. Выходец из крупной буржуазии, он, ко всеобщему удивлению, основал на свои средства левую газету, которая действительно была левой в той мере, в какой это было возможно в те смутные времена. И тем не менее у него сохранилась властная диктаторская манера держать себя, и в газете все знали, что, осуждая любую форму привилегий, он вот уже несколько лет добивается, чтобы ради него был восстановлен титул графа де Фермона, исчезнувший при Карле X. Жиль сидел в кабинете Фермона вместе с Жаном и пытался внимательно следить за необычайно серьезными рассуждениями об от-ветственности, которая отныне ложится на него, Жилья Лантье.

– Нечего и говорить, что вам придется отказаться от своих походов, – говорил Фермон. – Я не желаю разыскивать вас в Сен-Тропезе, если Америка и Вьетнам заключат мир. Я понимаю, вы слишком молоды для этого поста, тем более тут нужно как следует взяться за дело. Кстати, учтите, что, если бы не скандал, случившийся с Гарнье, мы бы, конечно, назначили его.

Жилья насторожился. Он взглянул на Жана, который смущенно покачал головой.

– Я не совсем в курсе событий, – сказал Жиль. – Действительно, Гарнье давно уже работает в этом отделе, набил себе руку...

– У Гарнье серьезные неприятности. Он теперь на учете в полиции из-за какого-то мальчишки.

– Но при чем здесь это?-воскликнул Жиль. Он был возмущен, взбешен. Жан бросил на него успокаивающий взгляд. Но Жиль уже не мог остановиться.

– Значит, если я правильно понимаю, это место я получил благодаря моей добродетели? Фермон пристально, ледяным взглядом посмотрел на него.

– Дело не в вашей добродетели, а в моей. Я не желаю держать на столь ответственном посту человека, которого могут шантажировать. Приступите к работе в сентябре.

В кабинете Жана Жиль дал выход своей ярости. Он метался взад и вперед под невозмутимым взглядом Жана, размахивал руками.

– Не могу я принять это место, получается как бы воровство. Что означает вся эта история? Подумаешь, какие пуритане! Да кто в наше время вздумает шантажировать кого бы то ни было из-за тех или иных его склонностей? Не могу согласиться... А ты, ты-то что думаешь об этом? Мог бы мне сказать! Я ведь совсем забыл о Гарнье.

– Забыл о Гарнье, и об Элоизе, и обо мне, – миролюбиво сказал Жан. – Впрочем, не волнуйся: если ты откажешься, они найдут другого. Твоего приятеля Тома, например.

– А мне наплевать, пускай берут Тома или кого угодно. Понимаешь, не могу я поступить так с Гарнье. Мне Гарнье очень симпатичен. И он знает дело ничуть не хуже меня.

Он курил сигарету за сигаретой, расхаживая по комнате. На-конец Жан.остановил его:

– Сядь-ка. А то у меня уже голова кружится. Я говорил с Гарнье. Он считает, что ты – самая подходящая кандидатура. На свой счет он не строит никаких иллюзий. Повидайся с ним.

– Как все просто! – проворчал Жиль. –Предельно просто. Он устало опустил в кресло.

Жан улыбнулся:

– Ты обиделся, что тебя взяли не только за твои выдающиеся способности?

– Ничего ты не понимаешь, – сказал Жиль. – Тут явная несправедливость, и я не желаю этим пользоваться.

Но в то же время он действительно чувствовал какую-то обиду. Обиду и отвращение. Ему хотелось послать к чертям Париж со всеми его интригами, его порядками, его лицемерием. Хотелось вернуться в деревню, в гостиные Лиможа, тихие, отжившие свой век, голубые, как глаза его зятя. Надо позвонить Натали и спросить у нее совета. Она скажет. В ней есть какая-то неподкупность и природная чистота. А ему именно это сейчас и нужно.

– Сейчас позвоню, – машинально пробормотал он.

– Кому?

Этот прямой вопрос удивил его. Обычно Жан был сама деликатность.

– Почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Просто интересно. Уезжая из Парижа, ты был похож на каторжника, влачащего за собой чугунное ядро существования, а вернувшись, ты прямо в облаках паришь. Любопытно, благодаря кому.

– Но ты ошибаешься! – воскликнул Жиль в полном ужасе. –Я вовсе не влюблен в нее, – наивно продолжал он, –я едва с ней знаком, она очаровательная женщина – вот и все!

Жан засмеялся:

– Вот и все! Однако, когда я предлагаю тебе должность, к которой ты всю жизнь стремился, ты выезжаешь только на следующий день. Встреча с Элоизой тебя раздражает. Ты торопишься позвонить этой женщине сразу же после приезда. И при первом же затруднении тебе необходимо спросить у нее совета. Вот вроде бы и все. Не смотри на меня, будто на мне дурацкий колпак, у тебя самого такой глупый вид, что даже страшно.

– Ну это уж слишком, – сказал Жиль. Он даже стал заикаться от ярости, от желания уверить Жана и самого себя в своей правоте. –Я же тебе говорю, она мне очень нравится – и только. Ты что, теперь разбираешься в моих чувствах лучше меня?

– Не только теперь, – ответил Жан, – а вот уже пятнадцать лет. Пойдем куда-нибудь посидим, и ты мне расскажешь о ней хоть немного.

Они зашли в «Шлюп», сели на террасе. Стояла чудесная, мягкая погода, солнце ласково грело их лица, и Жиль начал, по настоянию Жана, скупой, немногословный рассказ о своем

провинциальном романе. К собственному удивлению ему не удавалось внести в свою исповедь ту нотку цинизма или иронии, которая могла бы убедить Жана в его искренности – вернее, в неискренности. Но он упорствовал. Жан с сонным видом посасывал трубку.

– Если все так просто, – сказал он, – почему же ты туда возвращаешься? Поезжай с Элоизой на юг, как обычно.

– Да не в том дело, куда ехать! – воскликнул Жиль, окончательно выходя из себя. – Эта женщина как-никак меня интересует! Психологически...

– Вот уже сорок пять минут ты мне о ней рассказываешь, – заметил Жан. – Ровно сорок пять минут по часам. И даже к пиву не притронулся, невзирая на жару и пыл твоих излияний. Бедная Элоиза. И бедный Франсуа. Да-да, муж. Видишь, я знаю теперь даже его имя.

Жиль оторопело взглянул на него. На секунду у него закружилась голова, ему почудилось, будто что-то растет в нем и наполняет жгучим ужасом и в то же время чувством облегчения, он протянул руку, взял кружку пива и торжественно поднес к губам. Полузакрыв глаза, он запрокинул голову, теплое пиво полилось в рот, в горло, ему показалось, что он мог бы выпить так несколько литров и что отныне он всегда будет с таким же наслаждением утолять жажду. . . Он поставил кружку.

– Ты прав, – сказал он, – наверное, я люблю ее.

– Все-таки, как видишь, я оказался тебе полезен, – заключил Жан без улыбки.

Глава третья

День он провел как во сне. Он умирал от желания позвонить Натали и торжественно объявить ей о своей любви. В то же время ему хотелось преподнести ей это как сюрприз, как чудесный и неожиданный подарок, увидеть ее лицо, когда он скажет ей об этом. Только бы выдержать еще несколько дней, только бы дождаться того часа, когда она придет на вокзал встречать его... Они выедут за город, и он попросит ее остановить машину, возьмет в ладони ее лицо, скажет ей: «Знаешь, я безумно тебя люблю». И при мысли о том, как она будет счастлива, он испытывал и гордость и нежность, он видел свое благородство как бы со стороны. В порыве великодушия он зашел в ювелирный магазин, купил на последние деньги забавный пустячок, отчего умилился еще больше, и в пять часов, как было условлено, с бешено бьющимся сердцем позвонил ей из маленького кафе рядом с домом.

Она сразу же подошла, но голос у нее был сухой, почти равнодушный, что сначала удивило, а потом обидело его. Но он тут же подумал: «Ну что ж, это вполне естественно». Он знал, что в любви всегда кто-то один в конце концов заставляет другого страдать и что лишь иногда, очень редко роли меняются. Но чтобы уже сейчас, так скоро, когда он едва признался самому себе, что любит ее, когда она еще не знает об этом, – страдать из-за нее?! Это было несправедливо и в то же время очень больно, но именно по этой боли он и убедился, что действительно ее любит.

– Что происходит? – весело спросил он.

– Происходит то, что у нас страшная жара, с утра все время гремит гром, а я... я безумно боюсь грозы. Не смейся, – тут же добавила она. – Я ничего не могу с собой поделать. Но Жиль засмеялся: у него сразу отлегло от сердца, и в то же время он был удивлен. Впервые она вела себя по-ребячески. До сих пор все ее поступки

– ее порывистость, безрассудство, полное пренебрежение к условностям – казались ему чертами, прису-щими скорее юности, а вовсе не пугливому ребенку, выросшему в мещанской среде.

– А я купил тебе подарок, – сказал он.

– Как это мило... слушай, Жиль, я вешаю трубку. Во время грозы очень опасно касаться электрических приборов. Позвони завтра.

– Но, – сказал он, – телефон не имеет никакого отношения к электричеству. Это...

– Умоляю тебя, – произнес резкий, изменившийся от страха голос. – Целую... Пока.

Она повесила трубку, а он стоял растерянный, не выпуская из рук трубки и пытаясь улыбнуться. Он подумал, что во время следующей грозы в Лиможе он будет держать ее в

объятиях и тогда посмотрим, что окажется сильнее – страх или наслаждение. Но ему стало тоскливо, он чувствовал себя покинутым; на улице светило солнце, и его подарок казался ему сейчас скорее нелепым, чем трогательным. Ему хотелось немедленно ее увидеть. Конечно, существует «Эр-Интер», знаменитый «Эр-Интер», и, если ему станет слишком уж тяжело, он сможет тотчас улететь. Он позвонил в Орли – до завтрашнего дня самолетов не будет.

Поезд уже ушел, машину свою он продал, и денег у него не было. К тому же завтра ему нужно поехать в редакцию выяснить насчет нового оклада и поговорить с Элоизой, и вообще жизнь – сплошной ад. Впрочем, этого следовало ожидать, слишком он был счастлив весь сегодняшний день. Мысль, что «за все надо платить», наполнила его отвращением к себе. Нет, он вовсе не выздоровел! Теперь он болен вдвойне, раз так подавлен и находится в полной зависимости от женщины, которую едва знает. Женщины, которая клялась ему в любви, а при первом же ударе грома бросила трубку. Он переживал свою обиду под добродушным взглядом хозяйки кафе и, почувствовав наконец, что она на него смотрит, вымученно улыбнулся.

– Чудесная погода, – сказал он.

– Пожалуй, слишком жарко, – с готовностью отозвалась хозяйка. – Наверняка будет гроза. Он ухватился за эти слова:

– Скажите, а вы боитесь грозы? – Она рассмеялась:

– Грозы? Да вы шутите! Налогов – вот чего мы боимся.

Она уже собиралась было распространиться на эту тему, но, увидев, как Жиль изменился в лице, движимая природной добротой и тем непогрешимым чутьем, которым нередко наделены хозяйки маленьких кафе, привыкшие с первого взгляда узнавать и одиноких, и счастливых, и опустившихся людей, добавила:

– А вот, возьмите, моя племянница, она родом из Морваиа, там ведь грозы бывают ужасные, так она никак не могла к ним привыкнуть. Скажем, сидит она, обедает, и вдруг ударит гром – она сразу под кровать лезет. Ничего не поделаешь: нервы.

– Да, – обрадованно повторил Жиль, – ничего не поделаешь, – нервы.

И он подумал, что до сих пор Натали занималась гораздо больше его нервами, чем своими собственными, и то, что они поменялись ролями, пожалуй, даже и справедливо. Он завел долгий разговор с хозяйкой, угостил ее портвейном и сам выпил с ней несколько рюмок этого сладкого вина, которое раньше терпеть не мог, но теперь оно напомнило ему коктейли его зятя, и наве-селе, настроенный уже гораздо оптимистичнее, вышел из кафе. А теперь надо идти объясняться с Элоизой. Завтрашний день он проведет в редакции, попробует раздобыть немного денег и вечером же сможет выехать. Он уже представлял себе сто километров в машине рядом с Натали, эти ночные, волшебные сто километров, эти сто километров признаний в любви. Почему он сказал ей, что они увидятся только через неделю или через две? Видимо, это была попытка самозащиты, попытка внушить себе и внушить ей, что он вполне может прожить неделю без нее, а также попытка внушить себе, что еще существует Париж, и тщеславные притязания, и друзья, но все эти уловки оказались тщетными, потому что вот уже два дня ничего этого для него не существует, и он ничего не видит и ничего не чувствует, и единственное, что живет в нем, – это холмы Лимузена и лицо Натали. Но что она подумает, когда увидит, что он так быстро вернулся, когда поймет, что он уже прикован к ней? Не возникнет ли у нее неизбежная и чересчур спокойная уверенность, которая появляется, как только отпадают сомнения? Или она обезумеет от радости? Он вспоминал ее глаза, полные слез, тогда, на вокзале, потом сухой голос сегодня по телефону, и решил, что, видимо, существуют две разные женщины, и, умножая, усложняя, затемняя различные образы Натали, он был уже на грани настоящей любви.

Когда он вошел, Элоиза смотрела телевизор, но тут же вскочила и бросилась ему на шею. Он вспомнил, как давным-давно разыгралась точно такая же сцена, и удивился, что с тех пор еще и месяца не прошло. Казалось, с тех пор случилось столько всего... Но что же, в сущности, случилось? Две недели он смертельно скучал у сестры, потом десять дней предавался любви с какой-то женщиной. На этом, при желании, можно было бы поставить точку. Но ему не хотелось, вовсе не хотелось ставить точку.

– Ну как, все хорошо? Видел Фермона?

– Да, – ответил он, – видел, все в порядке.

Жилю не хотелось вдаваться в подробности, рассказывать об истории с Гарнье. Не хотелось говорить об этом ни с кем, кроме Натали. Возможно, любовь иной раз можно определить как желание делиться всем только с одним человеком.

– Портвейна у тебя нет? – пробормотал он. И сразу же осекся: он ведет себя, как гость.

– Портвейна? Но ты же терпеть его не можешь...

– Я выпил уже три рюмки, мешать не хочется, а мне... – сказал он, откашлявшись, – мне нужно выпить.

Ну, вот. Начало положено. Она спросит: «Почему?» – а он ответит: «Потому что я должен с тобой поговорить». Но она ни о чем не догадывалась.

– О, я понимаю! – воскликнула она. – Бедненький, ты так устал. Подожди, я сбегаю вниз, в магазин, и сейчас же вернусь.

– Да не нужно! – воскликнул он в отчаянии, но за ней уже захлопнулась дверь.

Он подошел к окну и увидел, как она пересекает улицу своей танцующей походкой манекенщицы, как входит в магазин. Словно затравленный, он огляделся: на низком столике лежали его любимые сигареты и аккуратно сложенная вечерняя газета, в вазе стояли свежие цветы. Не заглядывая в спальню, Жиль уже знал, что его белая рубашка и легкий серый костюм разложены на кровати. И даже медведь, этот ужасный плюшевый медведь, о котором он ни слова ей не сказал, исчез куда-то. Должно быть, Элоиза принимала его молчание за деликатность, тогда как объяснялось оно лишь полным безразличием. А он вчера, не думая ни о чем, овладел ею и вообще вел себя по-хамски. Жиль был самому себе противен. И обо всем этом он тоже расскажет Натали, ничего от нее не утаит. Он заранее гордился своей откровенностью и самоуничижением, не задумываясь над тем, какую роль в его ис-поведи будет играть желание смягчить свою вину и придать в глазах Натали больше ценности разрыву с Элоизой.

В задумчивости Жиль выпил рюмку портвейна и решил объясниться с Элоизой после окончания телевизионного журнала. Но потом ей ужасно захотелось посмотреть очередную серию телефильма, который она, так же как и его сестра Одилия, с увлечением смотрела уже целый месяц. Итак, он неожиданно получил еще пятьдесят минут отсрочки, но это лишь усилило его смятение. Ему хотелось увести Элоизу куда-нибудь, например в клуб, и там среди людской толчеи, под грохот джаза все ей объяснить: так было бы легче. Но уж слишком банально.

– Ты голоден? – спросила она, выключая телевизор.

– Нет. Элоиза... мне надо тебе сказать... я... я встретил другую женщину там, в деревне, и я... Я...

Он путался в словах. Элоиза, побледнев, смотрела на него застывшим взглядом.

– Она очень помогла мне, – поспешно добавил он. – Право же, только благодаря ей я пришел в себя. Прости меня... И за вчерашнюю ночь прости. Мне не следовало...

Элоиза медленно, не произнеся ни слова, опустилась в кресло.

– Я опять туда поеду. А ты, конечно, можешь жить здесь, сколько захочешь... ты же знаешь, мы с тобой всегда останемся друзьями...

«До чего глупо и нескладно, – думал Жиль. – Самый настоящий мешчанский и жестокий разрыв. Но мне больше нечего ей сказать». Его охватило какое-то оцепенение.

– Ты ее любишь? – спросила Элоиза. Она, казалось, не верила его словам.

– Да. По крайней мере думаю, что люблю. И она меня любит, – поспешно добавил он.

– Тогда почему же... почему вчера?..

Она даже не смотрела на него. Она не плакала, а пристально смотрела на экран телевизора, будто там демонстрировался некий фильм, видимый только ей.

– Я... наверное, я хотел тебя, – пробормотал Жиль. – Прости, мне следовало сразу все сказать.

– Да, – проговорила она. – Следовало.

Она замолчала. Молчание становилось невыносимым. Лучше бы уж она закричала,

засыпала его вопросами, сделала бы что-нибудь ужасное – ему тогда стало бы легче, ему! Весь в испарине, он провел рукой по волосам. Но Элоиза по-прежнему молчала. Жиль встал, прошелся по комнате.

– Хочешь чего-нибудь выпить?

Она подняла голову. Она плакала, и Жиль инстинктивно потянулся к ней, но она отстранилась, закрыв лицо руками.

– Уйди, – произнесла она, – прошу тебя, Жиль, сейчас же уйди... завтра я уеду. Нет, уйди, прошу тебя.

С бешено бьющимся сердцем он сбежал по лестнице, выскочил на улицу. Задыхаясь, прислонился к дереву, обхватил его руками. Ему было смертельно тоскливо и стыдно.

– Я рад, что назначили именно вас, – сказал Гарнье.

Они сидели в баре отеля «Королевский мост»; бар помещался в подвале, и электрическое освещение здесь и днем и ночью было одинаковое. Жиль ночевал в отеле, он был плохо выбрит, в несвежей рубашке и еще не оправился от мучивших его кошмаров. Как ни странно, но Гарнье, высокий и сильный, седой, с мягким взглядом серых глаз, казалось, чувствовал себя куда спокойнее, чем Жиль.

– Это... это место по праву принадлежит вам, – сказал Жиль. – И я не хочу его у вас отнимать.

– Вы тут ни при чем. Фермона не устраивает мой моральный облик – в этом все дело.

Гарнье рассмеялся, и Жиль покраснел.

– Видите ли, – мягко продолжал Гарнье, – все это не так уж серьезно. «Потеряно все, кроме чести»... Я ведь мог бы с успехом все отрицать. У них не было доказательств. Но, спасая свою репутацию, я потерял бы честь. Забавно, не правда ли?

– Что вы собираетесь делать? – спросил Жиль.

– Через полгода мальчика выпустят из колонии. Он уже будет совершеннолетним. И сам решит – видеться ему со мной или нет.

Жиль с восхищением посмотрел на Гарнье.

– Но если он не захочет, – сказал он, – вы потеряете все, ничего не получив взамен...

– Я никогда не жалел о том, что отдавал добровольно, – спокойно ответил Гарнье. – Дорого обходится лишь то, что крадешь, запомните это, мой милый... – И он рассмеялся. – Наверное, вам странно слышать высоконравственные рассуждения от такого порочного создания, как я. Но поверьте, в тот день, когда вы устыдитесь того, что любите, вы погибли... Погибли для самого себя. А теперь поговорим о работе.

Гарнье дал Жиллю немало полезных советов, но тот почти его не слушал, он думал о том, что обокрал Элоизу; думал о том, что никогда не будет стыдиться Натали; думал о том, что будет любить ее с такой же нежностью и так же искренне, как Гарнье любил этого мальчика. Он все это ей скажет, непременно расскажет ей о Гарнье, ему ужасно хотелось ее увидеть. Через полчаса он будет в редакции, постарается побыстрее уладить денежные дела, пообедаст с Жаном, поручит его заботам Элоизу, уложит чемодан и еще поспеет на пятчасовой поезд. А сейчас прямо из отеля позвонит в Лимож.

Голос Натали звучал ласково, весело, и он вдруг почувствовал себя по-настоящему счастливым.

– Я просто в отчаянии после вчерашнего разговора, – сразу же сказала она. – Но мне и правда было очень страшно, это нервы.

– Я понимаю, – сказал он. – Натали, а что ты скажешь, если я приеду сегодня вечером? Наступила тишина.

– Сегодня вечером? – переспросила она. – Нет, Жиль, это слишком хорошо. А ты можешь?

– Да. Мне осточертел Париж. И мне не хватает тебя, – прибавил он, понизив голос. – Я поеду поездом. Встретишь меня во Вьерзоне?

– Боже мой! – растерянно произнесла она. – Мы ведь ужинаем у Кудерков! Что же теперь делать?

Неподдельное отчаяние, прозвучавшее в ее голосе, успокоило Жилля, и он очень бодро сказал:

– Доеду до Лиможа и возьму такси, а увидимся мы завтра. Можешь пообедать со мной? Завтра нет заседания Красного Креста?

– Ох, Жиль... – сказала она. – Жиль, подумать только: я увижу тебя завтра... Какое счастье... Я ужасно соскучилась.

– Завтра в двенадцать ты заедешь за мной к сестре. Хорошо? Можешь ее предупредить? Он вдруг почувствовал себя непривычно собранным, мужественным, решительным. Он выбирался из того неизбывного хаоса, который назывался Парижем. Он снова жил.

– Я сейчас же отправлюсь к ней, – ответила Натали. – А завтра в полдень заеду за тобой. У тебя все хорошо?

– Были некоторые осложнения, даже довольно серьезные, но я... я все уладил, – решительно заключил Жиль.

«Уладил... Нечего сказать, – внезапно подумал он. – Согласился занять чужое место и заставил страдать женщину». Но он не мог бороться с тем пьянящим, непобедимым, жестоким ликованием, которое сопутствует счастью.

– До завтра, – сказала она, – я люблю тебя. Он не успел сказать: «И я тебя тоже». Она уже повесила трубку.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЛИМОЖ.

Глава первая

На этот раз поезд шел бесконечно долго. Сразу за вокзалом потянулись парижские предместья, которым заходящее летнее солнце придавало даже некоторую поэтичность. Потом, перед самой Луарой, показались первые луга, покрытые зеленой лоснистой травой и обрамленные непомерно длинными тенями деревьев; по-том стала видна и серая лента Луары. Потом сделалось совсем темно и Жиль, отвернувшись от окна, принялся разглядывать безмятежные лица своих попутчиков. Ему было хорошо в этом поезде, который неотвратимо приближал его к дому сестры и к Натали, приближал его к любви и покою, и ему казалось, что такого сочетания никогда еще не бывало в его жизни.

Он вышел в Лиможе в начале двенадцатого. Было темно, и он буквально замер от изумления, когда Натали вдруг кинулась ему на шею. Он отшвырнул чемодан и крепко обнял ее, не произнося ни слова, оглушенный счастьем. Они долго стояли так на перроне, прижавшись друг к другу, слегка покачиваясь, как на палубе корабля, и не обращая внимания на пристальные взгляды, которые они чувствовали на себе. Наконец Жиль откинул голову и посмотрел на нее: он никогда раньше не замечал, что у нее такие огромные, широко расставленные глаза.

– Как тебе удалось вырваться?

– Я сбежала, – ответила она. – Не могла больше. Этот ужин был каким-то кошмаром. За супом я думала, что сейчас ты проезжаешь Орлеан, а когда подали рыбу, – что ты уже в Шатору, и мне показалось, что я вот-вот потеряю сознание. Поцелуй меня, Жиль, и ты больше никуда не уедешь.

Он поцеловал Натали, вышел с нею на площадь, разыскал ее машину, бросил туда чемодан, бросился сам на сиденье и обнял ее.

– А ты еще больше похудел, – заметила она. – Меня-то ты хоть узнаешь?

– Я ведь только три дня здесь не был, – сказал он.

– После ужина там обычно играют в бридж. Я сказала, что неважно себя чувствую и хочу вернуться домой. Только-только успела к поезду – чуть не передавила весь Лимож.

Жиль поцеловал ее, чувствуя себя совершенно счастливым, без единой мысли в голове. Ему нечего было больше сказать, однако он помнил, что должен сообщить ей великую новость – что он любит ее. Что наконец он сам понял это. Правда, сейчас это открытие уже не казалось

ему столь важным, столь ошеломляющим, как в Париже. И тем не менее в знак верности тому Жилью, который умилялся самому себе и в состоянии умиления провел целый день в Париже, Жиль сделал над собой усилие и произнес проникновенным голосом, который показался ему смешным:

– Знаешь... Знаешь, Натали, я люблю тебя.

Она засмеялась.

– Надеюсь, – сказала она, не выказывая ни малейшего удивления, – не хватало только, чтобы ты не любил меня.

Жиль тоже засмеялся. Натали права, он круглый дурак. Есть слишком очевидные вещи, которые не нуждаются в словесном выражении. В первый день она сказала, что любит его, и потом спокойно ждала, когда и он ее полюбит.

Бесспорно, Натали – сильная женщина, вернее, женщина, знающая, что ее слабости – такая сила, которой невозможно противостоять. Да, он испортил весь эффект своего признания и был очень доволен, что испортил.

– Почему ты ничего не рассказываешь? – спросила Натали.

– А мне нечего рассказывать, – ответил он. – Я в полном порядке. Всю дорогу любовался природой из окна вагона.

– Довольно скупое повествование...

– Поцелуй меня, – сказал он, – завтра я тебе все расскажу. Пойдем к реке. Ты будешь обедать со мной?

– Да, но мне пора возвращаться. Франсуа, наверное, уже дома. Не надо было мне приезжать, – тихо добавила она, – это ужасно – сейчас расставаться с тобой.

Они ехали по улицам Лиможа; Натали медленно вела машину, и в окно вливалась вечерняя прохлада. Жиль держал Натали за руку, он ни о чем не думал и лишь смутно ощущал, что это полное отсутствие мыслей и есть подлинное счастье. Потом он пересел в такси и в том же состоянии гипноза проехал еще тридцать километров, пока наконец не добрался до знакомого старого дома; там, разбудив Одилию и Флорана, он вдруг стряхнул с себя оцепенение и принялся рассказывать им о своей поездке, хотя супруги ничего не понимали спросонья, – рассказывал долго, путано и забавно обо всем, что он собирался сообщить Натали, думая о ней в вагоне.

Жиль лежал у самой воды, возле Натали; было жарко, оба шурились от закатных лучей солнца. Натали считала, что они с Жилем тут загорают, а он посмеивался над нею, утверждая, что по-настоящему загореть можно только на Средиземном море, а здесь они разве что чуть-чуть пожелтеют к самому концу лета. Но было так приятно лежать, расстегнув ворот рубашки и при-имаясь щекой к свежей траве. Все то, что он безумно любил раньше, – безжалостное солнце, раскаленные пляжи, обнаженные и зачастую слишком доступные тела – все это сейчас внушало ему отвращение. Теперь Жилью нужен был только вот этот мягкий пейзаж и эта сложная женщина. А она сердилась на него, он догадывался об этом. Рассказ о его пребывании в Париже вызвал у нее лишь два чувства: огромную жалость к Элоизе и неожиданный интерес к Гарнье. И полное равнодушие к переживаниям самого Жилья. Она не выказала ни капли, казалось бы, законной ревности по поводу ночи, проведенной с Элоизой, никак не оценила его негодования в отношении Фермона. Она нашла все это «огорчительным». И хотя Жиль своими признаниями действительно думал ее огорчить, он все же надеялся что она утешит его, не станет осуждать. Меж тем она осуждала его, осуждала за слабость.

– Ну послушай, – раздраженно и в то же время лениво говорил он (ведь они весь день провели у него в комнате), – послушай, Натали, что, по-твоему, я должен был сделать? Остаться с Элоизой? Уйти из газеты?

– Не знаю. Я не люблю подобных ситуаций. А у меня создается впечатление, что ты так живешь всегда. На грани обмана. Не зная, прав ты или нет. Чувствуя себя немножко виноватым и упиваясь этим.

– Насквозь прогнил, да? – рассмеявшись, воскликнул Жиль.

– Очень возможно.

Она не смеялась. Он перевернулся на живот и обнял ее. От Натали пахло нагретой солнцем травой, и она смотрела на него пристально, широко раскрытыми, почти испуганными глазами. Но Жиль не видел выражения ее глаз, он видел лишь темные круги под ними – следы любви. Он улыбнулся, поцеловал эти круги и рассмеялся:

– А разве ты могла бы полюбить насквозь прогнившего человека?

– Любовь зла – тут не выбираешь.

– Странно, образованная женщина и не боится говорить такие банальные фразы, – сказал он.

– Нет, очень боюсь, – тихо ответила Натали, – но в них почти всегда правда.

Жиль посмотрел на нее: она действительно боялась, и на мгновение ему тоже сделалось страшно. Каково им будет вместе? Что если когда-нибудь она начнет презирать его? Что если он действительно достоин презрения? Вдруг Натали не сможет больше его любить? Жиль зарылся головой в траву и вздохнул

– нет ему ни отдыха, ни покоя. Вот он любит эту женщину, прямо сказал ей об этом, а она боится его.

– Если ты боишься, брось меня, – прошептал Жиль. И почувствовал, как ее щека, ее губы коснулись его затылка.

– Я бы не могла, – сказала Натали, – но даже если бы и могла, не бросила бы.

– Почему?

– У меня была безмятежная жизнь, меня лелеяли, оберегали, но жилось мне тоскливо, – спокойно сказала она. – Наверное, я должна была встретить кого-то вроде тебя.

– И эта встреча кажется тебе удачей или катастрофой?

– Сейчас – удачей, – ответила она.

Они неподвижно лежали в траве. Натали привалилась к нему и положила голову ему на спину, тонкая травинка щекотала его лоб; глубокий, похожий на оцепенение, покой овладевал им. Звук собственного голоса почти удивил его:

– А что будем делать с Франсуа?

Она отодвинулась и легла навзничь. Жиль повернул голову, и теперь ему был виден профиль Натали; она спокойно смотрела в небо.

– Не знаю, – сказала она. – Мне надо от него уйти.

Жиль даже вздрогнул. Подсознательно он уже успел свыкнуться с этим призрачным, так мало стеснявшим их Франсуа. Жиль знал, что Натали не живет с мужем, она сказала ему об этом, и он верил ей, слишком хорошо зная ее прямоту. Но эта прямота влекла за собой немало последствий.

– Что же ты собираешься делать? Она посмотрела на него и улыбнулась.

– Может быть, уеду с тобой и буду возле тебя, пока ты меня любишь. А там – увидим...

Она права, она совершенно права: они любят друг друга, они должны быть вместе. Он зарабатывает вполне достаточно, чтобы обеспечить женщине безбедное существование. И к чему цепляться за какую-то свободу и одиночество? Да ну их ко всем чертям – и свободу и одиночество: ведь именно эти две безрадостные вак-ханки и привели его к нервной депрессии... А все-таки страшно. Протянув руку, Натали коснулась его волос.

– Не беспокойся. Жиль. До лета я не уйду от него. До конца лета. И я не уеду с тобой, пока ты сам меня об этом не попросишь.

Он вдруг разозлился и с вызовом посмотрел на нее. Разозлился оттого, что она прочла его мысли, и оттого, что они возникли у него.

– Да я и не думаю беспокоиться. Я хочу быть с тобой. Хочу, чтобы ты со мной уехала. Чтобы мы уехали немедленно. Сегодня же вечером ты с ним поговоришь, и завтра мы уедем.

«А куда? – тут же подумал он. – Куда? У меня в кармане всего три франка. Остаться здесь после скандала, который не-минуемо разразится, невозможно. Куда же нам деваться до сентября?»

Но Натали улыбалась, и эта улыбка вывела его из себя.

– Я хочу, чтобы ты уехала со мной.

Он почти кричал.

– Хорошо, уеду, – спокойно сказала она. – Но только если ты просишь меня, а не приказываешь. И не кричи так, ты даже покраснел. Разве нам здесь плохо? Куда ты хочешь уехать?

– Я не люблю ложных положений... – с гордым достоинством начал Жиль.

Но она так на него посмотрела, что он осекся и умолк. Однако Натали тотчас расхохоталась, он тоже засмеялся, снова привалился к ней, смешав ее волосы со своими, осыпал ее поцелуями.

– Ох, Натали, – шептал он. – Натали, как ты меня хорошо знаешь... Ох, я люблю тебя, люблю.

И она смеялась до слез в его объятиях, смеялась с сияющими глазами, не в силах остановиться.

Глава вторая

Любопытно, как порой бывает удобно, когда гордиев узел разрубаешь не ты, а кто-то другой. С той минуты, как Натали решила уйти от мужа, его существование совершенно перестало беспокоить Жилья – Натали уходит от Франсуа из-за него, но он, Жиль, тут как будто ни при чем. В ту минуту, когда Натали облекла в слова свое решение и произнесла эти слова, выбор был сделан и оставалось лишь покориться судьбе. Жилью и в голову не приходило, что Натали может передумать, – как все прирожденные лгуны, он был до смешного доверчив. Более того, он вовсе не считал, что обкрадывает Франсуа, – ведь стонами восторга, наслаждением Натали слишком очевидно была обязана Жилью, ему одному, и никто, зная Натали, не мог бы надеяться добиться от нее того же. Он похищал у Франсуа Натали-человека, а не Натали-женщину и должен был признать, что Франсуа на протяжении многих лет уделял немало внимания этой не признающей канонов, бескомпромиссной Натали. И вот теперь Франсуа отдает ее Жилью – любовницу и вместе с тем мать, строгую и безрассудную, именно такую, какая и нужна Жилью. Разумеется, думать так было бессовестно, но счастливый человек – чаще всего человек бессовестный. А Жиль был счастлив.

Самыми прекрасными были послеполуденные летние часы, которые они проводили в его спальне, вернее, в уединенной комнате на чердаке, где раньше спала прислуга. Жиль открыл эту комнату и обосновался в ней. Туда можно было подняться черным ходом прямо со двора и таким образом щадить не столько целомудрие Натали, которая смеялась над условностями, сколько целомудрие Одилии, волнуемой некими принципами. Комната была просторная, почти пустая, пыльная, в ней стояла огромная кровать и кресло «под красное дерево», на которое Натали бросала свою одежду. Жиль поднимался туда около трех часов, закрывал ставни, ложился, брал книгу и ждал. Вскоре приходила Натали, мгновенно снимала с себя платье и бросалась к нему, точно дикарка, не произнося ни слова, а иногда, наоборот, раздевалась медленно, как бы нехотя, остроумно рассказывая ему о смертельно скучных званых обедах. Жиль не знал, что нравилось ему больше, но кончалось и то и другое в постели, а жара под раскаленной крышей была такая, что, разомкнув объятия, они едва дышали, мокрые, потные, изнеможенные, но так и не утолившие страсть. Жиль вытирал смятой простыней безжизненное тело Натали, она не противилась, лежала с закрытыми глазами, и он чувствовал, как под его рукой колотится ее сердце. Она медленно высвобождалась из плена наслаждения, как приходят в себя после долгого обморока, и он, гордый, довольный, посмеивался над ней. Наконец, жизнь возвращалась к ней, и она уже слышала не только биение собственной крови, но уже могла поднять веки, тогда как за минуту до того даже слабый свет, проникавший сквозь ставни, слепил ее; она поворачивала голову к Жилью, который уже курил, и смотрела на него с какой-то испуганной благодарностью.

Они разговаривали. Мало-помалу он узнал о ней все. Она рассказала ему о своем детстве, которое прошло в Туре, о годах учения в Париже, о своем первом любовнике, о встрече с Франсуа, о браке с ним. Это была простая и в тоже время не простая жизнь: простая, потому

что в ней не было никаких из ряда вон выходящих событий, и не простая, потому что по внезапному молчанию, прерывавшему иногда рассказ Натали, по отдельным словам, интонациям голоса и самому складу фраз чувствовалось, что эта спокойная и в общем-то благополучная жизнь стала для нее почти невыносимой. Если Жиль говорил: «А ты радовалась, когда поехала в Париж защищать диплом?» – она отвечала: «Ты сошел с ума... ведь до этого я никогда не расставалась с братом». И он должен был сочетать в своем воображении классический образ юной провинциалки, ослепленной Парижем и окруженной поклонниками, с образом девочки, тоскующей о брате в далеком незнакомом городе. А если он спрашивал, какое впечатление про-извел на нее Франсуа при первом знакомстве, она отвечала: «Я сразу же поняла, что он порядочный человек», и больше Жиль не мог добиться от нее ни слова. Что касается любовников – кажется, их у нее было три до Франсуа и один после, она спокойно признавалась, что испытывала с ними наслаждение. Однажды он задал дурацкий вопрос: «Такое же, как со мной?»-и получил в ответ: «Естественно», что окончательно вывело его из себя. И напрасно. Она никогда никого не любила так, как его, но наслаждение испытывала и с другими, так говорила она и не желала отпираться от своих слов. Искренность Натали временами подкупала, временами злила Жюль, но никакие его уловки, даже в минуты страсти, не могли заставить ее отступить от своих утверждений. Она спокойно смотрела, как Жюль готовит ей очередную ловушку, как расставляет силки, а потом, смеясь, одним единственным словом разрушала их. И он начинал смеяться вместе с ней. А ведь раньше он никогда не позволил бы смеяться над собой с женщинами. Из ложного мужского самолюбия он предавался этому приятному занятию только в обществе Жана или других мужчин. И то, что он наконец отбросил свое глупое тщеславие, еще больше привязывало его к Натали, хотя он и не отдавал себе в этом отчета.

Часам к шести они спускались на террасу, где Флоран и Одилия уже ждали их, расположившись в шезлонгах; Жюль и Натали пили с ними коктейль «порто-флип», говорили о погоде. Одилия уже не краснела по любому поводу, а Флоран даже пытался ухаживать за Натали, что ужасно забавляло Жюль. Вытаращив огромные голубые глаза, Флоран, рассыпаясь в любезностях, предлагал Натали свои отвратительные сигареты с золоченым мундштуком, уверяя, что во всем Лимузене только у него найдешь такие. Натали под насмешливым взглядом Жюль стоически курила их, пила «порто-флип», грустно говорила: «Ну, мне пора», – и все старались ее удержать. Дни стали очень длинными, жара спадала только к семи часам, и тени деревьев на террасе вытягивались еще больше. Иногда Жюль чувствовал себя персонажем комедии девятисотых годов: круглый столик на одной ножке, легкие напитки, болтун-нотариус... Но вдруг Натали откидывала головку на спинку кресла, и он, прикрыв глаза, вдруг вспоминал, какой она была в его комнате, наверху. И если тут действительно разыгрывалась комедия, больше всего на свете он хотел, чтобы она была такой.

Глава третья

В то лето устраивалось много званых вечеров, но Жюль никуда не ездил. В обществе говорили, что он болен, страдает депрессией, ищет уединения, и это было удобно для всех, включая и Натали, как он полагал. Хотя она и утверждала, что готова уехать вместе с ним, но он не забывал, что стал любовником замужней женщины. А кто мог бы заподозрить эту даму с безукоризненной репутацией в том, что она способна проделывать ежедневно по шестьдесят километров в машине, чтобы очутиться в постели какого-то неврастеника? Когда же Одилия упрекала его в пренебрежении светскими обязанностями, он неизменно отвечал: «Оказаться лицом к лицу с Сильверенером?..» – и она краснела, готовая просить у него прощения. Нередко по вечерам, проводив взглядом исчезающий в конце аллеи маленький автомобиль, который уносил Флорана и Одилию на очередное празднество, Жюль оставался один в большом доме, брал книгу и, расположившись в гостиной, наслаждался покоем и тишиной. Иногда он поднимался на третий этаж, вытягивался на еще не убранной постели и, лежа с открытыми глазами, вдыхал запах Натали, запах любви. Летучие мыши прорезали в

бесшумном полете темнеющую синеву неба; снизу, из сада, доносились монотонные жалобы лягушек, легкий благоуханный ветерок освежал комнату— мир и прохлада спускались туда, где еще недавно было накаленное поле любовной схватки. Жиль думал о Натали, даже не очень жалея, что ее нет рядом. Иногда он засыпал, так и не сняв своего старого свитера, и просыпался лишь от шуршания гравия под шинами автомобиля. Он спускался, помогал пьяненькому Флорану выбраться из машины, шел вместе с ним на кухню. «Как! – удивлялась Одилия. – Ты еще не спишь?» И в восторге, что нашелся слушатель, способный лучше, чем муж, оценить ее повествование, она принималась с энтузиазмом описывать, какой чудесный вечер устроили Кудерки, такой великолепный, что он сделал бы честь и герцогине Германтской. Царицей бала неизменно бывала Натали, которую в своих отчетах Одилия называла «мадам Сильвенер», хотя при ежедневных встречах звала ее просто по имени. Итак, на вечере мадам Сильвенер была в прелестном голубом платье, она довольно дерзко ответила заместителю прокурора. Ах, даже сам префект ни на шаг не отходил от мадам Сильвенер, и так далее. Если бы Жиль не лежал каждый день рядом с этой мадам Сильвенер без всяких одеяний, он наверняка начал бы о ней мечтать, как школьник. Умиленно улыбаясь, он слушал щебетание Одилии, посмеивался над заместителем прокурора и пытался представить себе, какого оттенка было голубое платье Натали. Впрочем, в конце рассказа Одилия всегда – возможно, по доброте душевной – набрасывала прозрачную пелену грусти на лучезарный облик мадам Сильвенер, а Жиль принимал рассеянно-скромный вид, как будто бы все это его не касалось. Наконец, Одилия, упоенная романтикой, укладывалась спать возле Флорана, который, упившись шампанским, так же, как и она, мгновенно засыпал. Прошло уже две недели с тех пор, как Жиль приехал из Парижа, а он еще нигде не бывал, если не считать утренних поездок с Одилией за покупками в соседний поселок. Его судьба словно остановилась: ему казалось, что отныне он всю жизнь будет нежиться на солнце, днем любить Натали, а вечерами мечтать. Мысль, что через два месяца он станет редактором международного отдела газеты, будет занят по горло и начнет в такой же мере беречь свое время, в какой сейчас его растрчивает, и что время это будет пролетать в сером круговороте Парижа, казалась ему просто нелепой. Впрочем, он даже не думал об этом, так как всегда очень легко относился к проектам на будущее. Проснувшись, он решал лишь самые простые вопросы: идти ему с Флораном удить рыбу или не идти, в каком настроении приедет Натали, будет она нежна или требовательна и сможет ли он сам починить обвисший ставень в их жаркой спальне. Иногда, читая газету, он принимался размышлять, что может толкнуть человека на то, чтобы разрезать своего ближнего на восемнадцать кусков, и делился своим недоумением с Одилией, которая от ужаса начинала пронзительно кричать, как павлин, а Флоран по своему обыкновению прибегал к мимике и жестам: постукивал себя пальцем по лбу или делал из галстука петлю-удавку и затягивал ее. Короче говоря, Жиль был счастлив, более того – он сознавал это и с мужской гордостью повторял это Натали на разные лады. «Подумай только, – говорил он, – подумай только: всего два месяца назад я был конченным человеком, а теперь я так счастлив...» Казалось, он сам не мог поверить своему счастью, и это смешило Натали, а когда он добавлял: «И все благодаря тебе», у нее быстро-быстро трепетали ресницы.

Наконец устроили у себя вечер и Сильвенеры. Каждый год, приблизительно в одно и то же время, Франсуа Сильвенер собирал в своем доме светское общество Лиможа и его окрестностей. Это был самый изысканный прием в летнем сезоне, и Одилия, презрев соображения морали, начала радостно готовиться к нему за десять дней. Это был единственный прием, ради которого Жиль решил пожертвовать своим одиночеством. Ему хотелось увидеть, как живет Натали. Хотелось увидеть ее в роли хозяйки дома, и он заранее забавлялся.

Франсуа Сильвенер занимал большой особняк восемнадцатого века, очевидно, всегда принадлежавший блюстителем правосудия. Дом стоял в самом центре Лиможа, окна выходили в великолепный сад, пожалуй слишком ярко освещенный по случаю праздника. И, пожалуй, слишком много тут цветов, подумал Жиль, поднимаясь по ступенькам, и слишком пахнет деньгами. Конечно, деньгами, добытыми честным путем, деньгами, полученными по

наследству, но все-таки деньгами; тяжелая полированная мебель, старинные ковры, большие, чуть потускневшие зеркала и два краснолицых метрдотеля за стойкой буфета в явно стеснявших их белых перчатках – все говорило о богатом и благоустроенном доме. Однако Жиль, как журналист и парижанин, бывавший на приемах более блестящих, на умопомрачительных пирах, которые задавали нередко уже разорявшиеся прожигатели жизни, глядел вокруг с чувством некоторого превосходства. Он любил только деньги, которые бросают на ветер. В доме же Натали подавляла не роскошь, а ощущение прочного достатка. На верхней площадке лестницы стояли рядом Натали и Франсуа Сильвенер и принимали гостей-совсем как в романах девятисотых годов. Некогда Жиль поцеловал руку Натали, он прочел в ее взгляде такое желание понравиться ему, глаза ее так ясно говорили: «Все это для тебя», что ему вдруг стало стыдно за собственное высокомерие. В самых теплых выражениях он расхвалил ее прекрасный дом, пожал руку Сильвенеру и вошел в большую гостиную.

Комнату уже заполняла толпа восторженно настроенных гостей; Жилю пришлось выдержать какие-то разговоры и выслушать какие-то комплименты по поводу его здорового вида, прежде чем ему удалось улизнуть в комнату, которая, очевидно, служила библиотекой. Он попытался представить себе, как Натали сидит тут в кресле у камина напротив мужа, но это оказалось невозможным. Он мог представить себе Натали только раскинувшейся на кровати в жаркой мансарде или лежащей в траве. Немного передохнув в библиотеке, он направился на балкон и тут на кого-то натолкнулся. Перед ним был тот, кого он после рассказа Натали о ее детстве называл про себя «братиком». Они встречались в Лиможе один-единственный раз, но Пьер Лакур сразу протянул ему руку. «Братик» был высоченного роста, с мужественным, как отметил про себя Жиль, и очень красивым лицом. Жиль улыбнулся, вспомнив, как он притренировал к нему Натали на балу у Касиньяков.

– Мы уже отчаялись вас увидеть, – проговорил Лакур. – Вы совсем не появляетесь в обществе. Я везде вижу вашу сестру, а вас – никогда.

– Я действительно не очень люблю бывать в обществе, – сказал Жиль.

– Вам, наверно, скучно на наших провинциальных праздниках?

Голос Лакура звучал довольно агрессивно, но Жилю захотелось расположить его к себе:

– Ну что вы! Просто я очень устал в Париже и приехал сюда отдохнуть.

Наступило недолгое молчание, и вдруг Пьер Лакур, как будто набравшись решимости, взял Жилю за локоть.

– Мне хотелось бы поговорить с вами... вы знаете, что я очень... дружен со своей сестрой.

– Да, знаю, – улыбаясь ответил Жиль.

Он не собирался изображать удивление. Либо Пьеру все известно, либо он ничего не знает. Этот человек чем-то привлекал Жилю – в нем чувствовалась угловатая прямота и при этом, безусловно, ясный ум. Однако первые же слова «братика» привели Жилю в замешательство.

– Натали вас любит, – резко произнес он, – и я просто в отчаянии.

Он проговорил это, отвернувшись, и Жиль на секунду усомнился, правильно ли он его понял.

– Почему в отчаянии?

– Потому что вы не внушаете мне большого уважения, простите за откровенность.

Они говорили вполголоса – будто два врага уславливались в этой темной комнате о тайной неизбежной дуэли. У Жилю сильно забило сердце.

– Почему вы меня не уважаете? Мы с вами едва знакомы.

– Натали вас любит, и вы, по вашим словам, любите ее. Что же она в таком случае здесь делает? Быть может, вы думаете, что она – мешаночка, привыкшая к любовным похождениям? Или, быть может, думаете, что ей легко сейчас жить бок о бок с Франсуа? Неужели вы так плохо ее знаете?

– Она решила подождать до конца лета... – начал было Жиль.

Пьер Лакур яростно взмахнул рукой.

– ...ничего она не решила. Она думает, что вы не уверены в себе, и не хочет принуждать вас. Вот и все. Уже целый месяц ее жизнь – сплошной компромисс, а ведь она всегда ненавидела половинчатость. И все это – из-за вас.

Жиль начал раздражаться. Господин Лакур, играя роль благородного брата, зашел слишком далеко.

– Не похоже, что я первое ее увлечение...

– Нет. Но ее первая страсть – безусловно. И я очень боюсь за Натали.

– Почему?

– Потому что вы слабый, безвольный эгоист...

– Все мужчины – эгоисты, – сухо заметил Жиль.

– Но не все мужчины так снисходительны к себе.

Теперь они готовы были броситься друг на друга. Жиль пытался взять себя в руки. Пьер, конечно, прав и вместе с тем не прав. Жиль глубоко вздохнул.

– А что бы вы сделали на моем месте?

– Я никогда не был бы на вашем месте: если бы я был не я, а кто-нибудь другой и Натали не была моей сестрой, я бы уже давно ее увез...

Он повысил голос, и Жиль улыбнулся.

– Господи, как же вы ее любите!..

– Я должен был вам это сказать, верно? Воцарилось молчание.

– Но я люблю ее, – тихо проговорил Жиль.

– Тогда позаботьтесь о ней.

Лицо Лакура уже не выражало гнева – наоборот, теперь оно было грустным и умоляющим, почти покорным, такое выражение Жиль уже видел у Натали. У него защемило сердце.

– Вы считаете, что я должен увезти ее? Завтра?

– Да, – ответил Лакур. – Как можно скорее. Она слишком несчастна.

Они пристально смотрели друг на друга. В трех шагах от них стоял веселый гул званого вечера Сильвенеров. Внезапно Жиль почувствовал себя не то лирическим, не то романтическим героем.

– Так я и сделаю, – сказал он. – И буду заботиться о ней. Он уже представлял себе, как пересекает бальный зал, хватая Натали за руку и, не говоря ни слова, проводит ее сквозь толпу потрясенных гостей... Настоящий девятнадцатый век! Голос Лакура вернул его к действительности:

– Сильвенер порядочный человек. Она должна прилично расстаться с ним. Если вообще можно бросить человека прилично.

У Жилия промелькнуло воспоминание об Элоизе, и он ничего не ответил.

– Только никогда не забывайте, что Натали – цельная натура, цельная и страстная.

Лакур прошел мимо Жилия и исчез. Эти несколько минут разговора были похожи на сон. Если хорошенько поразмыслить, юноша, должно быть, не в своем уме. Зато Жиллю все стало ясно. И, целуя перед уходом руку Натали, оставляя ее одну на верхней площадке лестницы рядом с мужем, в ее доме, он вдруг понял, что эта женщина, которую он считал своей, не может сейчас уйти вместе с ним, что она так же, как и он, в отчаянии. И в эту минуту он принял решение.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ПАРИЖ.

Глава первая

– Да что же, наконец случилось?

Они были в Париже, у него в квартире; Натали только что приехала, он ждал ее три дня, не получая никаких вестей. И вот она здесь и смотрит на него, растерянная, притихшая, словно ошеломленная каким-то ударом. Она поставила в передней свой чемодан, бросила пальто на стул; приехала она не предупредив, и казалось, вот-вот уедет обратно. Она даже не посмотрела квартиру, и это было довольно странно, потому что ей предстояло тут жить

вместе с ним – ведь это решение они приняли на следующий день после вечера в ее лиможском доме, приняли в каком-то вдохновении глубокого счастья. Глубокого и мудрого. Жиль не знал, что счастьем может быть свойственна непреклонная и нежная мудрость, требующая сделать то, что надо сделать. И все же Натали потребовала, чтобы он уехал раньше ее – ради приличия, как она сказала, – и только через три дня, когда он просто уже с ума сходил от беспокойства, эта молчаливица без предупреждения явилась к нему. Он протянул к ней обе руки, усадил ее, налил ей вина, а она все молчала, не произносила ни слова.

– Да скажи же, что случилось?

– Ничего не случилось, – ответила она как будто с раздражением. – Я объяснилась с Франсуа, поговорила с братом, он отвез меня на вокзал, я не успела тебя известить. В Париже я взяла такси – адрес у меня был...

– А если бы меня дома не оказалось?..

– Но ведь ты сказал, что будешь ждать.

И что-то новое во взгляде Натали – несомненно, воспоминание о неопишимо жестоких минутах – вдруг помогло ему понять, каким пустяком были, в сущности, его нервозность и это холостяцкое ожидание. В конце концов, она порвала со всей своей прежней жизнью, а у него все свелось лишь к скуке ожидания. И сравнивать нельзя: одно дело – перечитывать от тоски старые газеты, другое – заявить мужу, что больше не любишь его. Он наклонился, поцеловал Натали в щеку.

– Как он к этому отнесся?

Она бросила на него удивленный взгляд:

– А что тебе до этого? Ты никогда не интересовался, как он себя ведет, когда я жила с ним вместе, верно? Тогда для чего же тебе понадобилось знать, как мы с ним расстались?

– Я только хотел спросить... не было ли это оскорбительно – для тебя, конечно...

– Ах, для меня? – переспросила она. – Но ведь я ушла от него к человеку, которого люблю. А он остался один, не так ли?

У Жилия мелькнула смутная, довольно циничная мысль: в конечном счете брошенный муж куда больше в тягость с точки зрения эмоций, чем муж еще наличествующий. Натали, по-видимому, знобило. Жиль не мог согреть в своих ладонях ее холодные как лед руки; ему почему-то хотелось, чтобы она заплакала, чтобы все рассказала, доверилась ему целиком или бросилась в его объятия в порыве чувственной страсти, которую внезапно порождает у любовников воспоминание о собственной жестокости в отношении третьего лица. Но ему было больно смотреть на эту дрожавшую от стыда и безгласную женщину.

– Тебе страшно, – сказал он. – Тебе тяжело. Давай посмотрим мое обиталище.

С увлечением, совсем для него необычным, он «готовил» свой дом к приему Натали. Привратница все прибрала, он купил чаю, пачку бумажных салфеток, уйму цветов, сухариков и новую пластинку. Муж привратницы сменил перегоревшие лампочки, включил холодильник. Словом, Жиль думал о чем угодно, кроме страданий Натали. Вернее, он представлял их себе в некой театральной форме, с разными перипетиями, бурными сценами и рыданиями – в общем, в виде событий «рассказуемых» и даже захватывающих. Но он не мог представить себе этого тихого отчаяния.

Она встала, машинально пошла следом за ним. В сущности, тут нечего было и смотреть, кроме спальни да ванной, облицованной деревянными панелями

(эстетическое новшество Элоизы). Натали – вежливо и рассеянно осмотрела все достопримечательности квартиры. Глядя на нее, никто бы не сказал, что она будет спать в этой постели, вешать свою одежду в этот шкаф, – никто, даже сам Жиль. Его охватил панический страх. А что если она не решилась? Что, если она приехала сказать (сообщить в письме или по телефону – не в ее духе), да, приехала только для того, чтобы сказать, что она не может уйти к нему. И сразу же цветы, купленные им, широкая, уже разобранная для нее постель, наступающий сентябрь и предстоящие зимние месяцы, да и вся жизнь показались Жилью отвратительными, невыносимыми. Он взял Натали за руку, повернул к себе лицом.

– Тебе нравится?

– Ну конечно, – сказала она. – Здесь прелестно.

Это «прелестно» доконало его. Недаром, значит, она молчит и не тянется к нему, и руки у нее холодные, и смотрит она куда-то в сторону. Нет, Натали уже не любит его. Не зря он так тревожился в эти три дня мучительного ожидания, разворачивая и бросая на пол газеты, снимая и тотчас же вешая трубку телефона, да, все это были верные симптомы. Опять он останется один, она уедет, бросит его. Он отвернулся от Натали, подошел к окну. Уже наступила ночь, но на улицах еще было по-летнему оживленно.

– Жиль! – окликнула его Натали.

Он обернулся. Она лежала на постели, сбросив с ног туфли. Нет, сегодня она еще не уедет, она проведет вечер, проведет и ночь со своим «ненаглядным», будет называть его «любовь моя», а утром все скажет ему и уедет. Конечно, она честная женщина, но ведь есть условия жизни, от которых трудно отказаться. В душе Жилья вспыхнуло негодование, он отошел от окна и сел на край постели. Как хороша была Натали в эту минуту – усталая, рассеянная и чуть-чуть презрительная. Он любил ее.

– Ты звала меня?

Она с удивлением посмотрела на него, протянула руку. Он схватил на лету эту холодную руку, сжал ее.

– Ты хочешь подарить мне последнюю ночь? Она слегка приподнялась. Он продолжал:

– А завтра ты мне скажешь, что не можешь так жестоко поступить с Франсуа, нарушить все его привычки и так далее, и уедешь. Верно?

Преисполнившись гнева, он ждал, что она растеряется под ударом истины и смутится, пораженная его интуицией. Но она только пристально смотрела на него, и вдруг он увидел, как эти широко раскрытые глаза наполнились слезами, хотя ни один мускул не дрогнул на ее лице, и тогда Жилья понял, что ошибся. Со стыдом и чувством облегчения он бросился на постель рядом с нею и уткнулся головой ей в плечо. Говорить он не мог. Тогда она прошептала:

– Боже мой. Жилья, какой ты эгоист!

– Я так испугался, – ответил он. – Эти три дня!.. Да еще и теперь... Ты никогда не уедешь от меня?

Наступило короткое молчание. Потом послышался голос Натали, наконец-то ее обычный, ласковый и насмешливый голос.

– Нет, – сказала она. – Разве только ты сам об этом попросишь.

– Мне этого не перенести! – сказал он. – Я сейчас это понял.

Он не шевелился. Он вновь вдыхал ее аромат, знакомый аромат, так тесно связанный в его воспоминаниях с зеленью лугов, со свежей травой, с пустой чердачной комнатой. Ему казалось странным, почти кощунственным вдыхать его здесь, в этой городской спальне, где перебивало столько женщин, где еще недавно жила Элоиза. Он видел и не узнавал эту комнату сквозь облако чудесного аромата да еще отгороженную от него плечом Натали. Он чувствовал себя тут чужим, как и эта перепуганная женщина; с таким же успехом они могли бы находиться в номере гостиницы, как бесприютные любовники, о которых поет Пиаф. Но ведь теперь он соединил свою судьбу с судьбою Натали, они у себя дома. Откуда же это смятение? Отчего так щемит сердце? И это не был панический страх, как в прошлые дни, не гнев и не огорчение, а что-то более глубокое, еще ему неведомое, что-то вроде предчувствия грозы.

Он приближался к Натали, шептал ей слова любви и нежности, даже стонал. Ладони Натали лежали на его затылке, она дышала ровно, тихо, и вдруг он понял, что она спит. Он поднялся, достал из холодильника бутылку шампанского, налил себе бокал и, возвратившись с ним в спальню, встал в изножии кровати. Лицо Натали было доверчивым, усталым, кротким. Он высоко поднял бокал, поклялся в душе, что никогда, никогда не причинит ей зла, и выпил залпом холодное шампанское. И тотчас ему вспомнилось, как он вот так же одним духом выпил кружку теплого пива в кафе, когда они сидели там с Жаном, и Жилья внезапно признался ему, что любит эту женщину. Было это месяц

– нет, десять лет назад. А теперь она у него в доме, она принадлежит ему, он выиграл. И он

не мог сдержать усмешки. Усмешки над своей прежней слепотой, над своим упорством, над своими представлениями об ответственности, над своим сумасбродством, над своими победами.

Глава вторая

– Я еще ничего не сообщил тебе об Элоизе, – смеясь сказал Жан. – Полагаю, он докладывал вам о бедняжке Элоизе?

Натали улыбнулась и покачала головой. Они сидели втроем за столиком в маленьком ресторанчике на набережной; Жан и Натали, казалось, понравились друг другу. Жиль был очень доволен.

– А я был уверен, что он рассказывал вам о ней. Ведь Жиль не способен молчать. Единственный раз он попробовал это сделать, когда речь шла о вас. Тут-то я и понял, что он вас любит. В чем и заставил его сознаться. Ну, уж об этом он вам наверняка не рассказывал.

– Ну, довольно, хватит, – сказал Жиль.

Но он не мог сдержать блаженной улыбки. Разумеется, в удовольствии, которое он сейчас испытывал, было что-то мальчишеское, но, право, удивительно приятно слышать, как твой закадычный друг и твоя любовница ласково подтрунивают над тобой. А ты как бы немного в стороне, словно некий любопытный, хрупкий и неуловимый предмет разговора, но постепенно приходишь к мысли, что этот предмет ты сам и есть, что это они тебя описывают, и сразу сознаешь свое значение и их любовь.

– Ну что ж, я сейчас разочарую тебя. Элоиза сделала умо-помрачительную карьеру – стала любовницей фотографа номер один в журнале «Вог», и все у нее идет хорошо.

Посмотрите-ка на него, Натали: он действительно разочарован. Ему хотелось бы, чтобы женщины оплакивали его всю жизнь.

– Плевать мне на них! – воскликнул Жиль.

– На твоём месте я бы сказал – то же самое, – согласился с ним Жан и, наклонившись, поцеловал руку Натали.

Она улыбнулась ему. Уже неделю они с Жилем бродили по еще пустому Парижу, каким он бывает в августе, уже неделю они каждую ночь спали вместе в широкой постели на улице Дофина, и Натали казалась очень счастливой. Они ни с кем не виделись, кроме Жана, только что вернувшегося из отпуска. Когда он два часа назад заехал за ними, на него произвело странное впечатление то, что Натали вела себя в доме, как случайная гостья. Жилю самому пришлось доставать из серванта рюмки, а из холодильника – лед и так далее и тому подобное. («Не забыть бы спросить его потом, почему у них так получилось».)

– Надо заехать в клуб, – сказал Жан. – Натали уже побывала там? Нет? Вы обязательно должны заглянуть туда – посмотреть, что вам сулит жизнь с таким шалопаем.

Натали встала и пошла поправить прическу. Жан посмотрел ей вслед и грустно покачал своей крупной головой.

– Хороша! Очень хороша! – произнес он.

– Ты находишь? – спросил Жиль.

И оба рассмеялись – так забавно прозвучал этот вопрос, заданный как бы между прочим тоненьким, певучим голоском.

– Она гораздо лучше тебя, – задумчиво продолжал Жан, – гораздо лучше. Я говорю не о внешности, – добавил он.

– Спасибо, – отозвался Жиль.

– Постарайся... – начал было Жан и умолк.

– Знаю, знаю, – весело подхватил Жиль. – Постарайся не доставлять ей страданий, сохрани ее такую, как сейчас, постарайся не быть эгоистом, веди себя как мужчина и так далее и тому подобное.

– Да, подтвердил Жан, – постарайся...

Они посмотрели друг другу в лицо, и оба одновременно отвели глаза. Минутами Жиль ненавидел себя таким, каким видел в глазах Жана. Оба встали и, как только Натали

возвратилась» отправились в клуб.

В клубе было весело и уже полно народу. Видимо, для парижан август уже кончился. Принимал гостей Пьер, бронзовый от загара; он обнял Жилья и назвал его «сын мой», совсем забыв, что дал этому «сыну» зуботычину при последней их встрече, потом с интересом окинул Натали взглядом знатока. Жилья замаялся. Явись он с какой-нибудь другой дамой, он сказал бы: «Натали – вот Пьер, познакомься», и все было бы ясно: новую любовницу Жилья Лантье зовут Натали. Но тут он не мог. Он сказал церемонно: «Натали, позволь тебе представить Пьера Леру. Пьер, познакомься – мадам Сильвенер». И покраснел при этом.

Этот церемониал представления он проделал раз пятнадцать за вечер. Мужчины хлопали его по плечу, девицы целовали, согласно незыблемым правилам приятельства, установившимся в те годы, и каждый раз он снимал со своего плеча могучую длань или хрупкую ручку (в зависимости от пола друзей, да и то необязательно), а затем, повернувшись к Натали, представлял мадам Сильвенер того или другого. И всякий раз эта церемония явно вызывала недоумение, но Жилья упорствовал в своей учтивости, забавлявшей Жана и нисколько не удивлявшей непонятливую Натали. Разумеется, тут же к ним прицепился старина Никола, как всегда «под мухой», и после очередного представления сказал Натали: – Так это вы похитили нашего бэби? Мы, знаете ли, беспокоились. Но, право, я бы на его месте ни за что не вернулся.

Он благодушно засмеялся, как подобает галантному кавалеру, и преспокойно уселся за их столик.

– Надеюсь, вы угостите меня виски, чтобы отпраздновать радостное событие?

– Мы ничего не празднуем, – раздраженно отозвался Жилья, – мы праздновали свое спокойствие, а тут пожаловал ты.

– Боже мой! – воскликнул Никола, человек не обидчивый и прежде всего жаждавший выпить. – Боже мой! Да он рев-нует! .. Я уверен, что мадам Сильвенер будет в восторге, если мы выпьем в честь ее первого появления в клубе, ведь я вас тут еще никогда не видел, правда? Иначе запомнил бы, смею вас уверить...

Нежно улыбаясь Натали, он завладел бутылкой, стоявшей на столике, и налил себе виски. Жилья был взбешен, тем более что видел, как Жан, сидевший по другую сторону столика, щурит глаза, едва сдерживая смех; Натали не произнесла ни слова.

– Слушай, Никола, – сказал Жилья, – у нас деловой разговор.

– Если у вас деловой разговор, то мадам Сильвенер, наверное, скучно вас слушать.

Пойдемте лучше потанцуем, мадам Сильвенер.

И вдруг Натали расхохоталась, а вслед за нею захохотал и Жан. Они не могли остановиться. По природной своей веселости Никола последовал их примеру и тоже захохотал, не забыв налить себе второй стакан. Один Жилья хранил суровый вид, но чувствовал себя униженным и весь кипел от негодования.

– Ха-ха-ха, – уже икал от смеха Жан, – если бы ты видел, какая у тебя сейчас физиономия!..

Натали смеялась до слез, и Жилью пришлось выдавить из себя жалкую улыбку. Как ему хотелось бросить этих двух хохочущих идиотов, пересесть за другой столик и напиться с компанией старых приятелей... Он так давно не видел Париж, в конце концов. И если все его старания пощадить щепетильность своей любовницы привели к таким результатам, плевал он на все... Это легче легкого.

– Почему бы тебе не потанцевать? – сказал он Натали.

– Я этого не танцую, – ответила она, – ты же знаешь. Не сердитесь на меня, мсье, – сказала она Никола. – Я приехала из провинции.

– Боже мой! – воскликнул Никола. – Откуда именно?

– Из Лимузена.

– Из Лимузена? Обожаю Лимузен. У меня там даже родственники есть. Ну так, значит, надо это вспрыснуть. Жилья, выпьем за Лимузен.

И тут на глазах изумленного Жилья завязался длинный разговор между Натали и Никола о прелести лимузенских пейзажей, о поре жатвы и сбора винограда, причем именно последняя особенно нравилась Никола. Было уже два часа ночи, когда Жан, тоже чуть подвыпивший и

развеселившийся, подвез их домой. Натали слегка покачивалась, а у Жилия было собачье настроение. В ванной он подготовил несколько язвительных фраз, но, когда пришел в спальню, Натали уже спала крепким сном. Он лег рядом и долго не мог уснуть.

Глава третья

На следующее утро, когда Натали проснулась, вид у нее был озадаченный и смущенный, как бывает с человеком, который выпил накануне лишнего и чувствует себя из-за этого неловко, хотя выспался на славу, бодр и свеж. Натали лукаво посмотрела на Жилия, и он невольно улыбнулся.

– Ну что? – спросил он. – Наверное, видела во сне Никола?

– Никола мне ужасно понравился, – ответила она. – Такой славный, похож на большого пса.

– Согласен, на большого, пьяного пса. Кстати сказать, я не знал, что ты не прочь выпить.

Она посмотрела на него и, помолчав немного, сказала:

– Дело в том... дело в том, что мне было страшно. Я никого там не знала, а ты всех знаешь.

И у меня был такой нелепый вид рядом с этими девицами...

Жиль изумленно поднял на нее глаза.

– Да-да. На мне было такое простенькое черное платье, нитка жемчуга, а они все прямо Дианы-охотницы. И тебе явно неловко было знакомить меня с ними.

– Ну, это уж слишком! – вознегодовал Жиль. – Слишком!.. Ты действительно думаешь, что я мог стыдиться тебя?

Он бросился навзничь на постель и прижал к себе Натали. Ей было страшно? Натали, которая ничего не боялась, которая бросила вызов всему Лимузену, которая оставила мужа, этой дерзкой Натали вдруг стало страшно в клубе симпатичных алкоголиков. Жилию это казалось смешным и трогательным.

– Не то чтобы я стеснялась, – задумчиво проговорила она. – Нет, не стеснялась, а боялась, что тебе будет скучно со мной. Вот поэтому я и обрадовалась, когда Никола к нам подсел.

– Но ведь с нами был Жан. А по его мнению, ты чудо из чудес.

– Что ни говори, Жан – прежде всего твой друг. Ты можешь делать с ним или со мной что угодно, он тебе все простит. Я даже вот о чем думаю: не доставляют ли ему удовольствие твои дурные поступки?

– Ты с ума сошла! – сказал Жиль.

Однако ему теперь вспомнилось, какое ликующее выражение лица появлялось у Жана, когда он, Жиль, по их словам, «переживал очередной кризис» и способен был на всякие дикие или нелепые выходки. Жан успокаивал друга, старался образумить, но с какой-то веселой снисходительностью, даже как будто вос-хищался его затеями, и зачастую уговоры Жана только подливали масла в огонь. Во всяком случае, никто ничего не знает о своих друзьях и о тех подспудных, иногда для них самих неведомых влияниях, которые они на нас оказывают. Тем не менее смешно было представить себе Жана, добродушного Жана, в роли Мефистофеля. Жиль расхохотался.

– Ты все ставишь под вопрос. Ты, значит, намереваешься перевернуть всю мою жизнь?

– Мне кажется, что с моей жизнью ты не слишком-то церемонился, – миролюбиво ответила Натали.

Она смотрела на него, улыбаясь и полузакрыв глаза. Может быть, она и боялась всех этих людей в клубе, но уж его-то она, во всяком случае, нисколько не боялась.

– Ты женщина суровая и жестокая, – сказал он. – Ты ничего не боишься. А кроме того, ты пьяница. А кроме того, бесстыдница, – сказал он в заключение, тормоша ее. – Надо познакомить тебя с Жильдой.

– А кто такая Жильда?

Но он уже думал только о ней и не имел ни малейшего желания говорить о Жильде. Все же он успел пробормотать:

– Развратница.

– О-о-о! – воскликнула она. – Все женщины могут быть развратницами. Я ведь тоже, ты

знаешь... Но это ничего не значит... Когда любишь, наслаждение...

– Молчи, болтунья, – сказал он.

Пообедали они у Липпа, очень поздно. Жиль и тут повторил вчерашнюю церемонию «представления», но уже весьма непринужденно. Через три дня он начнет работать в новой должности, его любовница красива, к нему пришло счастье. И он с удивлением думал: как могло случиться, что всего три месяца назад он был таким жалким, трепещущим, полным отчаяния существом? Он, должно быть, дошел до точки, не отдавая себе в этом отчета. А теперь весь мир принадлежал ему. По этому поводу следовало выпить шампанского. Запивать шампанским сосиски с тушеной капустой – сущий идиотизм, но они выпили шампанского.

Потом пошли вдвоем в соседний кинотеатр на какой-то дурацкий фильм, и Жиль весь сеанс нашептывал глупости на ухо На-тали, к глубочайшему ее возмущению, так как она ко всякому зрелищу относилась с детским вниманием и серьезностью. Недаром она уже три дня приставала к Жилю с просьбой сводить ее в театр на «интеллектуальную» пьесу, как говорили, отличную, но при одной мысли о ней у Жили кровь стыла в жилах. Он уже несколько лет не был в театре и вообще терпеть не мог заранее запланированных развлечений; он смеялся над «провинциализмом» Натали, как он это называл.

– Ну зачем спешить? Успеется, – говорил он. – Ты же не на одну неделю приехала в Париж. Вовсе не обязательно все пересмотреть за неделю, чтобы рассказывать потом лиможским дамам-благотворительницам.

– Да мне все это по-настоящему нравится, – возражала она. – Как ты не понимаешь? И мне хотелось бы именно с тобой потом это обсуждать.

– Мне, кажется, попалась интеллектуалка. Весело, нечего сказать.

– Я от тебя никогда этого не скрывала, – отвечала она без тени улыбки, зато он хохотал до упаду, представив себе свою любовницу Натали с ее горячей, требовательной страстью, превратившейся вдруг в интеллектуалку.

Но иногда он изумлялся, заметив по какой-нибудь мелочи, что она обладает куда более глубокой и широкой культурой, чем он. Разумеется, в провинции у тридцатилетней дамы достаточно времени для чтения, но ей действительно «все нравилось», и, когда он, устав от спора, отделялся парадоксом или модными общими местами, она с каким-то негодующим удивлением набрасывалась на него, словно он вдруг оказывался недостойным самого себя.

– Детка, я же не очень интеллигентный человек, – отвечал он (хотя убежден был в противном), – принимай меня таким, каков я есть.

– А ты мог бы стать интеллигентным человеком, – холодно возражала она, – если бы пользовался своим интеллектом не только в сугубо личной жизни. Тебя ничто не интересует. Удивляюсь, как это тебя еще держат в газете.

– Потому что я трудолюбив, исполнительен и быстро печатаю на машинке.

Натали пожимала плечами и смеялась, но какая-то досада звучала в ее смехе. Впрочем, когда дело доходило до таких споров, Жиль приходил в восторг: он просто обожал, чтобы его «бранили». Все это кончалось, разумеется, словами любви, объятиями, и Жиль, подчиняя ее своей власти, прерывистым от страсти голосом спрашивал, приятно ли Натали быть со своим глупым любовником. Оба они еще были в той чудесной поре счастья, когда влюбленные обожают ссориться и даже представить себе не могут, что их нежные ссоры станут зачатками, предвестниками куда менее веселых столкновений.

Глава четвертая

Впервые за два месяца работы в новой должности Жилю захотелось выпить в одиночку стакан вина в каком-нибудь баре, перед тем как вернуться домой. Право же, приятно вообразить себя молодым человеком, и к тому же свободным, зная, что тебя любит женщина, в которой ты уверен, которая где-то ждет тебя. Парижские кафе-это бездны для одиноких неудачников, а для счастливых любовников они – трамплины. Жиль отнюдь не спешил, даже нашел время поболтать с барменшей и просмотреть вечерние газеты. Он не задавался

вопросом, почему не сразу идет домой, – он просто был признателен Натали за то, что благодаря ей эта нелепая нарочитая задержка в пути была как бы счастливым и многозначительным образом свободы. Ведь человек бывает свободен только относительно с кем-то. И если это чувство он испытывал в дни счастья, то такая свобода-наиприятнейшая в мире. В тот день Жиль хорошо поработал, вечером предстоял ужин в ресторане, на который Фермон пригласил их с Натали и Жана с Мартой. Еще неизвестно, пожалует ли на обед жена Фермона. Весьма вероятно, что нет, поскольку Жан и Жиль пригласены были с любовницами. Жилю следовало поторапливаться, надо еще заехать домой переодеться. Однако в этом баре он испытывал сейчас такое приятное чувство беззаботности, что хотелось его продлить. Натали, несомненно, уже вернулась, немного усталая от непрестанных походов, в которых она с неохладевающей страстью открывала для себя Париж, его музеи, старинные кварталы, к чему Жиль относился скептически. Она знала теперь такие улицы, кафе, картинные галереи, о которых он никогда и не слышал, и он уже не без тревоги задавал себе вопрос, когда же она кончит свое изучение города. И что она тогда будет делать? Каждый вечер они ужинали в ресторане, случалось, ходили в клуб, но там Натали выказывала полное равнодушие к «интересным людям», с которыми он ее знакомил, делая исключение только для Никола – к нему она относилась как-то по-русски жалостливо. Впрочем, Жиль с удивлением заметил, что этот жирный болван Никола оказался человеком весьма начитанным, что он неглуп и высказывает довольно тонкие суждения, когда более или менее трезв, и что он прямо на глазах все больше влюбляется в Натали. В конце концов получалось довольно забавно: вместо того чтобы сплетничать о нравах модного актера, говорили о нравах персонажей Золя, и, хотя Жиль не надеялся услышать тут ничего нового, все же он кое-что узнавал. Натали страстно возмущалась тем позорным обстоятельством, что Никола не может найти проницательного продюсера, который рискнул бы для него тремястами миллионов франков: просто чудо, что такой талантливый человек не озлобился из-за этого. Жилю, покоренному простодушием Натали, не хотелось объяснять ей, что Никола, как это всем известно, – заядлый лодырь, безнадежный алкоголик, безуспешно прошедший шесть курсов лечения, и что он уже десять лет полный импотент во всех смыслах этого слова. Иногда к ним присоединялся Жан со своей волоокой Мартой, явно пугавшейся, будто неприличия, и самой Натали, и ее разговоров: по мнению Марты, женщине положено только слушать и молчать. Да и в глазах Жана появлялась досада – по-видимому, он тоже был недоволен. Но Жиль знал, откуда шло это недовольство: пятнадцать лет они с Жаном разговаривали через головы покорных пленительных женщин, и то, что между ними вдруг появилась женщина не только пленительная, но и с живым умом, могло вызвать у него только ревность. А такая ее разновидность, как дружеская ревность, пожалуй, страшнее любой другой. Но Жиль благодушно и даже с некоторой гордостью слушал, как Натали задает вопросы, подает реплики, возражающей раз резко, – хотя и не теряет спокойствия. Через час, через два она будет принадлежать ему, покорная, любящая, и так будет всегда, и этого ему более чем достаточно. Он знал, что еще немного – и Минерва превратится в пылкую любовницу. Конечно, она еще не носит экстравагантных пижам и высоких сапожек, как Дианы-охотницы из их клуба, но ее гордая головка, ее зеленые глаза, какая-то сдержанная страсть во всем облике заставляли забыть и ее простенькое черное платье, и вышедшие из моды ожерелья, с которыми она упорно не желала расставаться. Жиль даже испытывал какое-то эротическое волнение, слушая, как эта молодая и в чем-то чуть старомодная женщина темпераментно рассуждает о Бальзаке, как эта благовоспитанная дама, говорившая «вы» всем этим веселым полуночникам, беззастенчивым сплетникам, сегодня же, через несколько часов, будет лежать в его объятиях, нагая и, несомненно, более смелая в любви, чем любая из этих ультрасовременных девиц. К тому же по красноречивым взглядам некоторых посетителей клуба, настоящих мужчин, он сделал открытие: эти типы, понимающие толк в женщинах, явно завидовали ему.

Ужин с издателем газеты состоялся в большом ресторане на правом берегу Сены; из-за Жилия приглашенные приехали с небольшим опозданием. Фермон явился один и извинился за отсутствие жены в таких выражениях, что Жан и Жиль улыбнулись. Издатель окинул

взглядом Натали, по-видимому удивляясь, что ужинать ему придется не с какой-нибудь юной кандидаткой в кинозвезды, и с несколько смущенным видом заказал ужин. Марта, вероятно по наущению Жана, смотрела на его начальство таким застывшим и восторженным взглядом, что Жиль едва сдерживал смех. Он знал, что Фермон доволен им, что Натали любопытно познакомиться с издателем газеты, – значит, все пойдет хорошо. И действительно, вначале все шло хорошо. Фермон спросил Натали, нравится ли ей этот ресторан; она ответила, что бывала здесь когда-то с мужем и ела тут превосходные устрицы. Фермон, по-видимому, был в курсе дела и задал неизбежный вопрос о красотах Лимузена. Натали ответила очень кратко, и разговор принял общий и ничего дурного не предвещавший характер. В сущности, вели его Натали и Фермон – он уже смотрел на нее чуть вопрошающим взглядом, словно недоумевая, что она могла найти в таком субъекте, как Жиль Лантье. И Натали, угадав его мысль, подарила своему любовнику такую нежную улыбку, что он, не удержавшись, пожал под столом ей руку. Теперь Фермон старался ей понравиться – он разглагольствовал, тем более что был под хмельком, а Марта от чрезмерного восхищения косила глазами.

– Положение у нас наитруднейшее, – говорил Фермон. – События так противоречивы...

– Они всегда противоречивы, – заметила Натали.

– Словом, – продекламировал Фермон, – пусть сердце разобьется иль станет бронзой, как сказал Стендаль.

– Кажется, это Шамфор сказал, – поправила его Натали.

– Простите?

Фермон замер с вилкой в руке. Он снизошел до того, что пригласил своих сотрудников на ужин, даже с их любовницами, но вовсе не желал, чтобы ему давали уроки литературы. Жиль толкнул ногой Натали, она ответила ему удивленным взглядом.

– Весьма огорчен, что приходится вам противоречить, но это слова Стендаля, – безапелляционно заявил Фермон. – Кажется даже, из «Пармской обители», – добавил он задумчиво, и самый тон его реплики поверг Жиль в ужас: в нем чувствовалось сомнение, а это доказывало, что Натали права.

– Во всяком случае, изречение замечательное, – поспешил вставить он.

– Если разрешите, я проверю, – сказал Фермон, обращаясь к Натали, и добавил, повернувшись к Жилью: – Как бы то ни было, я рад, что вы знакомы с молодой и образованной женщиной. – Он произнес это сладким голосом – верный признак того, что злится. – Вы изменились.

Все притихли. Жиль поклонился.

– Благодарю, – сказал он.

От тоже обозлился – на Фермона за грубость, на Натали за бестактность. Натали слегка покраснела. Наступило долгое, натянутое молчание, и только было Жиль собрался выразить восторг по поводу великолепно приготовленного суфле, как услышал голос Натали.

– Мне очень жаль, – сказала она. – Если бы я знала, что вас может рассердить такая поправка к цитате, я бы промолчала.

– Все, что исходит от хорошенькой женщины, не может меня рассердить, – сказал Фермон с улыбочкой.

«Я кончу рассылным в его газете», – подумал Жиль и с мольбой посмотрел на Жана, который, казалось, бесстрастно следил за перепалкой. Бесстрастно, а может быть и с тайным восхищением. Но чем он восхищался? Тем, что Фермону наконец утерли нос? Или тем, что Натали поставила Жилья в неловкое положение? .. Конец ужина не отличался оживлением, разошлись рано. Когда Натали и Жиль остались наедине, у себя дома, Натали сказала:

– Ты сердишься, Жиль? Но ведь от него тоже можно с ума сойти. На редкость самодовольный господин.

– Как-никак, а он кормит нас, – произнес Жиль.

– Но это не дает ему права путать Шамфора со Стендалем, – миролюбиво возразила Натали, – да еще говорить с таким дурацким апломбом.

– С дурацким или не с дурацким, но он – мой патрон, – буркнул Жиль.

Ему самому противно было, что он говорит такие вещи. Он чувствовал себя сейчас

«новоиспеченным начальником» или «старым служащим», но уж ни в коем случае не тем находчивым и бойким хроникером, каким ему хотелось бы быть. И все из-за этой женщины, которая сидит рядом и улыбается. Почему она не могла подыграть ему, в конце концов? Она же прекрасно знает, что такое жизнь; знает, что бывают случаи, когда надо улыбаться, стараться понравиться, стусеваться, – потом можно и похихотать над своим мелким угодничеством. Нельзя же в Париже, да еще в 1967 году, да еще при таком ремесле вставать в позу поборника истины, а уж упорствовать в этом просто недобросовестно. По-чему она всегда и во все вносит эту бескомпромиссность, испытывает такой ужас перед полумерами, хотя именно полумеры – и тут уж ничего не поделаешь – дают человеку возможность спокойно жить? Ему казалось, будто Натали предала его, и он так и сказал ей.

– Если бы я любила полумеры, – ответила она, – меня бы здесь не было. Я жила бы в Лиможе и каждые две недели приезжала к тебе.

– Ты немножко путаешь чувства и эффектные выпады, – съязвил он. – Ты уехала со мной, потому что полюбила меня, потому что я тебя полюбил и другого выбора не было. Но ведь совершенно ясно, что дело обстояло совсем не так сегодня, когда ты разговаривала с Фермоном.

– Я только хочу сказать, что если бы я могла вынести самодовольную тупость этого человека, то я прекрасно могла бы вынести и свою прежнюю жизнь

– вот и все.

Жиль внезапно почувствовал ожесточение, острую обиду – такого он еще никогда за собой не замечал.

– Короче говоря, ты весьма довольна своей ролью: свобододлюбивая женщина, которая бросила все ради своего любовника, женщина образованная, которая бегаёт по музеям, млеет перед произведениями искусства, открывает черты чеховских героев в пьянице Никола, женщина возвышенная, умная, случайно соединившая свою жизнь с несчастным писакой, существом слабо-характерным и совсем не таким совершенным, как ты, а ты настоящая женщина, чуткая и страстная, женщина, которая...

– Да, – оборвала она его, – я довольно цельная натура. И хотя я этим не горжусь, мне думается, что отчасти из-за этого ты и полюбил меня.

– Что ж, это верно, – сказал он задумчиво, – ты всегда права.

– Жиль, – окликнула она его.

Он посмотрел на нее. В ее глазах был ужас. Он обнял ее. В сущности, он подло ведет себя с нею. По целым дням оставляет ее одну, в чужом незнакомом городе, тащит ужинать с тупицами да еще корит из-за них. Может быть, она смертельно скучает в Париже, может быть, ее отчаянные усилия сохранить хотя бы тень достоинства в роли признанной любовницы такого человека, как он, вызваны лишь инстинктом самосохранения, столь же важным для нее, как и ее страсть к нему... Почему она не хочет выйти за него замуж? Он десять раз предлагал ей это, и она десять раз отказывалась. Ради него, конечно, – он это знал. Действительно, он боялся жениться, боялся глупо, как буржуа, якобы желая избежать буржуазности. А ей следовало бы ответить: «Да, я согласна», развестись с мужем и за волосы тащить любовника в мэрию, какие бы сомнения и опасения она ни угадывала в нем. Бывают моменты, когда человека надо принудить и, не входя в его переживания, действовать в своих собственных интересах, не считаясь с колебаниями партнера, и в конечном счете для его же блага. Но так поступить она не могла, и именно за это он и любил ее. Как все запуталось!

– Иди ложись, – ласково сказал он. – Поздно уже.

По крайней мере в их широкой постели меж ними не возникнет никаких осложнений. Так, вероятно, считала и она, потому что была полна страсти и нежности еще больше, чем в прошлые ночи. Около пяти часов утра он проснулся и увидел, что Натали неподвижно сидит возле него на постели и курит в темноте сигарету. Он хотел было стряхнуть с себя сон, расспросить ее, но какое-то смутное чувство заставило его снова закрыть глаза, трусливо промолчать. Можно будет объясниться и завтра, если еще останется повод для объяснения.

– Рюмочку коньяку? У нас еще есть время.

«Хоть сто рюмочек», -в бешенстве подумал Жиль. Они сидели в ресторане, где непременно полагалось отведать «мясо в горшочке», а через четверть часа всей компанией должны были смотреть в театре модную пьесу, заинтересовавшую Натали.

Натали разыскала в Париже свою подругу детства, некрасивую умную женщину, неудачно вышедшую замуж за какого-то промышленника, крикуна и жуира. Она-то и устроила этот ужин, предупредив заранее Натали, что ее супруг-субъект довольно скучный, и, едва сели за стол, весело зашебетала со своей подружкой о всяких происшествиях их детства, предоставив своему скудоумному супругу и Жилю самим выходить из положения. Перебрав все темы – биржу, налоги, рестораны и голлизм, – Жиль почувствовал, что нервы у него, того и гляди, сдадут.

– Поверьте своему другу Роже – я вас буду называть просто Жиль, не возражаете? – поверьте, мы с вами найдем общий язык. На меня театры тоже нагоняют сон. А супруга не меньше раза в месяц таскает меня в театры.

«Ну вот у нас и нашлось что-то общее, – с отвращением подумал Жиль. – Бедные мужья-труженики, которых их милые женушки по вечерам тянут из дому».

– Тем более есть телевизор, -не унимался Роже. -Конечно, телевизор не бог весть что, я с вами согласен, но иной раз там показывают интересные штучки. Сидишь себе дома, в удобном кресле, покуливаешь, попиваешь винцо, а в театре изволь платить бешеные деньжищи за то, чтобы изнывать от скуки. Верно я говорю?

– Нет, я очень люблю театр, -с твердостью возразил Жиль. – Но коньяку я все-таки выпью.

– А помнишь, дорогая... – начала было Натали. – О чем вы тут говорите?

Она бросила на Жиля молящий взгляд, словно просила извинения.

– Мы о театре говорили, – насмешливо ответил Жиль. – Месье, нет, простите: Роже предпочитает телевизор.

– Мне безумно трудно бывает вытащить его из дому, – сказала подруга детства. -Но у нас заключен договор: раз в месяц я насильно веду его в театр.

– И мы тоже, вероятно, к этому придем, -сказал Жиль, глядя со злой усмешкой на Натали. -Договор-вот в чем сила супружеских пар.

Натали не улыбнулась. Ее лицо, только что сиявшее весельем, вдруг сделалось таким печальным, что Жилю стало совестно. Ведь в конце концов, у нее не было в Париже никаких знакомых, кроме этой злополучной подруги, и она вовсе не виновата, что у подруги такой муж. И ей так хочется пойти в театр. Ну зачем же портить ей вечер.

– Хочешь рюмочку коньяку? – спросил он.

Он потянулся через столик, взял ее за руку. Она бросила на него благодарный взгляд, и у Жиля защемило сердце. Он огорчил ее сегодня, да, очевидно, и впредь будет огорчать. А ведь не так уж страшно поскучать один вечер. Она наверняка провела немало скучных вечеров в обществе его приятелей. Но надо все-таки отдать им справедливость: ни один из них не отличался таким убийственным красноречием, как этот Роже. Право, только провинциалы способны переносить общество таких парижан, как он.

– Надо поторапливаться, -сказала подруга. -Вы и представить себе не можете, -обратилась она к Жилю, -как я рада, что Натали живет теперь в Париже. Надеюсь, мы будем часто видеться?

Слова эти были сказаны с вопросительной и несколько тревожной интонацией. Должно быть, она прекрасно понимала, что представляет собой ее муж. Но разве можно упрекать ее за такой брак? Ведь это, в конце концов, логично: некрасивая девушка тосковала в провинции, а тут подвернулся парижанин. Разу-меется, она поступила вполне логично, но Жиля возмущало то, что она не видит разницы между своей историей и их романом с Натали.. Правда, одеты они были похоже и вели оживленную беседу, словно две школьницы, -такого разговора между пари-жанками не услышишь: парижанки обычно слишком заняты своими мужчинами и им не до душевных бесед с подругами. Но ведь Натали красива, в ней нет ничего буржуазного. И

она любит его. Жиль улыбнулся.

– Ну разумеется, будем встречаться. Будем время от времени ходить для разнообразия на «вестерны».

– А по телевизору как раз сегодня «вестерн» передают, – сокрушался

Роже. – В следующий раз, дружище, мы с вами вдвоем останемся дома, проведем вечерок по-холостячки, а жен пошлем в театр, пусть смотрят свои драмы.

Мысль о таком вечере столь явно ужаснула Жилия, что Натали нервно рассмеялась. Она тихонько смеялась еще и в театре и в темноте взяла его за руку. В ответ он забрался под ее меховую пелерину и положил руку ей на бедро, чтобы взволновать ее и подразнить, но она уже не обращала на него внимания, так ее захватил спектакль, действительно прекрасный, тогда как Жиль, в нервном возбуждении да еще отяжелев после бесконечного обеда, почти ничего не слышал. В антракте они пошли, как водится, выпить виски, и, пока женщины обсуждали пьесу, а Роже угрюмо глотал одну рюмку за другой, Жиль смотрел вокруг. Казалось, все провинциалы назначили друг другу свидание в этом театре. Тут были молодые парочки и супруги зрелого возраста, по две, по четыре пары, дамы в более или менее элегантно сшитых скунсовых или норковых пелеринах, все были принаряжены и горды, что попали сюда, и разглагольствовали о замыслах драматурга самодовольным, нарочито развязным тоном, свойственным французским буржуа. Жиль знал, что на премьерах бывает то же самое, только публика поэлегантнее, но ему вдруг показалась чрезвычайно важной именно эта элегантность – благоприобретенная или врожденная. Нужно быть либо снобом, либо уж коммунистом, но Жиль не мог решиться ни на то, ни на другое. Выпив на прощанье неизбежный «посошок» в мрачном баре возле театра, они наконец расстались. Сидя за рулем в своей старой «симке», вернувшейся в строй, Жиль хранил осторожное и слегка язвительное молчание. Наконец Натали печально произнесла:

– Ты ужасно скучал, правда?

– Да нет, – ответил Жиль, – пьеса хорошая. Поедем в клуб, выпьем по последней рюмке, хорошо?

– А знаешь, она была очень славная девушка, – продолжала Натали, не отвечая на его вопрос. – Такая была милая, такая романтическая.

– Да, в ней есть обаяние, – заметил он. – Только жаль, что вышла замуж за такого типа.

– Да, очень жаль.

Жиль с улыбкой повернулся к ней.

– Знаешь, Натали, я очень тебя люблю.

Он и сам не знал, почему это говорит, – просто чувствовал, что надо сказать ей это. Натали не ответила, только сжала его руку, лежавшую на руле. Они подъехали к клубу.

Дым, галдеж, возбужденные голоса, знакомое лицо контролерши в дверях – все это подействовало на Жилия, как струя свежего воздуха. Даже странно. Они сразу нашли свободный столик и торопливо выпили. Жиллю стало легко и весело, ему хотелось захмелеть, говорить глупости, подражаться с кем-нибудь для смеху, подурачиться. Вдруг он увидел на другом конце зала Жана в какой-то незнакомой компании. Жан поманил его рукой, и Жиль тотчас встал, увлекая за собой Натали. Ну вот, наконец-то он оказался среди своих, среди «полуночников», дегенератов, алкоголиков, никчемных людей. Только подойдя к столику, он увидел Элоизу. Она была очаровательна в экстравагантном кожаном костюме с очень короткой юбкой, вся обвешанная цепочками. Она улыбнулась Жиллю без всякого смущения, бросила на Натали одобрительный взгляд и представила им какого-то рослого подвыпившего американца-есть женщины, которые обожают знакомить всех со своим официальным любовником. Жан, улыбаясь, встал, усадил рядом с собой Натали. Жиль не сомневался, что сейчас у них пойдет разговор о пьесе (Жан любил беседы такого рода) и, значит, все будет хорошо. А он, Жиль, может не-много разойтись, вновь почувствовать себя холостяком. Американец обхватил его за плечи и все пытался под грохот музыки что-то сказать, но Жиль не понимал.

– Элоиз и вы... Before? Yes? [1] Он, смеясь, тыкал указательным пальцем то в Элоизу, то в Жилия. Наконец тот понял и засмеялся:

– Yes, it is me [2] .

Встретив взгляд Натали, Жиль улыбнулся ей. В сущности, ему было лестно, что она познакомилась с Элоизой, да к тому же Элоиза сегодня в прекрасной форме, – право, это было для него лестно. Да и для Натали тоже.

– Да-да, это он причинил мне столько страданий!-кричала Элоиза, перекрывая галдеж.

– Bad guy [3] , -сказал американец, встряхивая Жилья за плечи. – А теперь вы есть одна?

– Нет, – орал Жиль, стараясь перекричать грохот музыки. – Я люблю вот эту даму.

– Которую?

Жиль указал пальцем на Натали и, хотя заметил на ее лице мимолетную тень ужаса, не обратил на это внимания. Она, конечно, поняла, о чем он говорил с американцем, – ну и что же?

– Он сказал славному симпатичному малому, что любит ее. Что тут плохого! Он ведь говорил без церемоний, в теплой ночной пустяковой беседе. Он выпил залпом большой стакан шотландского виски. После такой скучищи имеет же он право встряхнуться? Вполне заслуженное право.

– Понравилась тебе пьеса?-спросил Жан.

– Безумно! Бе-зум-но!

Жан расхохотался и заговорил с Натали. Жилью было удивительно весело, он чувствовал, что его не в чем упрекнуть, что он ни за что не в ответе. Как славно кончался этот нудный вечер.

– Ты мог бы потанцевать со мной в память о добром старом времени, – сказала Элоиза.

Жиль не любил и не умел танцевать, но что за важность? Не успев опомниться, он очутился на пяточке для танцев и смело принялся топтаться среди почти неподвижных танцоров. Мужчины пристально смотрели на Элоизу, привлекавшую всеобщее внимание своим костюмом подруги Тарзана.

– Боже мой! – возмутилась она. – Ты все так же плохо танцуешь, Жиль!

Он только засмеялся в ответ. Он узнавал ее духи, ему было приятно видеть эту женщину – очередную веху на его пути.

– А как насчет всего прочего? –опять заговорила она.

– Какая ты стала бесстыдница! Не могу же я тебе тут ответить.

А почему бы и нет, в конце концов? Было бы любопытно опять закрутить роман с этой новой Элоизой. Новая Элоиза! Забавная игра слов. Он сказал ей об этом, но она, очевидно, не поняла. Натали сразу поняла бы,

Натали – образованная женщина. И тут он увидел ее – она промелькнула мимо него в объятиях американца: тот немного спотыкался, а ей, по-видимому, было просто скучно. «Да развеселись же ты, – подумал он с какой-то яростью. – Развеселись!» Жиль и Элоиза вернулись на свои места, а Натали все еще танцевала с американцем.

– Твоей Натали, кажется, невесело, – заметила Элоиза.

– Должно быть, твой дружок ей все ноги оттоптал, – ответил Жиль.

– Он очень славный, -сказала Элоиза.

«А ведь два месяца назад она никогда не сказала бы о мужчине, что он „славный“, -подумал Жиль. -Должно быть, со мной она считала, что все мужчины злые». И внезапно пьяная сентиментальность нахлынула на него.

– Скажи мне, что ты счастлива, Элоиза.

– Если тебе это доставит удовольствие, пожалуйста, – сухо ответила она и отвернулась.

В это мгновение перед его глазами проскользнул склоненный, почти скорбный профиль Натали, и Жиль осушил еще один стакан. «Да что там! Все женщины одинаковы – никогда не чувствуют себя счастливыми. И всегда виноваты мы. Только с приятелями и можно отвести душу». И он лукаво перемигнулся с Жаном. Возвратилась Натали, и он поднялся. Она нерешительно посмотрела на него:

– Ты не устал?

Ну вот, теперь ей домой захотелось, как раз в ту минуту, когда он развеселился, когда только-только начал веселиться!..

– Нет, – ответил он. – Пойдем потанцуем.

К счастью, заиграли медленный фокстрот, старый медленный фокстрот, как тогда, летом. Сразу вспомнился бал на свежем воздухе в окрестностях Лиможа, как он вырвал у Натали согласие на этот танец, как приревновал ее тогда к родному брату. И эти безумные поцелуи, которыми они тайком обменялись, укрывшись за деревом... Натали... Сейчас она плавно покачивалась, прижавшись к нему, он желал ее, он любил ее, свою провинциалочку синий чулок, любил свою сумасшедшую. Он наклонился и зашептал ей на ухо, и она положила голову ему на плечо. И уже не было ни приятелей, ни бывшей любовницы, ни сообщников – была только она.

А потом, гораздо позднее, уже на рассвете, они наконец вынырнули из этой ночи, и Натали пришлось самой сесть за руль и вести машину. Жиль едва держался на ногах, но говорил без умолку, пытался выразить свои смутные и смелые мысли. Он понимает, что произошло. Пока он был болен, пока она заботилась о нем, как о ребенке, он чувствовал себя цельным, собранным, полноценным благодаря ее любви. А теперь, когда он в свою очередь должен был заботиться о ней, защитить ее, он чувствовал свою противоречивость, раздвоенность: с одной стороны, он – прежний Жиль, а с другой – Жиль, влюбленный в Натали. Все это он объяснял ей заплетающимся языком, пока она укладывала его в постель, но она ни слова не отвечала. Утром, чуть свет, его разбудил посыльный из цветочного магазина, явившийся с огромным букетом цветов, и Натали, позевывая, рассказала, как американец всю ночь уговаривал ее выйти за него замуж.

Глава шестая

Жиль переживал свою досаду целый день. В конце концов, он все время играет при этой женщине глупейшую роль. Он ничего не понимает в театре, не очень-то разбирается в литературе, лишен художественного чутья, ему нередко случается сморозить глупость даже в тех вопросах, которые считаются его специальностью, а она незаметно старается его спасти. Как она, наверное, смеялась, видя его ухаживания за Элоизой, за этой несчастной Элоизой, которую богатый любовник (должно быть, у него губа не дура) готов сию же минуту бросить ради Натали. Конечно, в Натали, при всей ее образованности и безупречных манерах, есть изюминка; даже пьяный американец и тот это почуял. Когда Жиль запер за посыльным дверь и вернулся в спальню, держа с глупейшим видом огромный букет, Натали, не объясняя в чем дело, принялась хохотать. А он с минуту сидел на краю постели и бормотал: «Ну и ну! Ну и ну!» – пока она не взяла у него из рук цветы и не поцеловала его.

– А что ты ему ответила?

– Что это очень любезно с его стороны, но я люблю другого. Я, правда, забыла показать на тебя пальцем, - вскользь добавила она.

– Все-таки он порядочный нахал, – заметил Жиль. Он был уязвлен. Рядом с нею он всегда будет в проигрыше. Разумеется, она его любит, но ведь в чем-то самом главном она неизмеримо сильнее его. У него мелькнула мысль, что, несомненно, это и спасло его три месяца назад, и вместе с тем он ломал себе голову, как бы доказать ей обратное. Если поразмыслить хорошенько, то с самого начала их связи инициатива во всем исходила от нее. Он же сделал только одно – ускорил их отъезд. А так – ведь это она его выбрала, соблазнила и добилась того, что они теперь вместе. И конечно, если дать ей волю, вскоре вся их жизнь пойдет по ее указке. Доказательство – вчерашний вечер. Правда, за два месяца ему впервые пришлось по ее милости нести такую тяжелую повинность, как вчера, но ведь, как говорится, лиха беда начало. Из человека униженного он превращался постепенно в человека скованного. Работалось ему в тот день плохо, настроение было ужасное, и он решил навестить Жильду. Со времени своего возвращения он ни разу не заглянул к ней, что было не очень-то деликатно с его стороны, тем более что Жильда обладала двумя огромными достоинствами: во-первых, она всегда была на стороне мужчин, во-вторых, она умела молчать. В шесть часов он уже был у нее и, едва переступив порог, вспомнил, какой ужасный вечер провел тут весной, ожидая какую-то женщину, которой он в конце концов даже не

отворил дверь. Это было еще «до Натали», и, разумеется, здесь он должен о ней молчать. Натали – это его тайна, она его жена, и он не должен болтать о ней ни с кем, иначе это будет подло, и этого она наверняка ему не простит. Но он уже сидел в глубоком красном кресле со стаканом ледяного виски в руке, а напротив сидела внимательная и дружелюбная, любопытная женщина, сообщница былых его сумасбродств. Он чувствовал себя помолодевшим. В конце концов, любовное приключение – это любовное приключение, и только.

– Ну как?-спросила Жильда.-Выглядишь ты прекрасно. Ты, говорят, очень счастлив.

– Очень,-вяло подтвердил он.

Она, как всегда, была обо всем прекрасно осведомлена.

– Так зачем же ты тогда сюда пришел? – и она засмеялась.-Мужчины приходят ко мне либо за любовью, либо чтобы пожаловаться. Ты не очень-то похож на счастливого любовника. В чем дело?

– Это сложно, – начал Жиль.

И он заговорил. Говорил долго, чуть подтасовывая факты к своей выгоде, хотя и ненавидел себя за это. К концу рассказа он совсем расстроился. Она слушала молча, прищурился глаза, курила сигарету за сигаретой, и выражение лица у нее было как у хиромантки – у нее часто бывало такое выражение. Когда он умолк, она встала, прошлась по комнате, слегка покачивая бедрами, потом снова села в кресло и пристально посмотрела на него. В общем, все это было довольно смешно, и Жиль уже раскаивался, что пришел к ней. Она заметила лукавую искорку в его взгляде и рассердилась.

– Если я верно поняла, мадам забрала тебя в руки и ты не знаешь, как вырваться.

Жиль возмутился.

– Вовсе нет, – сказал он. – Я забыл главное. Я не сказал тебе самого главного...

А главным была горячая страсть Натали, ямка на шее Натали, куда он утыкался лицом, засыпая, непрерывная нежность. Натали, глубокая ее правдивость и его безграничное доверие к ней. Все то, что Жильда, роскошная полупроститутка, с ее дешевой развращенностью, уже давно разучилась понимать. Но зачем же тогда он здесь?

– А что же главное? Втюрился ты в нее, что ли? Но он уже вскочил и, заикаясь – не то от гнева, не то от стыда, – забормотал, с трудом выговаривая слова:

– Я плохо тебе объяснил... Забудем это. Извини меня.

– Ну когда она вернется к своему мировому судье, приходи ко мне, – сказала она. – Я всегда дома, ты ведь знаешь.

«Да,-думал он с ненавистью,-ты всегда дома. И ты всегда рада любой подлости, любой гнусности и прихотям своих приятелей. Ты из той породы женщин, с которыми мужчина как будто все в жизни забывает, а на самом деле просто захлебывается во всякой мерзости».

Уже подойдя к двери, он обернулся.

– Вовсе она не забрала меня в руки, как ты говоришь, я сам к ней прицепился.

– Ну тогда надо было рассказывать о ней по-другому, – смеясь, заметила Жильда и заперла, за ним дверь.

Очутившись на лестнице, он почувствовал, что его трясет от негодования, но и сам не знал, на кого он злится. Как бешеный, он промчался через весь Париж, поставил куда-то машину, бегом поднялся по лестнице. Но, подойдя к своей квартире, он услышал смех Натали и мужской голос. Тяжело дыша, он остановился. «Если это американец, набью ему морду – и вся недолга. Это пойдет на пользу и мне, и ему, обоим сразу». И вместо того, чтобы отпереть дверь своим ключом, он позвонил, находя, что так будет приличнее. Однако Натали открыла дверь, звонко смеясь.

– Угадай, кто у нас!-сказала она.

В дверях гостиной стоял ее брат и улыбался. Вероятно, у Жилия было очень странное выражение лица, потому что Натали спросила:

– А ты думал кто?

– Не. знаю,-пробормотал он.-Здравствуйте, Пьер.

– Ты думал – это Уолтер?

– Уолтер?

– Ну, тот вчерашний американец. Я как раз рассказывала Пьеру про него...

И, смеясь до слез, она упала в кресло. Брат стоял возле нее и тоже смеялся, и Жилем овладело ощущение счастья. Брат и сестра смеялись заразительно, как дети, в них чувствовалось что-то ребячливое и искреннее, и оба были такие красивые, что на них приятно было смотреть. Нормальные люди. Значит, еще существуют на свете нормальные люди. Жиль рухнул в кресло, измученный и довольный. Он у себя дома, в своей семье, после того, как из-за своего дурацкого характера так по-дурацки провел день.

– Когда вы приехали, Пьер?

– Сегодня утром. У меня оказалось два свободных дня, а мне очень захотелось увидеть Натали. Мне ее писем недостаточно.

Так она, значит, часто писала брату? Между посещениями музеев? А что она вообще делает целыми днями? Он всегда рассказывал ей, возвратившись с работы, как у него прошел день; они, как сумасшедшие, спорили о политике, говорили о газете, о знакомых, но она никогда ему ничего не рассказывала о себе, говорила только о своей любви к нему. Что же она могла писать брату? «Я счастлива... Я скучаю... Жиль очень хороший... Жиль не очень хороший...» Он бросил взгляд на Пьера, пытаясь прочесть на его лице отзвуки этих писем, но ничего не увидел. Ласковое любопытство-и только. Нет, она, наверное, одинаково таится и от него и от брата. Он вспомнил о том, что говорил о ней, сидя целый час у Жильды, и ему стало стыдно.

– Я вижу, вам и выпить нечего, – торопливо сказал он. – Натали совсем не хозяйка.

– Натали всюду чувствует себя гостьей,-отозвался брат. – Тут уж она ничего не может с собой поделаться.-Он весело улыбался.

Натали побежала к холодильнику, мужчины остались одни.

– Судя по ее виду, моя сестра счастлива,-сказал Пьер. Говорил он спокойно, но в его голосе звучала все та же нотка угрозы. Как в тот знаменательный вечер в Лиможе. В общем, он выступал в роли «благородного брата», и это немного раздражало Жилья.

– Надеюсь, она действительно счастлива, – сказал он.

– Буду очень рад, если я ошибся в своих опасениях, – миролюбиво продолжал Пьер.-А как мне стало тоскливо в Лиможе без нее!

– Огорчен за вас,-сказал Жиль.-Но мне было бы так же тоскливо без нее в Париже.

– Вот это главное. В сущности, только это мне и хотелось узнать.

– Она вам не писала об этом? Пьер засмеялся:

– Натали не любит говорить о своих чувствах. Вам-то следовало бы это знать.

Неумело держа поднос, вошла Натали, и Пьер тотчас вскочил ей навстречу, спеша освободить ее от ноши. Да, Натали, вероятно, всю жизнь оберегали, всю жизнь любили, и, должно быть, Жиль, с его нервозностью избалованного ребенка, зачастую внушал ей страх. Между нею и братом была глубокая взаимная любовь, взаимная привязанность, множество воспоминаний обо всем, что они сделали друг другу хорошего-просто так, по велению сердца, и Жилью вдруг захотелось, чтоб и у него в жизни было так же, И он вдруг вспомнил, что у них с сестрой не было душевной близости, если не считать ее материнской к нему привязанности, а его отношения с другими женщинами сводились к подспудным безрадостным битвам, прерывавшимся недолгими минутами счастья, но неизменно заканчивавшимся либо победой с привкусом поражения, либо просто поражением. Он вдруг почувствовал усталость, оттого что перепил вчера; таким он себя не любил.

– А почему бы вам не поужинать где-нибудь вдвоем? – ска-зал он. – Так вам будет спокойнее. А я пораньше лягу. Я совсем расклеился – слишком много вчера выпил.

Он ждал возражений, но Натали просияла:

– А тебе не будет скучно? Мы с Пьером так давно не, виделись. ...

– Вы, правда, не против?-спросил Пьер.

«Бедняжка Натали – думал Жиль, – ты так давно не видела приличных людей. Ну в самом деле, кого ты видела? Пропащего Никола. Жана, который ревнует меня к тебе, твою злосчастную подругу, весьма унылую особу, а с восьми часов вечера и до утра видела меня – жалкое существо, которое ты, моя сумасбродка, любишь». Он замотал головой.

– Нет, нисколько, наоборот. Ступайте поужинайте без меня. Если я еще не засну к вашему возвращению, мы вместе выпьем по чашечке липового чая.

Когда они ушли, он включил было телевизор, но тут же выключил его, съел ломоть ветчины, стоя у холодильника, и лег в постель. У него был превосходный детективный роман, большая бутылка минеральной воды под рукой, сигареты, а по радио пере-давали очень хороший концерт. Время от времени человеку не мешает побыть в одиночестве – это имеет свою прелесть. В сущности, он всегда был одинок, добрый, старый, одинокий волк, и, умилившись этому своему образу, Жиль уснул, не погасив свет.

Глава седьмая

Время шло, и Натали решила поступить на работу. Она сообщила Жилю, что нашла себе очень хорошее место в туристическом агентстве с приличным, кажется, жалованьем, которое поможет им сводить концы с концами, что было зачастую нелегко. Жиль сначала засмеялся: ему стало досадно, что она устроилась без его содействия, и забавно было вообразить себе Натали за конторским столом.

– Разве ты уже успела осмотреть все музеи? Что это на тебя нашло?

– Я целыми днями ничего не делаю, -ответила она, -так со-всем отупеешь.

– А что ты делала в Лиможе?

– В Лиможе у меня было благотворительное общество, – спокойно ответила она.

Он расхохотался. Вот сумасшедшая!

– Я понимаю, это кажется нелепым, – заметила она, – но знаешь, я многим помогала...

– И все-таки... Ты – в роли дамы-благотворительницы... Ты же целые дни проводила со мной.

– Так ведь это было летом, – возразила она. – А для бедняков самое тяжелое время – зима. Он изумленно уставился на нее.

– Если я правильно понял, стоило мне приехать к сестре зимой, и мы бы с тобой не встретились? Она засмеялась, покраснела:

– Да нет же... Не о том речь. В агентстве очень приятная работа, директор-очаровательный человек, приятель Пьера, И знаешь, так интересно разрабатывать маршруты для туристов.. Я буду отправлять их в Перу, в Индию, в Нью-Йорк...

– Если ты собираешься работать из материальных соображений, то, по-моему, это идиотство, – сказал Жиль. – Можно просто поменьше тратить.

А ведь совершенно очевидно было, что транжирил-то деньги он, причем сам не знал, куда они уходят. Приятели, бары, такси – деньги так и текли между пальцев. И если Натали могла где-то бывать и одеваться, то этому она обязана была отнюдь не заработкам Жилия, а скорее тому, что ежемесячно получала из Лиможа сто тысяч по какой-то старой семейной ренте. А тут еще Жиль купил ей к рождеству прелестную старинную брошь, за которую никак не мог расплатиться. Право, Натали пришла совсем неплохая мысль, но почему-то она очень раздражала Жилия.

– Нет, не из материальных соображений, -сказала она, – а потому, что меня это заинтересовало. Но если тебе это неприятно, я могу отказаться.

– Делай как хочешь, – сказал он. – Кстати, о путешествиях – когда возвращается цветочник? Дело в том, что фотограф-американец упорствовал. Он забрасывал Натали розами-вот почему Жиль дал ему такое прозвище – и нежными письмами. Ему пришлось отправиться в дальнюю поездку, и почти отовсюду он посылал Натали вполне безобидные открытки со спокойной уверенностью человека, решившего ждать хотя бы тридцать лет, – послания его то забавляли, то возмущали Жилия, смотря по настроению. Натали они трогали, и она это по своему обыкновению не скрывала, что, конечно, должно было успокаивать Жилия, но мешало им смеяться вместе над обожателем.. Натали заявила, что во всяком искреннем чувстве, каково бы оно ни было, нет ничего смешного. На эту тему она вела долгие разговоры с Гарнье, которого Жиль представил ей однажды, – тот все еще ждал выхода из колонии своего юного друга. Кстати сказать, Гарнье все больше перекладывал работу на плечи Жилия, и

зачастую Жиль, возвратившись домой, заставал там Гарнье. Уютно расположившись у камина, они с Натали увлеченно болтали. Станный все-таки у нее вкус! В компании пьяницы Никола и развратника Гарнье она становилась оживленной, веселой, тогда как общество Жана, человека интеллигентного, ее, по-видимому, тяготило. «Ты не понимаешь, – возражала она, когда Жиль говорил ей об этом, – в них есть что-то непосредственное, искреннее, и это мне нравится». Жиль пожимал плечами: по его мнению, Никола и Гарнье – люди нудные, но он все же предпочитал, чтобы Натали интересовалась ими, а не американцем-цветочником. Итак, Натали начала работать и зачастую вечерами заезжала за Жилем в газету. Во всем мире люди все больше сходили с ума, между работниками газеты шли все более яростные споры, и Натали случалось часа по два проводить внизу, в баре, дожидаясь Жилия. Она, конечно, никогда его не упрекала, даже сочувствовала ему, но мысль, что она сидит внизу и, жестоко скучая, ждет его, мучила Жилия. В конце концов они решили встречаться только «у себя дома». И однажды он не пришел ночевать.

День выдался ужасный. Мерзкий Тома, ужасный Тома перешел все границы подлости. Потом Жилия вызвал к себе Фермон и устроил ему разнос: он, видите ли, находил статьи Жилия чересчур «академичными», в них, по его мнению, отсутствовала сенсационность, которая нравится «читателю». Жиль представления не имел об этом пресловутом читателе, о котором ему прожужжали все уши, об этом неведомом часовом, охраняющем склады глупости, но, если бы этот охранитель попался ему в руки, Жиль с наслаждением задал бы ему хорошую трепку.

– Читателю, – говорил Фермон, – надо, конечно, давать объективную информацию, но тема должна его увлечь, даже взвинтить.

– А вы не находите, что сами факты, сама действительность уже достаточно взвинчивают читателя? – иронически спросил Жиль. – Всюду война, всюду...

– Война взвинчивает читателя только в том случае, если она непосредственно его касается.

– Она и касается, – в отчаянии сказал Жиль. – Вы что же, хотите, чтобы я дал читателям адрес конторы по вербовке солдат для отправки во Вьетнам? А неужели цифры кажутся вам недостаточно красноречивыми?

– Это вы недостаточно красноречивы.

Короче говоря, Жиль вышел от Фермона в бешенстве и принялся заново переделывать статью, а было уже шесть часов. Натолкнувшись на Гарнье, он попросил его предупредить Натали и, если возможно, повести ее куда-нибудь поужинать, что, по-видимому, обрадовало Гарнье, а сам Жиль остался у себя в кабинете, сел за пишущую машинку, но мысли его были куда больше заняты обдумыванием запоздалых реплик в ответ на обвинения Фермона, чем злополучной статьей. В редакции было безлюдно, и он расхаживал по всем комнатам, чувствуя глубочайшее отвращение к своему творению. Зайдя в кабинет Жана, он обнаружил там бутылку шотландского виски и налил себе стакан, но, выпив, не почувствовал облегчения. До чего же ему осточертела эта проклятая газета, ничего он не добьется, будет прозябать здесь до конца своих дней, а Фермон совсем выживет из ума и все больше будет жучить его. Жиль Лантье постареет. Натали превратится в почтенную провинциалку, они, может быть, поженятся, и, может быть, у них пойдут дети; супруги Лантье купят себе машину, маленькую, благоустроенную ферму с телевизором. Хорошо еще, если им удастся достигнуть такого благополучия. Все ужасно. Он, Жиль Лантье, способный на любую крайность, жаждущий объездить мир, он, кипучий Жиль, вот-вот загубит свою жизнь под иглом хозяина и любовницы, и оба они еще смеют осуждать его... Ну так вот, он больше не желает ни чтобы его осуждали, ни чтобы его прощали, ни чтобы его заковывали в какие бы то ни было рамки – будь то профессия или область чувств. Он хочет быть одиноким и свободным, как раньше. Свободным, словно молодой пес, каким он был. Прикладываясь к бутылке, он перебирал свои обиды и все больше разъярялся. Ах так! Они воображают, будто Жиль Лантье сидит и переписывает наново свое сочинение, будто школьник-двоечник, оставленный без обеда? Ах, так! Они воображают, будто он смиренно возвратится домой, к своей верной и благородной любовнице?! Хорошо же, он им покажет! Он надел плащ и ушел, оставив гореть все лампы. По счетчику заплатит пресловутой «читатель».

Проснулся он в полдень в чьей-то незнакомой, вернее, слишком хорошо знакомой постели – в доме свиданий. Рядом с ним храпела толстая черноволосая девица. Ему смутно вспомнились ночные кабаки на Монмартре, какая-то драка, физиономия полицейского, -слава богу, глупости он вытворял на правом берегу Сены. У него даже голова не болела, только смертельно хотелось пить. Он встал и напился – пил и пил прямо из крана над эмалированной раковиной, премило украшавшей комнату. Потом подошел к окну, выходящему на какую-то незнакомую улочку. И застонал про себя. Что же он все-таки натворил? Он встряхнул спя-ую девицу, она что-то буркнула и, приоткрыв глаза, поглядела на него почти так же удивленно, как и он на нее. На редкость противная девка!

– Это я с тобой, значит?..-произнесла она. – Ну и надрался же ты.

– Где мы?

– Около Бульваров. Ты мне должен пять косых, мальчик.

– А что я вытворял?

– Не знаю. Ты попал ко мне в шестом часу. Я тебя уложила, и все тут! А что раньше было, не знаю.

Он быстро оделся, положил на ее постель кредитку и нап-вился к двери.

– До свидания, дядя,-сказала она.

– До свидания.

Светило яркое солнце. Он вышел на Итальянский бульвар. Натали, Натали, где же сейчас Натали? Может быть, в агентстве? Нет, должно быть, завтракает где-нибудь по соседству, как обычно. Он взял такси. Голова была пустая. Надо увидеть Натали во что бы то ни стало. Это главное. Но агентство было заперто, в соседнем ресторане он Натали не обнаружил. Он перепугался. Такси не отпустил и велел ехать домой. Он бесшумно отпер входную дверь и замер в передней: Натали сидела в кресле и казалась спокойной. У него возникло ощущение, будто разыгрывается очень старая и очень глупая сцена: возвращение беспутного мужа после ночного кутежа.

– Я напился, – сказал он.

Она не ответила. Он заметил, что у нее темные круги под глазами. Сколько ей, в сущности, лет? На ней было черное платье, его брошка,-должно быть, она не ложилась, так и просидела в этом кресле всю ночь.

– Я заходил в агентство, – продолжал он. – Тебя там не оказалось. Я... Мне ужасно неприятно, Натали. Ты беспокоилась?

Он говорил глупые слова, но что же ему оставалось говорить? На душе, однако, стало легче. Теперь он сознавал, что все время, пока ехал в такси, боялся только одного – вдруг он не найдет ее. Но вот она тут и как будто даже улыбается.

– Беспокоилась? – переспросила она. – Почему?

Он подошел к ней, и тогда она встала с кресла, посмотрела ему в лицо с каким-то любопытством, почти что с интересом. А затем дала ему две увесистые пощечины. И направилась в кухню.

– Сейчас сварю кофе, – сказала она ровным голосом.

Жиль не шевелился. Он совсем ничего не ощущал, только горели щеки: у Натали оказалась тяжелая рука. Постояв, он поплелся на кухню и прислонился к косяку. Она с величайшим вниманием следила, как закипает вода.

– Гарнье просидел со мной до трех часов утра,-сказала она так же спокойно. – Звонил по телефону в редакцию, потом в клуб. Тебя там не было. Тогда он позвонил Жану, и Жан нам сказал, что ничего особенного тут нет – для тебя это вполне обычное дело. Кажется даже, он счел все это довольно забавным, что нас и успокоило.

В голосе ее звучала убийственная ирония.

– Так как Жан не знал, что я слушаю по отводной трубке, он даже сказал Гарнье, чтобы тот посоветовал мне привыкать. Мне это понадобится.

– Перестань, – сказал Жиль.

– Я стараюсь в две минуты объяснить то, что ночью заняло у меня двенадцать часов. Кажется, я не злоупотребляю твоим временем.

– Всякий может раз-другой напиться.

– И этот «всякий» может позвонить по телефону и сказать: «Я пьянствую, спи спокойно». Но я думаю, что тебе это испортило бы все удовольствие.

«А ведь верно,-подумал Жиль.-Как раз мысль о моей виновности и подстегивала меня нынче ночью».

– Вот кофе, – сказала она. – Ты получил все, что тебе требовалось: нелепый ночной кутеж, сцену, устроенную любовницей, две пощечины, чашку кофе. Правильно? Твой портрет-схема завершен? Прекрасно. Я уйду в агентство.

Она на ходу надела пальто и вышла. Жиль с минуту постоял, озадаченный, потом выпил кофе, развернул газету, но читать не стал. Оказалось, что он не вызвал у Натали ни ревности, ни гнева.

Прежде всего она испытывала тревогу, а потом презрение. Зазвонил телефон. Жиль бросился к аппарату. Может быть, она раскаивается в своей суровости?

– Ну что, старик,-послышался голос Жана,-опять за глупости принялся?

– Да, – ответил Жиль.

– Ты один?

– Да.

В голосе Жана звучала веселая снисходительность сообщника. Но что-то в душе Жилия мешало ему соскользнуть по той наклонной плоскости, на которую толкал его Жан.

– Как прошло возвращение? Плохо?

– Две оплеухи, – ответил Жиль и, когда Жан рассмеялся, понял, что все-таки соскользнул.

Глава восьмая

Теперь он знал, что в его отношениях с Натали появилась трещина. Он не знал в точности из-за чего – может быть, из-за того, что он, сам того не ведая, тщетно ждал от нее какого-нибудь низкого или пошлого поступка, который поставил бы их на один уровень. Неужели ночная пьянка – выходка, в общем, банальная для доведенного до крайности человека, – выявила внутреннюю сущность их обоих и показала, что Натали выше его? Но, может быть, расхождение было неизбежной расплатой за шесть месяцев совместной жизни? А действительно ли Натали лучше его? Бывает ли один лучше другого в любовных отношениях, то есть в таких отношениях, где значение имеют не моральные, а эмоциональные качества? А все же, как бы то ни было, она теперь смеялась реже, чем прежде, худела, и нередко в их чисто физической близости было что-то неистовое, нарочито яростное, словно каждый хотел с избытком утолить страсть другого и подчинить его себе и словно само наслаждение уже не было тем великолепным подарком, каким оно бывало для них прежде, а доказательством чего-то. Но что могли доказать эти вскрикивания, эти стоны, эти вздрагивания? Что могли доказать объятия двух жалких существ, которых влекло друг к другу? Что все это значило по сравнению со взглядом Натали в иные минуты или с отсутствием взгляда у Жилия? Они ничего не могли поделать: было плотское влечение, но этого оказалось недостаточно, их близость приносила лишь наслаждение – и ничего больше. Жиль никогда еще не был так захвачен страстью и никогда еще не находил так мало радости в своей любви.

Настал день, когда Натали понадобилось съездить в Лимож. Тетя Матильда, та, что присылала ежемесячно сто тысяч, была при смерти и звала племянницу. Решено было, что Натали пробудет там с неделю, остановится у Пьера и возвратится как можно скорее. Жиль отвез ее на вокзал – на Аустерлицкий вокзал, который был свидетелем того, как восемь месяцев назад Жиль уехал ужасно несчастный, как вернулся, не сознавая, что влюблен, снова уехал влюбленным и возвратился, прочно связав себя с Натали. Теперь он вспомнил о каждом из этих четырех путешественников и не знал, каким из них он хотел бы сейчас быть. Нет, знал – ему хотелось быть тем влюбленным Жилем, который в мае, уже сознавая свою любовь, но еще не понимая, что его ждет, смотрел из окна вагона, как течет Луара, проносятся пригороды, бегут облака, тем Жилем, для которого ночные часы пути полны были

чудесных неожиданностей, завершившихся самым большим чудом – на перроне его ждала Натали, сбежавшая со званого ужина. Как она бросилась тогда ему навстречу! Жиллю нравилась история их любви, хотя иной раз и не нравилась их совместная жизнь. Ему нравился даже тот худой и грустный, несчастный парень, на грани отчаяния, тот страдалец, каким он был тогда, и очень нравилась та страстная, безрассудная, не знавшая меры и такая благовоспитанная женщина, которая внезапно влюбилась в него. Ах, луга Лимузена, и трава, нагретая солнцем, и дно прозрачной реки, и ладонь Натали, охватившая его затылок, и та мрачная каморка, где они соединились в первый раз, и взгляд хозяина харчевни, и душная комната под раскаленной крышей, и коктейли Флорана!.. Но почему же сейчас они бродят по перрону растерянные, как заблудившиеся собаки, придумывая, что бы сказать друг другу, то и дело сверяя часы с вокзальными, покупая какие-то нелепые иллюстрированные журналы? Что случилось? Он взглянул на четкий профиль Натали, вспомнил, как они прожили в Париже эти три месяца, и не мог разобраться в себе. Он вовсе не хотел, чтобы она куда-то уезжала, но, если бы по какой-то фантастической причине вдруг что-нибудь случилось в пути, например под Орлеаном, и ей пришлось бы вернуться сейчас домой, он был бы взбешен. В тот день он собирался поужинать с Жаном и с приятелями – ничего увлекательного в этой перспективе не было, во всяком случае, ничто не влекло его сильнее, чем эта женщина, и все-таки сейчас ему хотелось, чтобы она уехала, чтобы поезд отошел поскорее. Да он просто с ума сошел! В нем живет какой-то несчастный безумец, которому дороже его свобода, никчемная, ненужная свобода.

Он простился с Натали долгим поцелуем, посмотрел, как она проходит по коридору вагона. Перед ним простирался город, огромный и весь в трещинах, как фотография лунной поверхности, – город сухой и залитый светом, город как раз для него. Да, Натали была права, когда говорила, что он отлично приспособлен к своему времени.

«В сущности, ты только это и любишь, – говорила она. – Ты заявляешь, что тебе ненавистны дикие нелепицы, свойственные нашему веку, его ложь и насилие. Но ты в нашем веке как рыба в воде, ты прекрасно плаваешь во всем этом, конечно, против течения, но уж очень ловко. Ты выключаешь у себя телевизор, ты выключаешь радио, но только потому, что тебе нравится их вы-ключать. Этим ты выделяешься».

«А ты?-спрашивал он.-Ты в каком веке хотела бы жить?»

«Я? В том, которым можно восхищаться»,-отвечала она. Восхищаться?.. Женщина не должна говорить таких вещей. Женщине достаточно восхищаться мужчиной, который рядом, и тогда у нее не будет ребяческой и рассудочной тоски по несбыточному.

Немного позже он присоединился к приятелям, и ему был оказан торжественный прием – разумеется, весьма скромный торжественный прием, но все же прием, каким обычно удостоивают приятеля, вырвавшегося на свободу. «А!

Вот и Жиль!» – крикнул кто-то, и все дружно засмеялись, когда он шутовски поклонился, прижав руку к сердцу. И конечно, никогда бы они не сказали таким же тоном: «А! Вот и Жиль с Натали!» Но за это нельзя было на них сердиться: у людей, ищущих удовольствий, так крепка сила привычки, а ведь он очень долго, уже лет пятнадцать, играл роль одинокого человека. Правда, этого одинокого зачастую сопровождала та или иная женщина, но, конечно, такая женщина, которую можно было оставить в клубе за чьим-нибудь столиком или в обществе приятеля – словом, женщина вроде Элоизы: она знала всех, и он мог, не задумываясь, оставить ее, будучи уверен, что к ней за столик непременно подсядет какой-нибудь юнец или приятельница. Но вот теперь в его жизни появилась Натали, Натали, которая в эту минуту, вероятно, уже миновала Орлеан.

Он очень спокойно провел вечер, пил мало и вернулся домой один, в первом часу ночи. У него был записан номер телефона Пьера, и, придя домой, он позвонил. К телефону тотчас подошла Натали, и Жиль нежно доложил ей, что он дома, что слушает музыку Моцарта, что без нее постель слишком для него широка. Он, естественно, немного приукрасил, сам восхищаясь своим примерным поведением.

– Я ужасно долго ехала, – сказала Натали, – не люблю этой дороги. Как ты себя чувствуешь? Хорошо?

Голос ее долетал откуда-то издали, слышимость была плохая, Жиль мялся, подыскивая слова. Если бы он наделал глупостей, у него наверняка нашлось бы о чем поговорить с ней. Необходимость лгать пробуждает изобретательность, подстегивает воображение.

– Сейчас лягу, – заявил он. – Завтра у меня много работы. Думаю о тебе

– ты же знаешь.

– Я тоже. Покойной ночи, дорогой.

Она повесила трубку.

Они разговаривали так, словно были женаты лет десять. Он, позевывая, снял галстук, посмотрел в зеркало. Вот сейчас он благоразумно вытянется в этой постели, благоразумно послушает хорошую музыку – в такой час это легко (он забежал немного вперед, сказав Натали о Моцарте), а потом уснет, как дитя; завтра проснется в полной форме, будет работать, словно одержимый, и ждать, когда вернется его прекрасная возлюбленная. Но из зеркала на него смотрело собственное его отражение, и этот другой Жиль, оказавшийся напротив него, улыбался – да, действительно Жиль видел себя улыбающимся. Он схватил куртку и вышел из дому, хлопнув дверью.

– Ну, мы так и думали!..

Он снова очутился в клубе. Жан смеялся: Жилю было так тепло со своими друзьями, настоящими или мнимыми, но все же друзьями, веселыми ребятами, готовыми на все, что угодно, – с друзьями, которых он основательно забросил ради женщины. Это нехорошо с его стороны: душевное равновесие у этих людей неустойчиво, им не следует подолгу пропускать занятия в вечерней школе – это их размагничивает. Он наклонился к Жану:

– Я, право же, хотел остаться дома и вдруг чувствую – не могу уснуть. Не люблю спать один.

– Вероятно, это нетрудно уладить, – сказала подруга Жана.

Как она была вульгарна в тот вечер!.. Жиль и прежде считал ее глуповатой, но она еще никогда не казалась ему такой вульгарной. Жан даже бровью не повел, и Жиль решил, что его друг уже вообразил невесть что-будто это Натали вдолбила ему понятия о хорошем и дурном тоне, а разбираться в таких вещах весьма утомительно.

– Разумеется, на свете существует малютка Катрин, – сказал он.

Катрин была обольстительной блондиночкой, она уже давно намекала Жилю, что он ей нравится. Как раз в эту минуту она проходила мимо.

– С ней не советую, – сказал Жан. – Она болтлива как сорока, и Натали все узнает.

Говорит с ним, как со школьником, удравшим из дому. Да еще и не известно, что он имеет в виду: то ли хочет избавить Натали от огорчения, то ли подчеркнуть зависимость Жилия.

– Я достаточно взрослый, – сказал он неопределенно. – И уж во всяком случае, из-за какой-то Катрин ничего не изменится между мной и Натали.

– Я в этом не слишком-то уверен, – миролюбиво ответил Жан. – Твоя Натали-женщина с характером.

И на лице его заиграла умиленная улыбка. Жиль бросил на него инквизиторский взгляд, который, как все инквизиторские взгляды, ничего не открыл. Только случайный взгляд способен уловить что-то. На Жилия решительно напала хандра. Когда Натали была с ним, он чувствовал себя в капкане, а теперь, когда ее нет, ему стало чуть ли не хуже. Наверное, это и называется «испортить себе жизнь». В каждом взгляде своих друзей, во всех их разговорах он чувствовал, что его считают «несчастливым влюбленным, тоскующим в одиночестве», или же «беднягой, которого любовница держит в ежовых рукавицах и которому требуется разрядка». (Обе эти роли были не для него.) Если он будет весь вечер сидеть за столиком, он всем покажется грустным; если он вдруг бросится, да еще в клубе, к «малютке Катрин», это будет унижительно для Натали, да и для него самого. Он вздохнул и потребовал счет. Испортил себе еще час жизни.

Глава девятая

Нет, он испортил себе не только час. В этом он окончательно убедился на следующее утро, когда проснулся и сразу же позвонил Натали.

– Я позабыла вчера напомнить тебе, чтобы ты взял из чистки свой синий костюм – он уже готов, – сказала она. – Позвонила еще раз, но ты не подошел к телефону.

Ну, конечно, не подошел: ведь пай-мальчик удрал из дому через минуту после того, как повесил трубку. Впрочем, удрал-то совершенно зря – но разве она теперь ему поверит? И правда и ложь объединились в заговоре против него. А ведь он и в самом деле собирался остаться дома, когда разговаривал с ней.

– Я сразу догадалась, что тебе захотелось повидаться с друзьями, – произнес далекий голос Натали. – Но зачем ты выкинул со мной этот номер? Неужели я тебе в тягость? Зачем надо было говорить о нашем доме, о слишком широкой постели и о музыке? Зачем, Жиль?

– Я действительно хотел остаться, когда звонил тебе, – ответил он. – А потом вдруг решил пойти в клуб.

– Через минуту?

Слова его прозвучали фальшиво – правда чаще всего звучит ужасно фальшиво, тут уж он ничего не мог поделать. Но все-таки он продолжал объяснять:

– Выпил в клубе с Жаном и через час уже был дома. «Мало того, что ради тебя не подступился к очаровательной Катрин, мало того, что вел себя, как ангел, все равно причинил тебе страдание, и ты еще думаешь, будто я лгу». Положение безвыходное! Он был в ярости, но понимал ее: при всей его добросовестности он был уличен во лжи.

– Не так уж важно то, что ты сделал или не сделал. Важно то, что ты сказал, то, что считал себя обязанным сказать. Он вздохнул, закурил сигарету, провел рукой по волосам.

– Я потом тебе все объясню, – сказал он. – Как тетя?

– Очень плохо. Вряд ли протянет еще день-два. Я как раз еду туда с Пьером.

Правда, ведь она живет у Пьера, и, должно быть, Пьер был свидетелем, как его сестра вчера снимала трубку, отвечала ласковым голосом, как потом воскликнула: «Ах, химчистка!» – позвонила сама и, не получив ответа, обратила к брату чересчур спокойное лицо. Мы зачастую больнее раним людей через их близких, чем причиняя боль им самим. Ведь тогда приходится из гордости лгать, что-то придумывать, изощряться, как будто позабыв, что телефон-то рядом. Будь Натали одна, она, может быть, стала бы звонить ему каждые полчаса и вскоре дозвонилась бы. Ах, в конечном счете жизнь устроена слишком глупо!

– Натали, – сказал он, – я люблю тебя.

– Я тоже, – ответила она, но голос ее прозвучал невесело: скорее, она смиренно признавала бесспорный факт.

И она повесила трубку. Через неделю он все ей объяснит, он будет держать ее в объятиях, будет прижимать к себе теплое, живое тело Натали, оно и станет связью между ними, а не ее упрямо замкнутое лицо и не те нелепые унылые фразы, которыми она обменивалась по телефону. Что же до других (он не знал в точности, кто эти «другие», – просто в воображении возникал злобно жужжащий рой парижан) – они еще увидят. Вернее сказать, ничего не увидят. Во-первых, не увидят Жилия Лантье целую неделю, а потом, когда Натали вернется, не увидят их обоих. Они будут сидеть дома или ходить в театры, раз она любит театр, или будут ходить на концерты, раз она любит музыку. Разумеется, он лично предпочитает послушать хорошую пластинку, лежа на ковре, но раз нужно, так нужно, – он все будет делать в угоду Натали. Приободрившись от этих мыслей, он встал, напевая, отправился в редакцию чуть ли не раньше времени и весь день усердно работал. И как же он был ошеломлен, когда в три часа утра обнаружил, что сидит в клубе и рассуждает с английским журналистом о сегрегации в Америке.

А через десять дней в одиннадцать часов вечера приехала Натали, и он встречал ее на их любимом Юго-Западном вокзале. На перроне их обгоняла – или шла за ними – веселая толпа дам-провинциалок, одетых так же, как Натали: все в юбках чуть длиннее, чем требовала мода, в шелковых платочках на голове, в руке – чемоданчик. Кроме гордой посадки головы, а при ближайшем рассмотрении – и красоты, ничто не отличало ее от других. У него бывали любовницы, чьих собачек, точно букеты цветов, носили грумы, и тогда он не видел в этом ничего особенного. Но на этом сером и унылом вокзале (шел дождь) ему хотелось, чтобы Натали появилась, как яркое пятно, как что-то несбыточное, как взметнувшееся пламя. Он

крепко обнял ее, поцеловал. Глаза у нее были обведены темными кругами, и она была, конечно, в трауре.. Какой же он идиот!

– Ах, это ты! – сказала она и замерла, прижавшись к нему. На них смотрели, и ему стало немного стыдно: ведь им в конце концов, не по двенадцать лет, чтобы так откровенно выказывать на вокзале свои чувства. Он попытался пошутить:

– А кто, по-твоему, это мог быть?

– Ты, – ответила она. – Именно ты.

Она вскинула голову, и он пристально посмотрел на нее. Ему показалось, что лицо у нее немного припухло, что она небрежно подкрасилась, этот осмотр казался ему вполне естественным, так же как и ее возвращение к нему. Он приехал на вокзал встретить любовницу, почти жену, и рассматривал ее, как все старые любовники рассматривают друг друга, – вот и все. Он взял ее под руку.

– Я купил жареную курицу, поужинаем дома. Ты выехала сразу после похорон?

– Да, разумеется. Ты же понимаешь, мне не так-то приятно было в Лиможе.

– Честные люди бросали в тебя камнями на улице?

– Нет, – ответила она, – они знают, что плоть слаба. Они теперь читают газеты.

Дома она окинула рассеянным взглядом беспорядок, который он успел произвести за два часа – перед тем как поехать на вокзал, – прошла в ванную, подкрасилась, а он тем временем, яростно ругаясь, разрезал курицу. После кофе они прошли в гостиную, и Жиль осторожно поставил только что купленную им пластинку Гайдна.

– Ну что? – сказала она. – Что нового в Париже? Она произнесла это небрежно, закрыв глаза, таким тоном, словно в Париже ничего нового не могло быть.

– Да больших новостей нет, – ответил он. – Ты читала газеты?

– А ты?

Тон вопроса был тот же. Он улыбнулся.

– Я тоже не читал. Много работал. Пожалуй, выпивал лишнего без тебя да вот купил эту пластинку.

Он не добавил, что однажды пошел, очень пьяный, проводить Катрин до дому и потерпел полное фиаско. Но во всяком случае, можно быть уверенным, что девица будет помалкивать. В ее же интересах скрыть его внезапное бессилие, поскольку ему теперь известны все ее прихоти. Он протянул руку, и Натали сжала ее.

– Ну а ты? Видела Франсуа?

– Да, видела. Он специально приезжал к Пьеру, чтобы встретиться со мной.

– Зачем?

– Уговаривал вернуться. Мне кажется, он тоскует.

– Провинция переменилась, – сказал Жиль.

Он был раздосадован, сам не зная почему. Все мужчины хотят отнять у него эту женщину и ни на секунду не допускают мысли, что она его любит... что она может любить его. Ясно. Он в ее жизни – просто случай.

– И что же ты ему сказала?

– Что не вернусь. Что люблю тебя. Что очень сожалею, но... Пьер тоже уговаривал меня остаться.

Что-то вроде негодования поднималось в душе Жилия. Конечно, он тут десять дней вел себя как мальчишка, как свободный от всяких уз молодой человек. А к чему все это свелось?

Провел два часа с порочной девчонкой да целые ночи разговаривал с умниками, опустошенными алкоголем и приспособленчеством. А в это время Натали окружали знакомые лица, взволнованные люди, вдруг утратившие всю свою гордость, – она жила, она играла роль Анны Карениной – только наоборот. Она переживала угрызения совести, даже сожаление – словом, испытывала человеческие чувства.

– Не знаю даже, зачем я тебе говорю об этом. Я так устала. Значит, ты доволен своей работой?

Уж не собирается ли она поставить ему хорошую отметку за поведение? Он сам не мог понять своей ревности, своей бешеной злобы. Ведь Натали вернулась. Все бросила ради

него. Вот она тут. Чего же он боится?

– Я видела и твою сестру и Флорана на похоронах. Она жаловалась, что от тебя давно нет вестей. Ты бы ей написал.

– Завтра напишу,-сказал он.

Он старался успокоиться, чтобы голос не срывался, чтобы не дрожали руки. Он даже улыбался.

– Тебе надо лечь спать, – сказал он, – ты совсем извелась. Я сейчас приду.

Оставшись один, он выпил большой глоток виски, прямо из бутылки, спирт обжег ему горло. Сейчас настанет час любви с этой совершенной подругой, с этой совершенной возлюбленной, с этим воплощением совершенства. Жизнь в конечном счете наладилась.. Он даже сможет сказать сейчас: «Знаешь, мне очень тебя не доставало»,-и это не будет ложью. Но у него зуб на зуб не попадал..

Глава десятая

Она действительно сожгла последние мосты, соединявшие ее с прошлым, с детством, с друзьями. Брат замучил ее советами, мольбами, а муж поставил ультиматум: «Или оставайся сейчас, или уходи навсегда». Обо всем этом она рассказала Жилью короткими, отрывистыми фразами, и он радовался, что она в темноте не видит его слез. Никто в Лимузене не доверял ему, решительно никто, даже родная его сестра Одилия, которая, однажды набравшись смелости, отвела Натали в сторону и спросила, счастлива ли она, но с таким видом, будто спрашивала о чем-то невозможном.

«Мне там больше нечего делать», – говорила Натали, а он теперь часто задумывался: быть может, они правы, эти положительные люди, прочно стоящие на земле. Время шло, апрель уже опушил зеленью деревья, и они все жили, как жилось. Однажды утром Жиль пришел в редакцию сияющий: накануне вечером он написал очень хорошую статью о Греции. Он прочел ее Натали, она была взволнована этой статьей, и он почувствовал себя очень уверенным. В самом деле, Фермон нашел, что написано хорошо, и Жан похвалил; даже Гарнье, который со времени знаменитой ночной вылазки Жилия немного сторонился его, поздравил товарища с удачей. Статья была написана сжато, страстно и четко; именно такие статьи газете следовало бы печатать каждую неделю, заявил Фермон. Жиль был в превосходном настроении и, когда утром заверстали газету, пригласил Жана, доброго старого друга Жана, позавтракать с ним. За столиком они все время говорили о политике, потом решили в этот день больше не работать, а пойти в кино. Обошли все кинотеатры на Елисейских полях, но тщетно: если один не видел картины, другой непременно видел.

– К себе я тебя не приглашаю, – сказал Жан. – Сегодня у Марты гости. Не могу подложить тебе такую свинью.

– Пойдем лучше ко мне, – сказал Жиль. – Натали вернется только в половине седьмого. А дома нам удобнее будет поговорить о событиях в Греции.

Он чувствовал, как ясно, абстрагируясь от всего, работает сейчас его ум, и радовался, что еще два часа может развивать свои мысли перед Жаном, который, как он знал, умел и слушать и возражать. Он отпер дверь, усадил Жана, налил ему кальвадоса.

– Давненько я здесь не бывал, – сказал Жан, усаживаясь поудобнее.

В голосе его не звучало ни малейшего укора, но Жиль подумал, что он прав. А раньше тут всегда толкался народ, даже стульев не хватало. Так было до... Натали. Он поморщился:

– Знаешь ли...

– Да знаю-знаю, дружище, – прервал его Жан. – Страсть – это страсть. Это лучшее из всего, что могло с тобой случиться. В особенности страсть к такой женщине, как Натали. Казалось, он говорил совершенно искренне.

– И да и нет,-сказал Жиль и наклонился к Жану.

Он по-чувствовал, что способен к психологическому анализу, тонкому, прустовскому анализу. Когда чувствуешь себя умным, предателем себя не чувствуешь. – Видишь ли, когда я с ней познакомился, я был... ну, ты, конечно, помнишь... с меня словно кожу содрали. Бог знает

почему, но именно так и было. Она положила меня на пуховую подушечку, согрела, вернула к жизни. Право. Но теперь... Теперь эта подушка давит мне на лицо, душит. Вот оно как. Все, что я любил в ней и что поддерживало меня – ее властность, ее прямолинейность, цельность, – все это обратилось против нее...

– Потому что сам ты вялый и неустойчивый, – ласково сказал Жан.

– Если хочешь, да. Может быть, я последняя сволочь, но, право же, бывают минуты, когда я дорого дал бы за то, чтобы не представлять перед ее судом. И быть, как прежде, одиноким.

Ему следовало бы, ради точности, добавить, что он не может и помыслить себе жизни без нее. Но в порыве гордости и самодовольства по поводу своей удачной статьи и всеобщего одобрения, видя явное сочувствие Жана, он избавил себя от этого признания.

– Может быть, тебе следует все это объяснить ей, – сказал Жан и умолк.

Жиль обернулся. В дверях спальни стояла Натали. Она казалась спокойной. Нет, глаза у нее были светлее, чем обычно. А дверь была закрыта, когда они пришли?

– Добрый вечер, – сказал Жан.

И поднялся с места. Он тоже немного побледнел.

– Вы тут беседовали? – сказала Натали. – Агентство сегодня днем закрыто, и я этим воспользовалась, чтобы немного поспать.

– Я... Ты спала? – в отчаянии лепетал Жиль.

– Только что проснулась. И сейчас покину вас: мне надо кое-что купить.

– Да останься же, – торопливо проговорил Жиль, – останься. Мы с Жаном как раз говорили о моей статье, которую я вчера прочитал тебе.

– Хорошая статья, верно? – сказала она Жану. – Нет, останься я не могу. Право, мне надо идти. – И, улыбнувшись им, она ушла.

Они медленно опустили в кресла.

– Ах, дьявол! – выругался Жиль. – Ах, дьявол!.. Как по-твоему, она...

– Нет, не думаю, – ответил Жан. – Мне кажется, дверь была закрыта. Во всяком случае, ты не сказал ничего ужасного. Только то, что иногда тебе бывает муторно. Каждой женщине это знакомо.

– Нет, это ужасно. Даже очень. Как ты не понимаешь? – крикнул он. – Ужасно, что я говорил вот так о моих отношениях с ней, да еще тебе...

– Что значит «да еще тебе»? Чем я провинился?

– Ничем, – ответил Жиль. – Сейчас не время обижаться.

– Послушай меня, давай допьем кальвадос и подождем немного. Вечером она закатит тебе бурную сцену – это худшее, что тебя ждет, но ведь ты уже привык к этому.

– Нет, – задумчиво сказал Жиль, – нет, не привык. Время шло и как будто не шло. Жиль едва слышал, что говорил Жан, – он подстерегал шаги на лестнице. Уже час ее нет, уже полтора часа. А ведь она терпеть не могла бегать по магазинам, не может быть, чтобы она ушла за покупками. На всякий случай он позвонил Гарнье, но тот не видел Натали. В пять часов ему стало совершенно ясно, что она на вокзале – сейчас сядет в поезд и поедет назад в Лимож.

Он бросил Жана и помчался на вокзал, пробежал по всем вагонам и не нашел Натали. Другого поезда по расписанию не было, самолета на Лимож в этот день тоже не было. В шесть часов поезд отошел без него и без нее. На вокзале ее тоже не было. Он помчался обратно и чуть не взвыл от бешенства, попав в «пробку»... Может быть, Натали дома? Может быть, она ничего не слышала? Было уже почти семь часов вечера, когда он отпер дверь своей квартиры. Там было пусто, на столе лежала записка от Жана: «Не волнуйся ты!

Хочешь, приходи к нам ужинать». Да что, Жан с ума сошел, что ли? Оставалось только одно – ждать, а для Жилия это было самым невыносимым. А может быть, она у своей уродины подруги? Он бросился к телефону. Нет, у подруги ее не было. Нет, погоди, пусть только вернется, он тоже даст ей две пощечины. Она правильно поступила в то утро, когда он пришел после пьянки. Но разве она станет сознательно пугать его и мучить – это на нее не похоже. Она уважает людей. Он сел в кресло, но даже и не пытался читать газету. В голове была гудящая пустота. В полночь зазвонил телефон.

Доктор был низенький и рыжий, с мускулистыми волосатыми руками. Странно, что у рыжих

даже на фалангах пальцев растет пух. Доктор смотрел на него безразличным взглядом, в глазах его не было ни осуждения, ни сочувствия – Жиль часто замечал такой взгляд у врачей в больницах. Натали нашли в половине двенадцатого. Ровно в четыре она сняла номер в гостинице, сказала, что очень утомилась и просит разбудить ее завтра в двенадцать дня, а сама приняла огромную дозу гарденала. Около одиннадцати часов вернулся к себе сосед и сквозь стену услышал ее хрип. Она оставила записку Жилью, и после оказания ей первой помощи ему позвонили. Надежды на то, что она выживет, очень мало. Организм, разумеется, восстал против смерти, борется, но сердце, должно быть, не выдержит.

– Можно мне ее увидеть? – спросил Жиль. Он еле стоял на ногах. Все это казалось нелепым кошмаром. Врач пожал плечами.

– Если хотите.

Она лежала полуобнаженная, и кругом были какие-то трубки. Что-то незнакомое искажало ее лицо. Он видел, как у нее на шее бьется синяя жилка, вспомнил, как быстро билась эта жилка в часы любви, и его охватило смутное чувство негодования. Она не имела права так поступать, отнять навсегда у него себя, такую прекрасную, полную жизни, такую любимую, она не имела права даже пытаться бежать от него. Ко лбу Натали прилипли мокрые от пота пряди потемневших волос, руки шевелились на одеяле. Сидевшая у постели медицинская сестра бросила на врача вопрошающий взгляд.

– Сердце слабеет, доктор.

– Ступайте отсюда, друг, я сейчас выйду к вам. Вы здесь не нужны.

Жиль вышел, прислонился к стене. В конце коридора было окно, и видно было, что там еще темнота, что над этим неумолимым городом еще простирается ночь. Жиль сунул руку в карман, нащупал какую-то бумагу, машинально достал ее. Это было письмо Натали: он развернул его и не сразу понял слова, которые прочел: «Ты тут ни при чем, мой дорогой. Я всегда была немного экзальтированная и никогда никого не любила, кроме тебя».

Вместо подписи она поставила, немного криво, большую букву «Н». Он положил записку в карман. Куда же он дел сигареты? А Натали? Ведь тут рядом Натали, куда же, куда он дел Натали? Из палаты вышел врач – он действительно был безобразно рыжий.

– Все кончено, друг мой, – сказал он. – Слишком поздно. Мне очень жаль. Хотите ее увидеть?

Но Жиль бросился бежать по коридору, натываясь на стены. Ему не хотелось, чтобы этот рыжий видел, что он плачет. Стремглав спускаясь по лестнице безвестной больницы, он едва слышал, что ему кричал врач. На последней ступеньке он остановился, за-дыхаясь от сердцебиения.

– А документы? – кричал сверху голос, откуда-то издалека. – Насчет документов как? У нее никого нет, кроме вас?

Он заколебался, но ответил правду – он знал, что это правда:

– Никого.